

Любимь

мистера Дэниелса

«Мне нужно, чтобы ты
пригласила меня в свое сердце
и позволила остаться на ночь».

Бриттани Ш. Черри

Всем, кого это касается.... Было легко назвать нас запретными и тяжелее — родственными душами. Тем не менее, я верила, что мы были и тем и другим. Запретные родственные души. Когда я приехала в Эджвуд, Висконсин, я не планировала найти его. Я не планировала появиться в баре «У Джо» и почувствовать, что музыка Дэниела взбудоражит мои эмоции. Я понятия не имела, что его голос заставит мою боль забыть свою собственную печаль. Я понятия не имела, что мое счастье запомнит свое собственное блаженство. Когда я начала последний год в своей новой школе, я не была готова звать его мистер Дэниелс, но иногда в жизни правильные события приходятся на совершенно неправильное время. Наша история любви не только о физической связи. Она о семье. Она о потере. О том, как остаться живым. Она была глупой. Печальной. Забавной. Эта история была нашей. И по всем этим причинам, я бы никогда не пожалела, что любила мистера Дэниелса.

Пролог

~ Двадцать месяцев назад ~

Я не знаю, что рассказать тебе,

Я не знаю, что сказать.

Я только знаю, что любовь к тебе приносит мне еще больше боли.

~ Скитания Ромео

Захваченный потоком мрачных мыслей и раздражением, я припарковал джип рядом с аллеей. Я никогда не был в этой части города. Я едва знал о ее существовании. Ночное небо было затянуто темнотой, поздний зимний холод еще больше влиял на мое раздражение. Мой взгляд перемещался по приборной панели автомобиля.

5:30 утра.

Я обещал себе, что не появлюсь снова по первой его просьбе. Его действия создали огромный кратер между нашими отношениями, уничтожая всё, кем мы были. Но я знал, что не смогу сдержать это обещание — держаться подальше. Он был моим братом. Хоть он и облажался, — что он делал часто, — он все еще был моим братом.

Прошло около пятнадцати минут, прежде чем я увидел, что Джейс хромает по переулку,

крепко держась за бок. Я выпрямился на своем сиденье, мои глаза встретились с его.

— Черт побери, Джейс, — пробормотал я, вылезая из машины и хлопая дверью. Я подошел ближе, позволяя уличному свету осветить его лицо. Его левый глаз заплыл, нижняя губа была рассечена. Его белая футболка была испачкана красным — его собственной кровью. — Какого черта случилось? — шепотом закричал я, помогая ему сесть в джип.

Он застонал.

Попытался улыбнуться.

Снова застонал.

Я захлопнул его дверцу и помчался на водительское сиденье.

— Они, бл*дь, пырнули меня ножом, — он провел пальцами по лицу, только размазывая еще больше крови по нему. Он снова рассмеялся, но его внешний вид демонстрировал серьезность ситуации. — Я сказал Реду, что отдам ему деньги на следующей неделе, — он поморщился, — и он отправил своих парней расправиться со мной.

— Иисус, Джейс, — я вздохнул, отъезжая от тротуара. Светало, но каким-то образом казалось, что сейчас темнее чем раньше. — Я думал, что ты прекратил продавать.

Он выпрямился, один его открытый глаз нашел меня.

— Я завяжу Дэнни, обещаю. — Он начал плакать. — Я клянусь Господом, я завяжу. — Было очевидно, что он не только продавал, но также вернулся к употреблению. Дерьмо. — Они убьют меня, Дэнни. Я просто знаю это. Они отправили...

— Заткнись! — закричал я, чувствуя, как мысль о моем умирающем брате проникает в мою голову. Во мне возрастал холодок и таинственный страх неизвестности. — Ты не умрешь, Джейс. Просто заткнись, черт побери.

Он рыдал и скулил от боли, глубокий звук потери и замешательства заполнил его слезы.

— Мне жаль... Я не хотел снова втягивать тебя в это.

Я посмотрел на него и тяжело вздохнул. Моя рука опустилась на его спину.

— Все в порядке, — я лгал.

Я отстранился от его проблем. Я сосредоточился на своей музыке и учебе. Первый год я обучался в колледже и, наконец, делал что-то для себя. Тем не менее, вместо того чтобы готовиться к своему следующему экзамену через несколько часов, я буду перевязывать раны Джейса. Идеально.

Он играл со своими пальцами, смотря вниз.

— Я больше не хочу возиться с этими делами, Дэнни. И я подумал. — Он посмотрел на меня, прежде чем его взгляд дрогнул и снова опустился. — Может, я могу вернуться в группу.

— Джейс, — предупредил я.

— Я знаю. Знаю. Я испортил...

— Полностью облажался, — поправил я.

— Да, правильно. Но знаешь, единственный раз, когда я был счастлив после того, как Сара... — он вздрогнул от своих собственных слов и беспокойно переместился на сиденье. Я нахмурился. — Единственный раз, когда я был счастлив с того дня, — когда я был на сцене с вами, ребята.

Мой желудок перевернулся, и я не ответил на его комментарий. Я сменил тему.

— Мы должны доставить тебя в больницу.

Его глаза расширились, и он покачал головой туда-сюда.

— Нет. Никакой больницы, — сказал он.

— Почему?

Он сделал паузу и пожал плечами.

— Копы могли установить слежку за мной...

Я изогнул бровь.

— За тобой следят копы?

Он кивнул.

Я выругался.

Итак, он не только убегал от людей на улицах, но он убегал еще и от тех, кто сажал в тюрьму людей с улиц. Я бы хотел, чтобы это удивило меня.

— Что ты сделал? — спросил я раздраженно.

— Не имеет значения, — я послал ему холодный взгляд и он вздохнул. — Я не виноват, Дэнни. Клянусь, не виноват. Послушай, несколько недель назад, Ред захотел, чтобы я перегнал машину. Я не знал, что, черт побери, в ней.

— Ты перевозил наркотики?

— Я не знал! Я клянусь Господом, что не знал!

О чем, черт побери, он говорит? Он думал, что перевозил гребаные леденцы?

Он продолжил:

— В любом случае, копы сели мне на хвост, когда я приехал на заправку, чтобы пополнить бак. К тому времени, как я вышел из здания заправки, машина была окружена. Один из копов увидел, как я быстро отхожу от машины, и закричал мне остановиться, но я не сделал этого. Я побежал. Оказалось, что кросс, который я бегал в школе, не прошел даром. — Он хихикнул.

— Это забавно? Ты думаешь, что это забавно? — спросил я, моя кровь закипела. — Потому что я, черт побери, так не считаю, Джейс! — он опустил свою голову. Я вздохнул. — Куда мне отвезти тебя?

— Отвези меня к отцу и маме, — сказал он.

— Ты шутишь, верно? Мама не видела тебя год и первое место, куда ты хочешь поехать — к родителям? Избитый и в крови? Ты пытаешься убить ее? И ты знаешь, что у отца не все в порядке со здоровьем...

— Пожалуйста, Дэнни, — скулил он.

— Мама в это время ходит на свои утренние прогулки по пристани... — предупредил я.

Он шмыгнул носом и провел под ним пальцем.

— Я просто подожду в лодочном сарае и приведу себя в порядок. — Он сделал паузу и повернулся к окну пассажирского сиденья. — Я приведу себя в порядок, — повторил он снова.

Как будто я не слышал этого прежде.

Через двадцать минут мы добрались до дома родителей. Они жили у озера в нескольких милях от Эджвуд, Висконсин. Папа обещал маме домик у озера когда-нибудь, и понадобилось только несколько лет, чтобы он смог позволить себе купить ей это место. Дом нуждался в ремонте, но это был их дом, который нуждался в ремонте.

Я припарковал машину за сараем. Лодка отца была внутри, ожидая, когда закончится зима. Джейс вздохнул и поблагодарил меня за то, что привез его. Мы вошли в сарай, утренний свет просачивался в окна.

Я подошел к лодке и забрался внутрь, захватив несколько полотенец из-под палубы. Когда я отошел назад, то увидел что Джейс сидит и смотрит на рану.

— Она не такая глубокая, — сказал он, прижимая к ней ладонь. Я вытащил карманный нож, разрезал одно из полотенец и прижал его к ране. Джейс посмотрел на лезвие и закрыл глаза. — Отец дал тебе этот нож?

Я уставился на металл в своей руке и сложил его, вернув обратно в свой карман.

— Одолжил его.

— Отец не позволяет мне трогать вещи.

Мои глаза опустились на его рану.

— Задаюсь вопросом почему.

Прежде чем он смог ответить, возле пристани раздался крик.

— Какого черта... — пробубнил я, прежде чем ринулся наружу с прихрамывающим Джейсом, который следовал за мной. — Мам! — закричал я, увидев, как ее тянет незнакомец в красной толстовке с пистолетом у ее спины.

— Как они нашли нас? — пробормотал Джейс сам себе.

Я в замешательстве посмотрел на своего брата.

— Ты знаешь его? — спросил я с отвращением.

И взбешенно.

И напугано.

Больше всего напугано.

Незнакомец поднял взгляд и увидела нас с Джейсом, и я мог поклясться, что он ухмыльнулся.

Ухмыльнулся, прежде чем пистолет выстрелил.

И он побежал, когда мама упала.

Голос Джейса взмыл в небо. Этот звук был наполнен гневом и страхом, когда он бросился к маме, но я оттолкнул его.

— Мам, мам. Ты в порядке. — Я повернулся к брату и сильно толкнул его. — Звони 9-1-1.

Он стоял над нами, слезы стекали по его лицу из его налитых кровью глаз.

— Дэнни, она не... Она не... — Его слова были бессвязными, и я ненавидел его за то, что думал о том же, о чем и я.

Я потянулся в карман, вытащил свой телефон и сунул ему в руки.

— Звони! — приказал я, держа маму в своих руках.

Я посмотрел в сторону дома и увидел лицо отца, когда он понял, что произошло. В тот момент, когда он понял, что в действительности слышал звук пистолета, и на самом деле это его жена лежала неподвижно. Его тело было разбито из-за проблем со здоровьем, но он пробежал весь путь до нас.

— Да, здравствуйте. Наша мама... В нее выстрелили! — просто услышать слова, вылетевшие из уст Джейса, спровоцировало мои слезы.

Я провел пальцами по волосам мамы и обнял ее тело, когда папа бросился к нам.

— Нет... нет... нет... — бормотал он, упав на землю.

Я держал крепко. Держал их обоих. Она смотрела на меня своими голубыми глазами, умоляя ответить на неизвестный вопрос.

— Ты в порядке. Ты в порядке, — шептал я ей на ухо.

Я лгал ей и самому себе. Я знал, что она не перенесет это. Что-то внутри меня

продолжало говорить, что было слишком поздно и не было никакой надежды. Тем не менее, я не мог перестать говорить это, я не мог перестать думать об этом. И я не мог перестать плакать.

Ты в порядке.

1 глава

~ Наши дни ~

Смерть не страшна, она не проклятие.

Я просто чертовски хочу, чтобы она забрала меня первым.

~ Скитания Ромео

Эшлин

Я сидела на дальней скамье. Я ненавидела похороны, но с другой стороны, полагаю, было бы странно, если бы я любила их. Я задавалась вопросом, были ли люди, которые любили подобные вещи. Люди, у которых была большая форма развлечения — приходить и вдыхать всю эту печаль. Знаете, как говорят: вы не можете произнести похороны без веселья (прим. пер. имеется в виду, что слово «похороны» на англ. funeral, а «веселье» fun).

Я в порядке.

Всякий раз, когда люди подходили ко мне, они делали этот неуверенный вдох, думая, что они в действительности смотрят на Габи.

— Я не она, — шептала я им, прежде чем они хмурились и продолжали идти. — Я не она, — шептала я про себя, ерзая на деревянной скамье.

Я болела, когда была маленькой, переходила из больницы в больницу в возрасте с четырех до шести лет. Я полагала, что в моем сердце была дыра. После слишком большого количества операций и молитв, я была в состоянии жить нормальной жизнью. Мама тогда думала, что я умру, и я не могла ничего поделать, но считала, что она была разочарована, что Габи была той, кто умерла, а не я.

Она начала пить после того, как обнаружила, что Габи больна. Она старалась изо всех сил скрыть это, но один раз я зашла к ней в комнату. Мама плакала и раскачивалась из стороны в сторону на своей кровати. Когда я забралась к ней, чтобы поддержать ее, я почувствовала запах виски в ее дыхании.

Мама никогда не была хороша в том, чтобы переносить трудности, и алкоголь был единственным способом, с помощью которого она справлялась со своими проблемами. И далеко не лучшим результатом всего этого являлось то, что нам с Габи приходилось уезжать в гости к дедушке, пока она была на реабилитации. После последней, она обещала, что навсегда завяжет с бутылкой.

Мама сидела в переднем ряду со своим парнем, Джереми — единственным человеком, кто был в состоянии убедить ее одеваться каждый день. Мы не разговаривали много, с тех пор как Габи сделала всю это эгоистичную фигню — умерла и прочее. Она всегда любила Габи больше. Это не было секретом. Габи нравилось то же самое, что и маме, как например, макияж и телевидение. Они всегда смеялись друг с другом, и им было очень весело вместе, пока я сидела в комнате на диване и читала книги.

Я знаю, что родители всегда говорят, что у них нет любимцев, но как это может быть правдой? Иногда у них есть ребенок, что так похож на них, что они клянутся Богом, что он сделал его по их подобию. Так и было у Габи с мамой. Но в других случаях вы получаете ребенка, который читает словарь для развлечения, потому что: слова — крутые.

Угадайте кто это?

Она достаточно любила меня, но я точно уверена, что не нравилась ей. И я не переживала из-за этого, потому что любила ее достаточно, чтобы хватило на нас обеих.

Джереми был достойным мужчиной, и я всегда втайне задумывалась, сможет ли он вернуть ту маму, что была у меня до болезни Габи. Маму, которая могла посмотреть в мою сторону. Маму, которая любила меня, но не так сильно, как я ее. Я правда скучала по той маме.

Соскребая черный лак на ногтях, я вздохнула. Пастор продолжал говорить о Габи, как будто знал ее. Он не знал ее. Мы никогда не ходили в церковь, поэтому тот факт, что мы были в ней прямо сейчас, был немного драматичным. Мама всегда говорила, что церковь внутри нас, и что ты можешь найти Бога во всем, поэтому нет причины ходить в здание церкви каждое воскресенье. Я думала, что это просто был ее способ сказать: «Я сплю подольше по воскресеньям».

Не было ни единого шанса, что я могла оставаться в церкви на секунду дольше. В месте молитв и веры, я чувствовала, будто задыхаюсь.

Я повернула голову к дверям церкви, когда в мои уши ударила еще одна церковная песнь. О боже мой. Сколько у них песен? Оттолкнувшись от скамьи, я вышла наружу, чувствуя летнее тепло на своей коже. Было ярче, чем в предыдущие годы. Несколько капелек пота скатилось с моего лба еще до того, как я достигла ступенек. Оттянув черное платье, которое была обязана носить, я старалась не шататься на непривычно высоких каблуках.

Некоторые люди, вероятно, подумали бы, что это странно, что я надела платье, которое выбрала моя умершая сестра. Но это была Габи. Она всегда была немного безумной, как например, говорила о своей смерти, прежде чем она наступила, прежде чем она даже заболела, и, желала, чтобы я выглядела лучше всех на похоронах. Платье было немного маловато для меня в талии, но я не жаловалась. Кто вообще мог жаловаться здесь?

Сев на верхнюю ступеньку церкви, я расположила локти по бокам своего тела, согнув их так, чтобы я могла чувствовать немного боли от давления, которое применяла. Похороны были скучными. Я наблюдала за муравьем на верхней ступеньке, который выглядел немного ошеломленным и в замешательстве, бегая туда-сюда, влево и вправо, вверх и вниз.

— Ну, кажется, у нас есть много общего, мистер Муравей.

Я прикрыла глаза от солнца и посмотрела в голубое небо. Глупое голубое небо, всеобщее счастье и прочая ерунда. Даже хотя я прикрыла глаза, солнце светило теплом на меня, увеличивая мои угрызения совести и чувство вины.

Я наклонила голову, изучая ступеньки из цемента, вырисовывая кончиком каблука бесконечный круг. Я не была в этом уверена, но считала, что одиночество — это болезнь.

Инфекционное, отвратительное заболевание, что медленно прокрадывалось в твою систему и овладевало тобой, даже хотя ты пытался бороться с ним изо всех сил.

— Я помешал? — сказал голос позади меня. Голос Бентли.

Повернувшись, я увидела, что он стоит с сундучком в руках. Он улыбнулся мне, но в его глазах была печаль. Я похлопала по месту на ступеньках рядом со мной, и он быстро принял мое безмолвное приглашение. Габи одела и его тоже. Синий пиджак был поверх его поношенной футболки с Битлз. Люди внутри, вероятно, странно смотрели на него, из-за выбора одежды, но Бентли не заботило, что думали другие. Он заботился только об одной девушке, ее желаниях и потребностях.

— Как дела? — спросила я, положив руку на его колено.

Его голубые глаза нашли мои зеленые, и сначала он рассмеялся. Тем не менее, мы оба знали, что это был смех от страдания. Мои губы изогнулись. Бедный парень. Он накрыл лицо руками и свернулся на ступеньках. Я слегка ахнула, почти чувствуя, как его сердце разбивается на кусочки. Прежде, я всего один раз видела, как Бентли плачет, и это было, когда он выиграл билеты на концерт Пола Маккартни. Это были очень разные типы слез.

Смотреть как он ломается, заставляло меня чувствовать себя такой беспомощной, все что я хотела — это поглотить всю его боль и отправить ее в космос, так, чтобы он никогда не чувствовал ее снова.

— Мне так жаль, Бентли, — тихо сказала я, обернув руки вокруг него.

Он продолжил плакать еще некоторое время, прежде чем вытер слезы.

— Я такой идиот, что сломался прямо перед тобой. Последнее, что тебе нужно видеть — это как кто-то разваливается на части. Прости, Эшлин, — вздохнул он. Он был самым милым парнем, которого я когда-либо встречала. Жаль, что хорошие парни, могли чувствовать боль, потому что все знали, что их сердца наиболее уязвимые.

— Никогда не извиняйся передо мной. — Переплетая свои пальцы, я положила подборок на верхушку своих рук.

Он наклонил голову в мою сторону и подтолкнул меня в плечо.

— Как дела? — спросил он, смотря на меня тем же самым заботливым взглядом, что и всегда. Моя сестра влюбилась бы в него еще больше за то, что он пришел проверить меня. В мире, который наступает после этого, я была уверена, что она улыбалась, пока зависала с Тупаком и мамой Немо.

Небольшая улыбка коснулась моих губ, и простое напоминание, что я не одна, кому больно, скользнуло в мою голову. Бентли значил мир для Габи, но Габи была вселенной для Бентли. Он был на два года старше нас. Мы познакомились, когда он был одиннадцатиклассником в старшей школе. Габи была десятиклассницей, а я девятиклассницей, так как оставалась на второй год из-за проблем со здоровьем.

Через несколько недель Бентли начнет свой второй год обучения в колледже, вернувшись на север, где он учится на врача, что было иронично, потому что прямо сейчас он страдал от разбитого сердца, что ни одно лекарство не могло излечить.

— У меня все в порядке. — Это была ложь, и он знал, но это было нормально. Он не будет спрашивать меня об этом. — Ты видел там Генри? — спросила, на мгновение повернувшись, чтобы посмотреть на двери церкви.

— Да, видел. Мы немного поговорили. Ты говорила с ним?

— Нет. Я даже не говорила со своей мамой. Несколько последних дней. — Дрожь в моем голосе была заметна Бентли, и он обнял меня за талию и притянул ближе в

комфортное объятие.

— Она просто скорбит. У нее нет дурных намерений. Я уверен в этом.

Я провела пальцами по ступенькам, ощущая грубую текстуру под своей гладкой кожей.

— Я думаю, она хотела бы, чтобы это была я, — сказала я тихо. Слеза покатилась по моей щеке, и я повернула голову к Бентли, которому, казалось, было больно за меня от моих собственных слов. — Я думаю, что она даже не может посмотреть на меня, потому что, ну.. я просто дьявольский близнец, который выжила.

— Нет, — сказал он решительно. — Эшпин, в твоём теле нет ничего дьявольского.

— Откуда ты знаешь это?

— Ну, — он выпрямился и подарил мне глупую улыбку. — Я врач. По крайней мере, учусь на него. — Я не могла ничего поделать и рассмеялась на его комментарий. — И просто ты знаешь.. во время последнего разговора, который был у нас с Габи, она продолжала повторять, как она счастлива, что это не ты.

Я прикусила нижнюю губу, пытаюсь сдержать слезы, что уже были готовы политься.

— Спасибо, Бентли.

— В любое время, дружище. — Он обнял меня в последний раз, прежде чем мы отстранились. — Это приводит меня к следующему моменту. — После того как он потянулся к сундучку рядом с ним, он поднял его и положил мне на колени. — Это от Габи. Мне сказали отдать его тебе, чтобы ты открыла после похорон сегодня вечером. Я не знаю, что в нём. Она не сказала мне. Просто сказала, что это для тебя.

Я уставилась на деревянный сундучок и провела пальцами по нему. Что может быть внутри? Что делает его таким тяжелым?

Бентли поднялся со ступенек и засунул руки в карманы. Я слушала его шаги, когда он подходил ближе к дверям церкви и открыл их, из-за чего изнутри был слышен тихий гул слез, что становился более разрушительным. Я не подняла взгляд, тем не менее, я знала, что он все еще здесь.

Он прочистил горло и подождал несколько мгновений, прежде чем заговорил:

— Я собирался попросить ее выйти за меня, ты знаешь.

Деревянный сундучок передо мной упала на бок рядом с моим бедром, и я ощущала, как летнее солнце опалает мое лицо, выплевывая свой свет на мою кожу. Не поворачиваясь к нему, я кивнула.

— Знаю.

Тяжелый вздох сорвался с его губ, когда он повернулся, чтобы опять зайти в церковь. Я сидела там еще некоторое время, безмолвно прося солнце расплавить меня в небытие на ступеньках. Люди бродили возле здания, но никто не останавливался, чтобы посмотреть. Они были слишком заняты своими жизнями, чтобы заметить, что моя каким-то образом остановилась.

Дверь церкви снова открылась, только на этот раз это был Генри, который пришел сесть рядом со мной. Он не сказал много, но он сидел достаточно далеко, чтобы я не чувствовала себя некомфортно. Потянувшись в карман своего пиджака, он вытащил пачку сигарет и прикурил одну.

Клубы дыма вылетали из его рта, и я как загипнотизированная наблюдала за узорами, прежде чем они рассеивались.

— Тебе не кажется немного дурным курить на ступеньках церкви?

Генри стряхнул немного пепла с сигареты, прежде чем заговорил:

— Да, ну, поскольку этот мир похоронил одну из моих дочерей, я думаю, что могу покурить на этих ступеньках и сказать: «Да пошел ты, мир». По крайней мере, сегодня.

Я рассмеялась, сарказм наполнял каждый звук моего смеха.

— Это кажется немного смелым для тебя называть нас своими дочерьми, после восемнадцати лет только звонков на дни рождения и праздничных подарочных открыток.

Генри приехал сюда из Висконсина, и это был первый раз, когда я его увидела за довольно долгое время.

Он не сделал миссией своей жизни иметь кофейную кружку с надписью «Папа №1», и я была в порядке с этим. Но приехать сюда сегодня и играть роль скорбящего отца казалось немного драматичным, даже для парня курящего сигареты.

Он тяжело вздохнул, не ответив. Мы сидели и смотрели на людей долгое время. Достаточно долго для меня, что я почувствовала себя плохо из-за того, что так грубо ответила ему.

— Извини, — пробормотала я, смотря в его направлении. — Я не имела это в виду. — Я даже не думала, что он обиделся на это из-за меня. Я полагаю, что иногда легче понять, чем обидеться.

Вскоре Генри озвучил свою истинную причину, почему присоединился ко мне снаружи.

— Я говорил с твоей мамой. У нее довольно сложный период.— Никакого комментария от меня. Конечно, у нее сложный период! Ее любимая дочь мертва! Он продолжил: — Мы пришли к соглашению, что, возможно, будет лучше, если ты переедешь ко мне, начнешь и закончишь свой последний год в Висконсине.

На это раз я по-настоящему рассмеялась.

— Да, конечно, Генри. — По крайней мере, у него все еще было чувство юмора, чтобы продолжить. Странное чувство юмора, но забавное. Повернув свое тело к нему, я увидела, как мрачный взгляд заполняет его глаза — тот же самый оттенок зеленого, что и у меня. И у Габи. Мой желудок скрутился узлом боли. Мои глаза наполнились слезами. — Ты серьезно? Она больше не хочет, чтобы я была здесь?

— Это не так... — его голос дрожал, он старался не обидеть меня.

Но это было так. Она больше не хотела меня. Иначе, зачем бы она хотела отправить меня на землю коров, сыра и пива? Я знала, что у нас трудный период, но такое все семьи переживают после смерти. У вас сложные времена. Вы ведете себя осторожно. Вы кричите, когда должны и плачете во время криков. Вы разваливаетесь на части — вместе.

Боль в животе из-за последних нескольких недель вернулась, и я ненавидела то, что чувствовала себя слабой. Не перед Генри. «Не теряй сознание перед ним».

Я встала со ступенек, держа деревянный сундучок под своей левой рукой. Оттряхнув пыль с задней части своего платья правой рукой, я пошла в сторону церкви.

— Все в порядке, — солгала я, мой разум помутился от панических мыслей о грядущем. — Кроме того... кто вообще хочет быть желанным?

Прошла неделя с похорон, и мама оставалась с Джереми большую часть этого времени. По правде говоря, не так я ожидала провести последние несколько недель лета — одна дома в слезах, плача целыми днями. Я официально превратилась в жалкую.

Положительная сторона, что я не плакала последние десять минут. Это была довольно большая победа.

После того как прошла по коридору, я остановилась и прислонилась к косяку двери, за которой находилась спальня, которую мы делили. Он был там, на моем комодe — ее небольшой сундучок чудес. Вся жизнь Габи, или, по крайней мере, то, какой она мечтала однажды жить жизнью, была в этом сундучке — я знала это. Назовите это инстинктивной реакцией или чутьем близнецов, но я просто знала.

Это был простой, небольшой, деревянный сундучок, и мне нужно было открыть его в ночь похорон, но до сих пор я только смотрела на него, пока он стоял на моем комодe.

Я подняла сундучок и нашла ключ, приклеенный ко дну. Оторвав его, я подошла к кровати-полуторке с правой стороны комнаты, только взглянув на другую кровать слева. Мое тело опустилось на жесткий матрас, и я вставила ключик в замок.

Я неторопливо открывала сундучок. Дыхание, которое я задержала, было выпущено в небольшое пространство, и несколько слез упали с моих глаз. Быстро, я снова вытерла их и глубоко вздохнула.

Две секунды. Я не плакала последние две секунды. Это была довольно маленькая победа.

Внутри сундучка было абсурдное количество конвертов, множество старых медиаторов Габи лежали сверху конвертов. Она была изумительным музыкантом и всегда пыталась научить меня играть на своей гребаной гитаре, но все, что я делала, это стирала до боли свои пальцы и тратила время, которое могла использовать на работу над своим незавершенным романом.

Я мгновенно почувствовала себя плохо, что не старалась усерднее играть на гитаре, тогда как она находила время, чтобы помогать писать мой роман, который я уверена уже не будет завершен.

В углу сундучка было кольцо — кольцо обещания, которое Бентли дал ей. Я подняла его и провела по нему пальцами, прежде чем вернула обратно в сундук. Я надеялась, что с ним будет все хорошо. Он был мне как брат, и я желала, чтобы он снова смог стать самим собой, веселым парнем, которым всегда был.

Все остальное пространство в сундучке было заполнено письмами — множеством писем. Там было, по крайней мере, сорок конвертов внутри, каждый пронумерован, отмечен словами и запечатан сердечком. На одном самом верхнем было написано: Прочитай меня первым. Поставив сундучок на матрас, я подняла этот конверт и медленно оторвала верх.

Младшая сестренка,

Мои пальцы взлетели к губам, когда я ахнула на записку от Габи. Я чувствовала противоречие, потому что хотела плакать, когда видела ее почерк, и, тем не менее, хотела смеяться оттого, что она называет меня «младшая сестренка». Она появилась на этот свет на пятнадцать минут раньше меня, и никогда не позволяла мне забыть об этом, всегда называя меня «младшая сестренка» или «ребенок». Я продолжила читать, желая просмотреть все конверты в коробке, желая почувствовать ее связь со мной без промедления.

Позволь мне сначала сказать, что я люблю тебя. Ты моя первая любовь и моя лучшая любовь. Да, я понимаю, что эти письма могу казаться немного болезненными, но наслаждайся моментом, верно? Я попросила Бентли, чтобы ты открыла их в ночь похорон, но я знаю, что ты, вероятно, прождала день или два.

— Или семь, — пробормотала я и ничего не могла поделать, но улыбнулась немного, когда прочитала следующую строчку.

Или семь. Но я чувствую, что у нас есть столько всего незавершенного. Так много всего, что мы не смогли сделать. Мне жаль, что меня не будет на твоём выпускном. Мне жаль, что я не смогу напиться до потери сознания с тобой, когда тебе исполнится двадцать один. Мне жаль, что я не смогу быть на твоей первой автограф-сессии по выходу книги. Мне очень-очень жаль, что я не буду там, чтобы обнять тебя после того, как тебе снова разобьют сердце, или быть твоей подружкой невесты на твоей крышесносной свадьбе. Но мне нужно, чтобы ты сделала кое-что для меня, Эш. Мне нужно, чтобы ты перестала обвинять себя. Прямо сейчас! Перестань! Мне нужно, чтобы ты в какой-то момент начала двигаться дальше. Я умерла, не ты. Помнишь? Итак, на следующей странице перечислен список того, что ты должна сделать перед тем, как умереть. Да, я составила тебе такой список, потому что знаю, ты бы никогда не сделала это. Каждый раз, когда ты завершишь действие, тебя будет ждать письмо — как будто это я рядом с тобой. Поэтому, читай список. Не ОТКРЫВАЙ письма, пока не завершишь задачу. И ради всего святого, прими душ, расчеши волосы и наложи немного макияжа. Ты выглядишь ужасно. Что-то типа гибрида от любви дьявола и большой птицы. И я сожалею из-за всех слез, и я сожалею, что ты чувствуешь себя такой потерянной и одинокой. Но доверься мне... С тобой все будет в порядке.

— Габриэлла.

Я перешла на второй лист бумаги и уставилась на свой список «предсмертных дел». Я не была удивлена, что список был наполнен тем, о чем мы говорили с ней. Затяжной прыжок с парашютом, прочитать полное собрание сочинений Шекспира, влюбиться, опубликовать роман и устроить невероятную автограф-сессию с кексами, воспитать близнецов, встречаться с плохим парнем, поступить в Университет Южной Калифорнии. Это я мечтала сделать. Но было несколько пунктов в списке, которые больше подходили Габи, чем мне.

Простить Генри, плакать, потому что счастлива, или смеяться, потому что грустно, напиться и танцевать в баре, вернуть Бентли кольцо обещания, позаботиться о маме, воссоздать знаменитую сцену из Титаника.

Передняя дверь приоткрылась, и я увидела, как мама ходит туда-сюда по гостиной. Я вернула письма в сундучок и закрыла его. Выйдя из спальни, я встала перед ней, и она уставилась на меня на долгое мгновение. Слезы наполнили ее глаза, и ее рот приоткрылся, как будто она хотела что-то сказать мне, но ничего не выходило. Ее плечи поднялись и упали, оставив лишь кучу вопросов.

Она выглядела такой сломленной, измотанной, разбитой.

— Завтра я уезжаю к Генри, — сказал я. Очерчивая ногой круг на ковре. На краткое мгновение мама задрожала. Я подумала забрать свои слова назад и остаться в квартире. Но, прежде чем я смогла предложить это, она заговорила:

— Это хорошо, Эшлин. Ты хочешь, чтобы Джереми отвез тебя на железнодорожную станцию?

Я помотала головой. Мое сердце сильнее забилося в груди, когда мои руки сжались в крепкие кулаки.

— Нет. Я справлюсь. И просто чтобы ты знала, я не вернусь. — Мой голос надломился,

но я сдержала слезы. — Никогда. Я ненавижу тебя, потому что ты оставила меня, когда я больше всего нуждалась в тебе. И я никогда не прощу тебя.

Она смотрела в пол, сгорбившись. Затем подняла взгляд на меня еще один раз, прежде чем направилась к передней двери.

— Счастливого пути.

И с этим она оставила меня стоять одну, в который раз.

2 глава

Всегда вспоминаю наш первый взгляд,

И я обещаю твоему сердцу, что меня будет достаточно.

~ Скитания Ромео

Эшлин

На следующий день я быстро уехала. Я сидела снаружи железнодорожного вокзала на огромном чемодане. До этого я никогда не ездила на поезде, и это был новый опыт.

Я узнала три факта о поездах: во-первых, иногда незнакомцы садятся рядом с тобой и храпят, и пускают слюни, но ты ведешь себя так, как будто это нормально; во-вторых, бутылочка содовой будет стоить тебе больше, чем покупка стада коров; в-третьих, кондуктор выглядит точно так же, как парень из фильма «Полярный экспресс», если убрать все эти шуточки компьютерной анимации.

Поезда всегда казались круче в фильмах и книгах, но на самом деле, это просто машины, которые могут ездить по рельсам. Что имеет смысл, видя, как они называют каждый вагон «машина». Ну, почти каждый. Передний называется локомотив, а последний служебный вагон.

Улыбка растянулась на моих губах, когда я подумала о слове «служебный вагон» (прим. перев. в англ. языке это слово Caboose). Скажите это пять раз, не улыбнувшись.

Caboose.

Caboose.

Caboose.

Caboose.

Габи.

Ох, нет. Одновременно я громко рассмеялась и заплакала. Все дороги вели к моей сестре. Люди, проходящие мимо меня, вероятно, думали, что я сумасшедшая, потому что я так сильно смеялась сама с собой. Чтобы выглядеть еще более сумасшедшей, я вытащила книгу из сумки и открыла ее. Иногда люди могли быть очень субъективными.

Я забросила сумку снова на плечо и вздохнула. Я ненавидела сумки, но Габи любила их.

Она любила все связанное с тем, чтобы наряжаться и выглядеть красивой. В этом она тоже была суперхороша. Я? Не очень-то, но она говорила, что я красивая. Так что это отчасти засчитывалось.

Вы знаете, что было самым лучшим в сумках? В них можно было носить книги. Я прочитала «Гамлета» пять раз за последние три недели. Прошлой ночью я остановилась на части, где Гамлет написал Офелии, чтобы та сомневалась во всем, что видела, кроме его любви. Но глупая девушка все же пошла на смерть в конце истории. Это проклятье — оказаться в Шекспировской трагедии.

Когда я читала, боковым зрением я видела мужчину, который вытащил багаж из здания железнодорожного вокзала. Он прислонил багаж к стене здания. Было странно называть его мужчиной, потому что он не был старым. Но он был слишком взрослым, чтобы называться парнем. Должно было быть слово между этими годами. Может парчина? Мужрень? Парчина-мужрень?

Этот парчина-мужрень тоже был в моей машине — машиной был наш вагон поезда, — и я сразу его заметила. Как я могла не заметить? Я не очень часто находила кого-то красивым, но он был высшего класса. Его волосы были длинные — слишком длинные. По крайней мере, так я подумала, когда он провел по своим темно-каштановым волосам, и они идеально легли на его голове.

По дороге в Висконсин, он сел на сиденье позади меня. Когда я шла в уборную, то видела, как он отбивает ритм пальцами по своему бедру, и его голова качается вперед-назад. Может, он был музыкантом. Габби всегда постукивала ногой и раскачивала головой.

Он определенно был музыкантом.

Он заметил, что я заметила его, и когда поднял голову, чтобы найти мои глаза, он довольно широко улыбнулся. Что заставило меня чувствовать себя довольно маленькой. Поэтому я опустила взгляд на темно-синий в пятнах от кофе ковер и поспешила вперед. Его глаза были настолько голубые и наполненные интересом. На секунду я подумала, что они были порталом в другой мир.

Прекрасные.

Поразительные.

Потрясающие.

Голубые глаза.

Я вздохнула.

Может, это был портал в лучший мир.

С другой стороны, люди никогда не должны использовать уборные в поезде. Они очень грязные, я наступила на чью-то жвачку.

Когда я шла на свое место, мое сердце сжалось в груди, потому что я знала, что снова пройду мимо мистера Прекрасные глаза. Мой взгляд был опущен, пока я не достигла своего сиденья. Я выдохнула, и затем моя голова непроизвольно повернулась к нему. Что?! Черт бы побрал мои глаза за то, что хотели еще один взгляд в его сторону. Он снова улыбнулся и кивнул мне. Я не улыбнулась в ответ, потому что слишком нервничала. Голубые глаза незнакомца превращали меня в гребаного невротика.

Это был последний раз, когда я видела его. Ну, до этого момента.

Сейчас я стояла снаружи железнодорожного вокзала. Он стоял снаружи железнодорожного вокзала. Мы стояли снаружи железнодорожного вокзала. И на мгновение я взметнула на него взгляд. Сердце пропустило удар.

Пытаясь вести себя спокойно, я повернула голову в его направлении, сделав вид, что смотрю мимо мистера Прекрасные глаза, чтобы увидеть приехал ли Генри. В действительности я просто пыталась еще раз быстро взглянуть на парчину, который стоял у стены железнодорожного вокзала.

Мое дыхание ускорилося. Он заметил меня. Болтая ногами, я напевала про себя, пытаясь выглядеть спокойно, и потерпела в этом неудачу. Я держала свою книгу прямо перед своим лицом.

— Не верь, что звезды — это пламя, не верь, что солнце встанет вновь, не верь, что правда не обманет, но верь в мою любовь, — процитировал он.

Моя книга упала мне на колени. Я в замешательстве уставилась на мистера Прекрасные глаза.

— Да ладно! (прим. пер. в оригинале Эшлин сказала shut up, что так же переводится, как «Заткнись»)

Его улыбка исчезла, и что-то вроде извинения появилось на его лице.

— Ох, извини. Я просто увидел, что ты читаешь...

— «Гамлет».

Он провел пальцем по верхней губе, когда подошел ближе. Удар. Тишина. Удар. Тишина.

— Да... «Гамлет». Извини, я не хотел прерывать тебя, — извинился он, и его голос был очень приятным. То, как я думала, будет звучать мед — было его голосом. Хотя на самом деле я не нуждалась в извинениях. Я просто была счастлива узнать, что были двое людей в мире, которые были в состоянии процитировать Уильяма.

— Нет. Ты не должен. Я не имела в виду это выражение «закрой свои губы и перестань говорить» смысле. Я имела в виду больше как: «Ох, сраные яйца, да ладно! Ты можешь цитировать Шекспира?!» Смысл был больше такой.

— Ты только что сказала «сраные яйца»?

Мое горло сжалось, я выпрямилась.

— Нет.

— Эм, я думаю, ты сказала.

Он снова улыбнулся, и в первый раз я заметила, какая ужасная была погода. Снаружи было девяносто градусов (прим. перев. примерно 32 градуса по Цельсию). Мои ладони вспотели. Мои пальцы были липкими. Даже несколько капелек пота скатилось с моего лба.

Я наблюдала, как его рот открылся, и я приоткрыла свои губы в то же самое время. Затем я быстро закрыла свои, желая услышать его голос больше, чем свой собственный.

— Проездом или остаешься? — спросил он.

Я моргнула.

— Что?

Он рассмеялся и кивнул.

— Ты здесь проездом или остаешься на некоторое время?

— Ох, — ответила я, пялясь на него слишком долго, ничего не говоря. Говори! Говори!
— Я переехала. Сюда. Я переехала сюда. Я новенькая в городе.

Он поднял бровь, заинтересованный этим небольшим фактом.

— Ох? Хорошо. — Он вытащил ручку чемодана правой рукой, двигаясь ближе ко мне. Его улыбка стала еще шире, и он вытянул свою левую руку в мою сторону.

— Добро пожаловать в Эджвуд, штат Висконсин.

Я посмотрела на его руку, а затем снова на его лицо. Притянув свою книгу к груди, я обхватила ее руками. Я не могла прикоснуться к нему потными ладонями.

— Спасибо.

Он слегка вздохнул, но его улыбка осталась.

— Ну, ладно. Приятно познакомиться с тобой. — Прижав свою руку к боку, он начал уходить в сторону такси, которое только что прибыло к обочине.

Я прочистила горло, чувствуя, как мое сердце грохочет напротив страниц о Гамлете и Офелии, и мой разум начал усиленно работать. Мои ноги потребовали, чтобы я встала, поэтому я спрыгнула со своего чемодана, опрокинув его.

— Ты музыкант? — крикнула я парчине, который скрылся за дверью такси. Он оглянулся в мою сторону.

— Как ты узнала?

Я подняла свои пальцы и постучала по своей книге в том ритме, который он отбивал пальцами в поезде.

— Просто догадалась.

Он сощурил глаза.

— Я тебя знаю?

Я сморщила нос и покачала головой туда-сюда. Я задавалась вопросом, видел ли он пот, который капал с моего лба. Я надеялась, что нет.

Медленно, он прикусил свою нижнюю губу. Я видела, как его плечи опустились и поднялись от небольшого вздоха, что он испустил.

— Сколько тебе лет?

— Девятнадцать.

Он кивнул и провел рукой по волосам.

— Хорошо. Тебе должно быть больше восемнадцати, чтобы ты могла войти. Они поставят тебе штамп и будут дважды проверять твое удостоверение в баре, но ты сможешь слушать и тому подобное. Просто не пытайся купить алкоголь. — Я наклонила голову, уставившись на него. Он рассмеялся. Ох, что это за прекрасный звук. — Бар «У Джо», в субботу вечером.

— Что за бар «У Джо»? — крикнула я громко. Я не была уверена, говорила ли я с ним или с собой, или с этими гребными бабочками, что разрывали мои внутренности в клочья.

— Э... просто бар? — он поднял голос на октаву, прежде чем рассмеялся. — Моя группа выступает там в десять. Ты можешь прийти. Я думаю, тебе понравится. — Он продолжил убеждать меня самой доброй улыбкой в мире. Она была такой нежной, что это заставило меня закашлять и задыхаться.

Он поднял свою руку и улыбнулся, когда помахал. Затем закрыл дверь такси и отправился своим путем.

— Пока, — прошептала я, наблюдая, как машина отъезжает. Я не отвела взгляда, пока такси не скрылось за углом и не уехало далеко-далеко. Я посмотрела на книгу, которую сжимала в своих руках, и улыбнулась. Я собиралась начать сначала.

Габи бы понравился этот странный, неловкий момент.

Я просто знала это.

*Я не буду оглядываться назад,
Я не буду плакать.
Я даже не буду спрашивать тебя почему.
~ Скитания Ромео*

Эшлин

Двигатель желтого ржавого пикапа Генри ревел так, как будто собирался взорваться, когда он подъехал к вокзалу Амтрак. Станция была наполнена людьми, которые обнимались и плакали, и смеялись. Люди были погружены в процесс человеческой связи.

Из-за всего этого я чувствовала себя некомфортно.

Я сидела на верхушке чемодана с сундучком Габи у меня на коленях. Проведя пальцами по волосам, я надеялась избежать тех же связей, которых весь остальной мир, казалось, желал.

Я парилась в своем черном до бедра платье, и ночной теплый воздух Висконсина непрошено подкрался под мои ноги. Я не думала, что мне придется ждать час, чтобы Генри забрал меня. Я должна была знать лучше, но увы. Иногда я задумывалась, научусь ли я когда-нибудь на своих ошибках.

Я ждала, пока Генри подъедет ближе к обочине. Его переднее колесо проехало по пустой бутылке воды. Я наблюдала, как пластмассовая бутылка сплюснулась под давлением колеса, и крышка выскочила, пролетев через тротуар прямо к моим ногам. Оттолкнувшись от своего винтажного цветочного чемодана, который мама подарила мне на мой шестнадцатый день рождения, я нажала на кнопку и дернула ручку, покотив чемодан к машине.

Брр, его машина обязательно должна быть такой громкой?

Генри вышел из машины и обошел спереди, чтобы поздороваться со мной. Его темно-зеленая футболка была заправлена в джинсы с ремнем. Его левый ботинок был развязан, и я могла ощущать запах табака от его бороды, но по большей части, он выглядел хорошо.

На одно краткое мгновение он боролся с мыслью обнять меня, и желание испытать тот же самый опыт связи, что и у людей вокруг, было осязаемым, но он изменил свое мнение после того, как посмотрел на мои туфли на каблуках.

Он издал короткий смешок.

— Кто надевает платье и туфли на каблуках в поезд?

— Эти вещи были любимыми у Габи.

Тишина создавала напряжение, и приливная волна воспоминаний начала заполнять мой разум. Генри, вероятно, тоже одолевали воспоминания. Разные воспоминания об одной и той же необыкновенной девушке.

— Это все, что у тебя есть? — спросил он, указывая на мою жизнь, что жила внутри моего чемодана. Я не ответила. Что за глупый вопрос. Очевидно, что это было все.

— Дай мне взять его. — Он сделал шаг вперед, чтобы взять чемодан, и я замаялась.

— Я сама.

Он вздохнул, проведя рукой по своей бороде. Он выглядел старше, чем был, но я думала, что сожаление и чувство вины, могло сделать это с человеком.

— Ладно.

Я бросила чемодан в заднюю часть грузовика и подошла к пассажирской двери, чтобы забраться. Дернув дверную ручку, я закатила глаза. Не стоило удивляться, что это дерьмо было сломано — Генри был профессионалом в том, чтобы что-то портить.

— Извини, ребенок. Эта дверь доставляет мне много проблем. Ты можешь забраться с моей стороны.

Я снова закатила глаза и пошла к водительской стороне, забралась внутрь, надеясь, что не сверкнула нижним бельем перед проезжающими машинами.

Мы ехали в тишине, и я думала, что так и будут проходить мои следующие несколько месяцев. Неловкая тишина. Странное взаимодействие. Случайные пересечения. Возможно, имя Генри и было на моем свидетельстве о рождении, но когда ему нужно было взять на себя ответственность, он всегда лажал.

— Извини насчет жары. Проклятый кондиционер сломался на прошлых выходных. Я не думал, что здесь может быть такая духота. Ты знала, что позже на этой неделе температура поднимется до сотен (прим. пер. имеется в виду шкала Фаренгейта)? Гребаное глобальное потепление, — заявил Генри. Я не ответила, полагаю, он воспринял это как приглашение продолжить разговор. Это не было никаким приглашением. Я правда хотела, чтобы он не старался вести светскую беседу. Я ненавидела светские беседы. — Габи говорила, что вы работали над книгой? Я смогу устроить тебя на продвинутой английский с хорошим учителем. Я знаю, что люди говорят, что мы нанимаем лучших из лучших, но, если быть честным, попадаютса зануды. — Он рассмеялся.

Генри был завучем в старшей школе Эджвуда, которая скорее всего станет моей старшей школой через несколько дней, когда закончатся летние каникулы. Последние сто восемьдесят дней моей школы пройдут с моим биологическим отцом, снующим по коридорам. Идеально.

— Это не имеет значения, Генри.

Я увидела, что он поморщился, когда я назвала его по имени, но как еще я должна звать его? «Папа» казалось слишком личным, а «отец» казалось лишком нравоучительно. Поэтому я говорила «Генри». Я немного опустила свое окно, чувствуя, как потрясение от этой новой жизни наполняет мой разум.

Генри посмотрел в мою сторону и прочистил горло.

— Твоя мама упоминала, что у тебя сильные панические атаки?

Я закатила глаза, отдав этим дань подростковому поведению. Правда была в том, что я страдала от панических атак с того момента, как мы узнали, что Габи больна. Но Генри не нужно было это знать.

Он сменил тему... снова.

— Мы правда счастливы, что ты останешься с нами, — сказал он.

Я повернула голову в его сторону, и мои глаза изучали его, пока он снова не стал смотреть на дорогу. Я была неподвижна как надгробие, нуждаясь в ответах.

— Кто мы?

— Ребекка...

Ребекка? Кто такая Ребекка?

— ...и ее дети, — пробормотал он, прочистив горло.

Я повела плечами, и мои глаза расширились.

— Как долго ты живешь с ними?

— Недолго, — его голос был сладкозвучным, умоляя меня не расспрашивать подробно.

Мне было плевать, чего он хотел. Также я знала, что когда его голос был таким гладким, он определенно врал.

— Я имею в виду, они уже жили с тобой, когда ты позвонил нам на наш день рождения в этом году, правда три дня спустя? — его тишина была ответом на мой вопрос. — Что насчет прошлого года? Они жили с тобой, когда ты вообще забыл позвонить на наш день рождения?

— Дерьмо, Эшлин. Какое значение это имеет сейчас? Это в прошлом.

— Да, и сейчас это, кажется, будет в моем настоящем. — Я повернулась на своем сиденье, смотря вперед.

— Только несколько месяцев... — прошептал он. — Я живу с ними только несколько месяцев. — После нескольких минут тишины, он снова попытался разговорить меня. — Так, чем ты увлекаешься сейчас?

Чувствуя усталость от долгой поездки на поезде — и от моего текущего состояния жизни — я вздохнула, ковыряя то небольшое количество лака для ногтей, что осталось с похорон Габи.

— Генри, мы не должны делать это. Нам не нужно пытаться наверстать упущенное время. Оно ушло, после всего этого. Ты понимаешь?

Он не говорил много после этого.

Нитка висела на нижней части моего пиджака. Я потянула ее и улыбнулась сама себе. Габи сказала бы мне не делать этого, так как это полностью разрушит шерсть. На секунду, острая волна горя охватила меня. Я закрыла глаза и сделала глубокий вдох горячего воздуха.

Прошло почти три недели с тех пор, как я потеряла ее, и не было ни дня, чтобы я не плакала. Я плакала так много, что была поражена, откуда берется столько слез.

Люди всегда говорят, что когда теряешь кого-то, то становится легче. Люди все время говорят, что становится легче со временем. Но я не могла понять, как это может быть правдой? С каждым прошедшим днем, становилось тяжелее. Мир становился темнее. Боль становилась сильнее.

Я прислонила голову к окну, и когда открыла глаза, вытерла одинокую слезу со своей правой щеки. Моя нижняя губа дрожала от сдерживаемых страданий. Я не хотела плакать перед Генри или перед кем-либо. Я предпочитала плакать в одиночестве в тени.

Я бы хотела, чтобы Габи все еще была жива.

И я хотела бы не чувствовать себя такой мертвой.

Грузовик Генри вырулил на подъездную дорожку его дома — мое временное место жительства. Я быстро отметила два других автомобиля перед домом: новенький черный «Ниссан Альтима» и старый голубой «Форд Фокус».

Дом был огромен по сравнению с двухкомнатной квартирой, в которой я прожила всю жизнь. Передние кусты были идеально подстрижены, и американский флаг развевался на легком ветерке.

И я не шучу, у них был забор! Белый забор!

На втором этаже было два окна, и в одном из них я увидела парня с наушниками, выглядывающего через шторы. Когда наши взгляды встретились, он исчез в спешке.

О боже мой. Генри на самом деле жил с другими людьми. Когда он вылез из грузовика, я проскользнула через водительское сиденье и вышла. Прежде чем смогла разглядеть свой пиджак, женщина — Ребекка, как я полагала, — встала передо мной. Обнимая меня.

Почему, черт побери, эта незнакомка прикасается ко мне?

— Ох, Эшлин! Мы так рады, что ты здесь! — она сжала меня, в то время как мои руки оставались по бокам. — Бог привел тебя к нам. Это ниспослано с Небес, я это точно знаю.

Я моргнула и сделала шаг от нее.

— Небеса убили мою сестру, чтобы я смогла пожить с чуждой мне семьей моего отца?

Повисло тягостное молчание, пока Генри не испустил неловкий смешок, который привел к тревожному смеху Ребекки.

— Вот милая, позволь мне взять твои вещи. — Ребекка отправилась к задней части грузовика, и Генри последовал за ней. Они начали тихо переговариваться друг с другом, как будто я не стояла в метре от них.

— Где ее багаж, Генри? — прошептала она, громко вздохнув.

— Это все, что у нее есть.

— Один чемодан? Все? Боже, могу только представить как она жила в Чикаго. Мы должно купить ей кое-какие вещи.

Я слушала, но не реагировала на их слова. Незнакомцы. Вот кто эти люди возле грузовика были мне. Поэтому их обвинение и попытки разобраться, какой жизнью я жила раньше с Габи и мамой, только делали их невежество еще больше.

Генри подошел ко мне с моим чемоданом в руке, и Ребекка подошла ближе к нему.

— Пойдем Эшлин, я покажу тебе все здесь.

Зайдя в вестибюль, я была потрясена увидеть, что на стене в рамке висит портрет их миленькой маленькой семьи. Там была брюнетка, которая была вылитая Ребекка, голубые глаза как у лани и все такое.

Она выглядела на мой возраст, но более серьезная в своем свитере-безрукавке и юбке до колена. Рядом с Генри стоял парень, которого я видел в окне. На его губах была вынужденная улыбка и странный взгляд замешательства в глазах.

Генри заметил, что я разглядываю фото, я увидела, что в его горле образовался ком. Его рот открылся, но он быстро закрыл его, когда слова не пришли на ум.

— У тебя прекрасная семья, Генри, — сказала я сухо, направляясь в гостиную. Брюнетка с фотографии сидела на большом кресле, которое казалось мягким, читая книгу.

Она встала с кресла, когда услышала, что мы вошли, и тепло улыбнулась мне во все тридцать два зуба.

— Привет. Ты, должно быть, Эшлин. Я Хейли. Мы так много слышали о тебе. — Она казалась искренней в своей радушии, но я знала, что не могу вернуть улыбку.

— Да? Хотела бы я сказать то же самое.

Она не вздрогнула от моего грубого комментария, все еще продолжая улыбаться.

Ребекка встала позади меня и положила свои руки на мои плечи. Я правда очень хотела, чтобы она перестала касаться меня.

— Хейли, ты можешь показать Эшлин свою комнату?

— Мы будем делить комнату? — спросила я, ненавидя идею, потому что очень нуждалась в своем собственном пространстве.

— Да. Надеюсь с этим все в порядке. Не беспокойся. Я не неряха. — Хейли улыбнулась и забрала мой чемодан у Генри. Я потянулась за ним, говоря ей, что могу справиться с этим, но она отказалась.

— Все в порядке. Доверься мне. Мы, вероятно, скоро будем ненавидеть друг друга, поэтому какое-то время можем быть милыми друг с другом, — пошутила она.

Ее комната была розовой. Очень-очень розовой. Четыре розовые стены, розовые одеяла, розовые шторы. Была книжная полка с наградами и ленточками разного типа. Верховая езда, футбол, конкурсы на лучшее правописание. Было очевидно, что у нас с Хейли были совершенно разные образы жизни.

Можете себе представить? Книжная полка без единой книги.

— Я освободила два верхних ящика для тебя и правую сторону шкафа. — Хейли села на свою кровать, которая была прямо напротив моей. Я тоже села, проведя рукой потому, что, казалось, было домашним одеялом.

— Итак, папа сказал, что ты из Чикаго? — спросила она.

Я съежилась от ее выбора слов.

— Ты называешь Генри «папой»?

Она съежилась в ответ на мои слова.

— Ты называешь папу «Генри»?

Этого всего было слишком много. Я хотела спросить ее, как долго они живут с Генри, как долго она называет его папой, но я не хотела знать ответов.

После того как потянулась к своему чемодану, я затащила его на матрас. Расстегнув его, я вдохнула запах любимого парфюма Габи, который доносился изнутри.

Когда я порылась в чемодане, то вытащила любимые платья Габи и ее любимую удобную одежду. Затем последовала ее коллекция дисков, и я уставилась на ее любимые мелодии, которые мы обычно включали в гостиной в воскресенье утром, пока ели Cap'n Crunch и зефирки.

— Вы двое были близки? — спросила Хейли. Затем она закатила глаза на свой вопрос. — Это глупый вопрос. Извини. Я имею в виду, сожалею о твоей потере.

Я посмотрела на фото на стене Хейли и увидела больше семейных фото и фото друзей — ну, одной подруги и парня, руки которого были обернуты вокруг ее талии.

— Это Тео, мой парень. Ну, что-то вроде этого. Мы расстались на остаток лета, чтобы подумать о том, что хотим от этих отношений. Когда начнется школа, мы увидим, тянет ли наши души все еще друг к другу.

Озадаченный взгляд, который я послала ей, заставил ее рассмеяться.

— Тео изучает буддизм, и я немного о нем узнала. Мы занимались йогой вместе, что было одним из наших сильных взаимодействий, когда мы выпускали негативную энергию наших тел.

Мама была очень увлечена йогой на выходных. Она не увязла в этом, но сказала, что чувствует себя самой собой во время занятий йогой больше чем когда-либо. Я не знала, что сказать Хейли, потому что она была своего рода странной. Не такой странной как я, а странной сама по себе.

Я была убеждена, что все в мире имели свою форму странности. И круто было то, на что я, по крайней мере, надеялась, что где-то в мире был такой же странный человек, как и ты. Мысль найти другого чудака была очень привлекательной для меня.

Я все еще искала такого.

— Он хочет секса со мной, — выпалила Хейли, и я начала краснеть. Обожемой! Она продолжила: — Я жду. Поэтому у нас перерыв в отношениях.

Я не знала, что сказать ей, потому что эта тема была очень личной, а я даже не знала ее фамилию. Все жители Эджвуд, Висконсин, такие откровенные как Хейли? Девушки говорят о своих сексуальных контактах и вещах вроде этого как о чем-то, что не является личным?

Я упала на свою кровать. Потолок был расписан облаками и птицами. Хейли лежала на своей кровати и тоже смотрела вверх.

— Тео помогал мне с ним. Он сказал, что это уравнивает мою энергию и привлечет покой в личное пространство.

— Хейли, без обид... но ты действительно очень странная для кого-то такого красивого.

— Я знаю, но думаю, что вот так я и выделяюсь.

Я подумала, что она была права. Быть красивой и снобом было так банально, но быть красивой чудачкой? Сейчас это заслуживало внимания.

Парень, который пялился на меня из окна ранее, вошел в комнату, и его голова повернулась по направлению к Хейли.

— Могу я воспользоваться твоей машиной?

— Куда ты собираешься? — Хейли спросила своего... младшего брата? Он казался младше. Но ненамного.

— Прогуляться.

Она потянулась за расческой на ее стороне стола и начала проводить ею по своим длинным прядям.

— Райан, ты познакомился с Эшлин?

Райан посмотрел на меня с таким скучающим взглядом, что было бы оскорбительно, если бы я не вернула ему то же самое выражение.

— Ключи, Хейлс.

— Папа сказал, что ты можешь пойти?

Райан вытащил картонную коробочку из кармана, открыл ее и вытащил невидимую сигарету, которую невидимо поджег. Великолепно. Я живу с сумасшедшими детьми.

— Он не наш отец, Хейли. Господи! Он ее отец! — Райан показал на меня.

— Мог бы и не упоминать этого, — пробормотала я, распаковывая остальные вещи.

Райан повернулся ко мне, на этот раз его губы растянулись в довольной улыбке. Он моргнул и его взгляд вернулся к Хейли.

— Это «да» или «нет»?

— Нет.

— Тьфу. Ты разрушаешь мою жизнь. — Он подошел к ней и шлепнулся на ее кровать.

— Ох, вырасти Райан, — продолжила Хейли расчесывать свои волосы и посмотрела на меня. — Не обращай на него внимания. Он в этом странном периоде подростковых лет: «Я ненавижу мир», и к тому же курит травку.

Ну, по крайней мере, я могу подружиться с одним человеком в этом доме. Минус ту часть про курение травки.

— Не слушай ее. Она в этой странном, хиппи-периоде подростковых лет: «Я люблю мир». — Райан ухмыльнулся, сев. — Я Райан Тернер.

— Эшлин.

— Крутое имя.

— Моей маме нравились имена Габриэлла, Эшли и Линн, и она не могла выбрать.

Поэтому Габи стала Габриэлла, а я Эшлин,— я посмотрела на двоих, сидящий напротив меня, и сощурила глаза. — Кто из вас старше?

— Я, — улыбнулась Хейли.

Райн закатил глаза.

— В эмоциональном возрасте, может. Но в соматическом, у меня пальма первенства.

— Я одиннадцатиклассница, он выпускник. Мы погодки. Разница девять месяцев. —

Рассмеялась Хейли, толкая своего «эмоционально младшего» брата в плечо.

— Почему у тебя нет машины, Райан?

— Потому что моя мама ненавидит меня.

— Она не ненавидит тебя, — спорила Хейли.

Он послал ей саркастичный взгляд, и Хейли нахмурилась, как будто Райан сказал правду. Он пожал плечами.

— Ты на самом деле не дашь мне воспользоваться своей машиной?

— Нет.

— Но... я не видел, — Райан остановился и посмотрел на меня, — ты-знаешь-кого несколько дней.

Я изогнула бровь.

— Кто это «ты знаешь кого»?

Райан и Хейли обменялись взглядами, у них был содержательный разговор с помощью взглядов и нескольких движений руками. Я посмотрела на молчаливое общение погодок и почувствовала себя так, как будто наблюдая за фильмом с Чарли Чаплином.

Это напомнило мне, как мы с Габи могли общаться без слов, только взглядами. Я задавалась вопросом, понимали ли Райан и Хейли, что они счастливики, что так близки. Я также задавалась вопросом, понимали ли они, что это было и проклятьем.

Райан подбросил руки в воздухе от раздражения на свою сестру и встал.

— Я собираюсь спать, — сказал он, проигнорировав мой вопрос. — Рад познакомиться с тобой, Эшлин.

— Я тоже. — И он ушел. Я посмотрела на Хейли в замешательстве.

Она пожалала плечами.

— Он очень избирателен по части того, с кем делится деталями. — Она сделала паузу. — Много всего происходит в его жизни.

— Это в какой-то степени приятно знать, что ваша семья не такая идеальная как на фото, — сказала я, расплетая свой неряшливый пучок волос, только чтобы сделать еще более неряшливый пучок на макушке.

— Никакой семейной идеальности.

Я открыла рот и остановилась, когда Генри просунул свою голову в комнату. Идеальное время.

— Вы в порядке, детишки?

Хейли кивнула.

— Да. Как раз готовимся ко сну.

Он усмехнулся и повернулся в моем направлении.

— Если ты голодна, Эшлин, пицца в холодильнике. И если тебе что-нибудь нужно...

— Мне ничего не нужно, — быстро сказала я, чтобы заставить его уйти.

Морщины на его лбу углубились, когда он потер рукой над бровями.

— Ладно. Спокойной ночи.

Он покинул комнату, и Хейли издала длинный свист.

— Вы двое — лучшие в неловком общении.

— Это странно, что он завуч в старшей школе? Я имею в виду, я едва видела его всю свою жизнь, а сейчас живу с ним, а еще буду видеть каждый день в школе. Это значит видеть его двадцать четыре часа в сутки. Это вроде как переизбыток Генри.

— Он не такой плохой, как ты думаешь, ты поймешь это, как только узнаешь его. Просто дай ему шанс.

Как только я узнаю его?

Незнакомка дает мне совет о моем биологическом отце.

Что было не так в этой ситуации?

4 глава

Я не думаю, что меня заботило, когда я отгородился от тебя.

Но спустя дни ты все, о чем я могу думать.

~ Скитания Ромео

Я приехал к домику у озера с моим приятелем и товарищем по группе — Рэнди, на пассажирском сиденье. Я переехал в дом после того, как закончил колледж в мае, чтобы помочь заботиться о папе. Это был тяжелый год с тех пор, как мамы не стало, и он стал еще тяжелее, когда прошло время, и у папы отказала печень.

— Ты уверен, что это нормально, что я останусь здесь? — спросил Рэнди, когда вытащил свою сумку и акустическую гитару.

Я улыбнулся ему и пожал плечами. Рэнди был моим лучшим другом годы. Я встречался с его сестрой Сарой на протяжении трех лет, когда мы были подростками. Я, вероятно, все еще встречался бы с ней и сейчас, если бы не несчастный случай.

Я должен был забрать своего брата Джейса с вечеринки, на которой он застрял, но я работал. Я написал Рэнди, чтобы узнать сможет ли он забрать его, но он не ответил. Поэтому я позвонил Саре, и она сказала, что сможет, и по дороге домой пьяный водитель врезался в них со стороны Сары. Она умерла мгновенно.

Я винил себя, что попросил ее забрать Джейса.

Джейс винил себя за то, что был на вечеринке.

Рэнди винил себя за то, что потерял свою младшую сестру.

Трое из нас по-разному справлялись с потерей Сары. Я погрузился в музыку и учебу. Джейс стал принимать наркотики и продавать их, пытаясь заглушить воспоминания того, что случилось в машине. Он видел ее смерть, но никогда не говорил о ней. А Рэнди...

Он стал довольно необузданным парнем, который пробовал всё один раз. Я не знал, какими странными вещами он занимался, или о чем думал, когда мы не играли в группе. В какой-то степени он был свободной душой — находя новые знания, где бы он ни проходил. Он никогда не обвинял Джейса или меня за то, что случилось с его сестрой. В его сердце никогда не было злости или мести.

Я снова подумал о вопросе, который он задал: нормально ли, что он останется со мной. Как это могло быть ненормально?

— Не глупи. Тебе нужно место, чтобы остаться, — я оглядел дом, — и у меня оно есть.

— Спасибо, чувак. Это многое значит для меня. Мне, вероятно, нужно несколько месяцев, прежде чем я кое с чем разберусь. — Он остановился и снова посмотрел на меня. — Ты в порядке, Дэн?

Я натянуто улыбнулся и кивнул.

— У меня есть несколько бутылок пива в холодильнике, если хочешь. Я собираюсь побегать на берегу озера, остальные парни приедут через несколько часов, чтобы прорепетировать.

— Дэнни, я беспокоюсь о тебе. Все мы. — Беспокойство было очевидным в его голосе, пропитанное жалостью к моей жизни.

— Почему? — спросил я, растягивая руки, чтобы размяться перед пробежкой.

Он уставился на меня, как будто у меня выросло три головы.

— Твой отец умер на прошлой неделе, а ты ведешь себя так, будто ничего не случилось.

— Рэнди, люди умирают. Мы оба знаем это.

Рэнди потерял свою маму некоторое время назад, а отца он никогда не знал. Все, что у него было — это Сара, до того несчастного случая. Поэтому если кто-то и знал, какой была смерть, то это были мы двое.

— Да, просто... После того, что произошло с твоей мамой и вся эта фигня с Джейсом... — его слова затихли. — Я просто хочу, чтобы ты знал — мы здесь для тебя. Если ты нуждаешься в нас. Я знаю, что некоторое время мой разум был в другом месте, после смерти Сары. Прежде чем мама умерла, она сказала мне заботиться о ней, а я не смог. Это снедало меня. Это все еще снедает. — Он остановился и огляделся вокруг. — Поэтому, если захочешь поговорить — я здесь.

Существовало два типа скорби. Первый, когда человек открывает свое сердце миру, никогда не принимая все как должное и проживая каждый день на полную. Второй тип, когда человек закрывает свое сердце от мира и живет в своем собственном, не в состоянии общаться с другими.

Я определенно не выбрал первый тип.

Я тяжело сглотнул.

— Ты должен попрактиковать аккорды на Ever Gone. Ты казался немного выключенным, когда мы играли в последний раз. — Я посмотрел на свои часы. — Я скоро вернусь.

Я направился к лодочному сараю легким бегом, но не прошло много времени, прежде чем я увеличил скорость.

После пробежек я всегда в конечном итоге возвращался в одно и то же место — на пристань, уставившись на место, где случилось самое худшее событие моей жизни. Упав на

колени, я согнулся и устался на траву.

Я бы хотел забыть.

Я бы хотел забыть.

Я бы хотел, черт побери, забыть!

Но вместо этого, я закрыл глаза, глубоко вдохнул и вспомнил.

Мы приехали в больницу, но мама скончалась еще до того, как ее загрузили в машину скорой помощи. Рану Джейса перевязали, на его глазу было несколько швов, но он был жив. Херня, если вы спросите меня. Из-за него умерла наша мама, но все, что он получил — это несколько швов.

Он сидел в комнате ожидания, пока отец разговаривал с офицерами полиции. Он не переставал плакать все время. Никогда в своей жизни, я не видел, как отец плакал, даже когда он узнал о своих проблемах со здоровьем.

Я подошел к Джейсу, и он встал. Мы ничего не говорили. Мое горло было сухим, стянутым изнутри. Он притянул меня в объятия.

— Я найду, кто это сделал, Дэнни. Я клянусь Господом, они заплатят за это.

Я крепко держал его в своих руках и кивал.

— Я знаю, Джейс.

— Это моя ошибка. Но я обещаю тебе, я все исправлю.

Мои руки были обернуты вокруг головы моего младшего брата, и я прислонил свой лоб к его.

— Извини, Джейс... — пробормотал я, прежде чем он отстранился от меня, выходя из замешательства.

— Что? — спросил он, прежде чем обернулся и увидел полицейских, идущих к нему.

Один из офицеров взял его руки и надел наручники. Я слушал, как офицер зачитывал Джейсу его права. Все стало размытым, когда они обвинили его в распространении наркотиков — доказательства они получили от меня ранее. Джейс смотрел на меня в замешательстве, но затем до него начало доходить, что происходит, и он закричал.

— Ты сдал меня? Наша мама только что умерла, Дэнни! Мама мертва! — кричал он, его лицо стало красным. — Я твой брат! — его голос охрип, но крик все еще был высоким. — Ты предатель! Мама умерла, а ты отправил меня за решетку!

Его голос отдавался эхом по коридору.

Его голос отдавался эхом в моей душе.

Воспоминания были страшными, они могли разорвать тебя с помощью твоих собственных мыслей.

Я моргнул и отвернулся от места, где умерла мама. Солнце опаляло мою кожу. Перемещаясь к краю пристани, я снял кроссовки и носки. Мои ноги коснулись холодной воды, и я лег на деревянную скрипучую пристань.

Я планировал отремонтировать пристань в ближайшее время. На самом деле я планировал отремонтировать весь дом. Просто не знал, как этого хотели папа с мамой.

На самом деле я еще даже не позволил мозгу обдумать смерть отца — я был все еще

шокирован смертью мамы. Не имеет значения, сколько раз ты имеешь с ней дело, смерть никогда не становится легче.

Не было никого, с кем я мог по-настоящему поговорить об этом. Мои друзья не поймут, даже если я попытаюсь объяснить. К тому же я не хотел, чтобы они чувствовали себя хреново, как и я изо дня в день.

Но было одно мгновение, когда я увидел того, кто мог понять. Я понял это исключительно по ее глазам. Они были невероятными, западающими в память. Зеленые, яркие глаза, в которых было столько печали. Разрушенная. Красивая.

Мои глаза закрылись, и я представил ее — девушку с поезда. Мои мышцы дрожали после пробежки, и я сделал глубокие вдохи, пытаясь вспомнить все о ней. Она знала, каково это быть мной — потерянным, одиноким. Я видел это каждый раз, когда она моргала, и ее густые длинные ресницы опускались.

Я должен был спросить ее имя. Должен был сесть на свой чемодан рядом с ней. Она улыбалась, когда я цитировал Шекспира, но, тем не менее, ее улыбка была грустной. Ей было больно от какого-то горя, и я видел, что это пожирает ее жизнь — та же самая печаль, что разрывала меня на части. И ничего и никто не мог остановить это.

Часть меня не хотела, чтобы это остановилось. Часть меня думала, что я заслужил страдать. Но как бы ни старался, я не мог поверить, что та девушка заслуживает быть такой печальной. Я втайне надеялся, что когда-нибудь, кто-нибудь, заставит ее улыбаться не морщась.

Я надеялся, что когда-нибудь она будет в порядке.

5 глава

Прикоснись ко мне, когда уйдешь.

Оставь меня, когда ты рядом.

Люби меня, разбитого на куски.

~ Скитания Ромео

Следующие несколько дней я делала все, что могла, чтобы держать себя в руках. Я не говорила много, мой разум был где-то далеко. Выяснилось, что семья Генри любила ужинать вместе каждый вечер, и я думала, что это было мило с их стороны, приглашать меня есть с ними.

Но я знала, что не подхожу их столу для четверых. Ребекка вытащила складной стул из своей кладовой для меня. На сиденье был кусок металла, который врезался в мое левое бедро, но я не жаловалась.

Ребекка готовила много еды. Достаточно, чтобы накормить армию. Когда мы сели, я начала ковыряться в своей еде, и Ребекка подняла руку.

— Милая, мы сначала молимся перед едой. — Она подарила мне добрую улыбку, но я могла увидеть немного разочарования, что я даже не подумала об этом. — Генри, ты можешь начать?

Я рассмеялась и фыркнула себе под нос.

— Да, верно. — Все глаза уставились на меня. Мои глаза уставились на Генри, в них плескалось замешательство. — Ты молишься?

— А ты нет? — встряла Ребекка.

Я почувствовала себя грешницей от ее простого вопроса.

Ответом было «нет».

Повисла неловкая тишина, и я пришла к жестокому пониманию. Я ничего не знала о Генри, а эта семья, казалось, знала все.

Я знаю, что это было глупо, но часть меня была довольно опечалена этим. Почему то, что вы хотели игнорировать, притягивало вас больше всего на свете?

Генри говорил молитву, пока все закрыли глаза и сжали руки вместе. Ну, почти все. Я просто сидела и смотрела на них в течение этого времени. Райан также не закрыл глаза.

— Аминь, — пробормотали они вместе и открыли глаза. Затем начали поглощать ужин перед ними.

Хейли не ела стейк на своей тарелке. Она никогда не ела мясо на ужин. Она как-то сказала мне, что убивать и есть беззащитных животных — это ужасный акт. Она говорила, что это против природы, что люди не должны есть мясо. Поэтому она перестала.

Я предположила, что она никогда не оценивала тот факт, что львы никогда не колеблются, чтобы съесть газель, если они голодны.

— Ох, Райан и Хейли... не забудьте. Вы двое изучаете Библию по утрам. — Ребекка могла не заметить, но я видела, как двое ее детей закатили глаза.

Завтра было воскресенье, что означало, что сегодня суббота. Я почти забыла о своем приглашении в бар «У Джо», чтобы услышать выступление мистера Прекрасные глаза. И под «почти», я имела в виду, что думала об этом с тех пор, как увидела его. Я была взволнована узнать его имя, так как называла его только мистер Прекрасные глаза.

— Я думаю, что пойду наверх, чтобы собраться.

Генри поднял бровь.

— Собраться куда?

Я послала ему ты-серьезно-беспокоишься-о-моем-местонахождении взгляд, и он вздохнул. Затем я испустила он-серьезно-не-беспокоится-о-моем-местонахождении вздох.

— Я сделал тебе ключ. Он висит в прихожей, — сказал он, когда я встала перед столом.

Ну, это было заботливо.

Когда переделалась и была готова идти, я открыла сундучок и вытащила свой список предсмертных дел, уставившись на весь выбор. Я знала, что мне нужно письмо от Габи. Мне просто нужно найти легкий способ получить одно, не нарушая ее правил, просто разорвав конверт.

Часы на комодe показывали 9:30 вечера. Хейли вошла в комнату и улыбнулась мне.

— Приехала пару дней назад и уже пытаешься уйти? — она рассмеялась.

— Нет... не так. Просто...

— Слишком много изменений? — закончила она мою мысль, даже прежде чем я придумала ее.

Я кивнула и не смогла сдержать улыбки, когда она бросила мне ключи.

— Возьми мою машину. Форд Фокус. Я не буду спрашивать, куда ты собираешься, потому что я ужасная лгунья. А если мне придется выдать тебя, то я буду паршиво себя чувствовать.

— Спасибо. — Я выбрала несколько CD-дисков из своей коллекции, чтобы включить в ее машине, и приготовилась уйти без того, чтобы не проходить мимо Генри и Ребекки.

— Пожалуйста. И Эшлин? — ее голос повысился, когда она потянулась за бутылочкой лосьона и начала втирать в свою кожу. — Здесь не так плохо.

— Да. Просто я скучаю по другому месту. Я скоро вернусь.

В машине Хейли я слушала ревущую на компакт-дисках музыку. Я оглянулась на пассажирское сиденье на краткое мгновение, и могла поклясться, что видела, как Габи сидит и подпевает вместе со мной. За последние несколько недель для меня было не редкостью — сидеть и говорить с ней, как будто она на самом деле там была, попытаться и представить, что бы она сказала, как бы утешила меня.

— Мама не звонила. В любом случае... это не имеет значения. Можешь поверить, что Хейли зовет Генри «папой»? — бормотала я своей невидимой сестре. — Я не ревную или что-то подобное. Это просто... странно. — Я уставилась на пустое сиденье и прикусила нижнюю губу.

Она не ответила.

Потому что когда люди умирают, они забирают свои голоса с собой. Я подумала, знали ли они, сколько людей оставшихся позади, убили бы за то, чтобы услышать их в последний раз.

Когда я ехала по Мэйн-стрит, я увидела, что несколько курящих людей стоят снаружи бара «У Джо». Я остановилась у обочины, поставила машину на режим «парковка» и выскочила.

На доске рядом с дверью было написано: «Живая музыка. Шоты по полцены. Пиво 2 доллара». Голубые и фиолетовые шары были привязаны к табличке. Я наблюдала, как один из курильщиков шутил со своими друзьями и отвязал один из шаров и запустил его в горячий воздух. Он поднимался выше и выше, и выше, позволяя ветру направлять его в путешествие.

Я сжала губы вместе и выдохнула немного воздуха в направлении летающего объекта. Иногда я желала, чтобы это было легко. Просто подняться и улететь. Смотря на свой список предсмертных дел, я прочитала тот пункт, который собиралась выполнить сегодня.

#14. Танцы в баре.

Я могу сделать это — даже если не хочу — если это означает прочитать письмо от моей сестры.

Охранник посмотрел на меня, проверил мое удостоверение личности и поставил

огромный, уродливый штамп на мою руку — мгновенный знак того, что я была несовершеннолетней и не могла пить. Я ожидала этого, так как мистер Прекрасные глаза заранее предупредил меня.

Чего я не ожидала, так это эмоций, когда я вошла внутрь. Так много воспоминаний обрушились на меня, просто стоя внутри бара. Группа устанавливала оборудование, а я задыхалась от слез, с которыми боролась. Откуда это? Почему я хочу расплакаться?

— *Я сделаю это, — усмехнулась Габи, смотря на сцену, когда мы проходили мимо бара.*
— *Когда мне станет лучше, первое что я сделаю — выступлю в этом баре.*

Я закатила глаза, рассмеявшись над своей сестрой.

— *Когда тебе станет лучше, первым пунктом на повестке дня будет спеть в грязном баре?*

— *Что я могу сказать? Мне нравится жить на грани.*

Через секунду я снова стояла снаружи бара. Двигаясь к краю здания, я почувствовала, как мои руки вспотели, и глаза снова увлажнились. Это было чересчур — все изменения в моей жизни. Всё старое, что забрали у меня. Я не могла дышать. Я даже больше не могла двигаться. Стояла, согнувшись, и плакала.

Воздух наполнял мои легкие, но я не могла вдохнуть достаточно, в результате чего икала от слез. Я была уверена, что это вопрос времени, прежде чем мое тело рухнет на горячий асфальт. Мои колени начали подтверждать мои мысли об обмороке, и я слышала голос, доносящийся из-за угла.

— Эй, ты в порядке? — прошептал глубокий, мужской голос недалеко от меня.

Мои внутренности сжались, когда я услышала, что шаги становились ближе. Я видела, что его руки тянулись ко мне, и подпрыгнула, не желая, чтобы он прикасался. Он, должно быть, заметил мою реакцию и отступил.

— Извини, — извинился он, и я опустилась на колени, ближе к земле.

Когда я увидела его лицо, все замерло. Мир затих, и я уставилась в голубые глаза, которые заставили самые яркие океаны земли выглядеть тусклыми.

Прекрасные.

Поразительные.

Потрясающие.

Голубые глаза.

Это был мистер Прекрасные глаза, и маленьких вздох покинул мои губы.

— Я не собираюсь прикасаться к тебе, — пообещал он. — Я не обижу тебя. — Было что-то искреннее в том, как он произносил слова, что я почти поверила ему. Он оставался на приличном расстоянии от меня, но, казалось, что он был довольно близко. Мне нравилось ощущать его близость.

— Шшшш... — его мягкий шепот принес мне комфорт, в котором я нуждалась.

Я могла ощутить запах его одеколona и геля для душа на расстоянии, что доставляли удовольствие моим чувствам, заставляя меня захотеть вдохнуть глубже.

Мои глаза опустились на землю, и я наблюдала, как он вставал. Я чувствовала себя так глупо.

— Ты в порядке? — спросил он, но с его уст это прозвучало больше как утверждение.

Я кивнула, но слезы все еще стекали по моим щекам.

— Я в порядке.

Он нахмурился и похлопал по карманам.

— Извини. У меня нет платка или чего-то в этом роде.

Слез было больше, возможно, от смущения.

Его пальцы погрузились в задние карманы штанов, откуда он достал свой бумажник. Он потянулся и вытащил перочинный нож, и я ахнула. Он увидел мою реакцию, и чувство вины поселилось в его голубых глазах.

— Я не обижу тебя, помнишь?

В его голосе была уязвимость, мягкость, которая почти заставила меня захотеть посмотреть глубже в его глаза, чтобы я могла увидеть все. Этот незнакомец заставлял меня чувствовать себя вечной, что я не знала, можно было чувствовать. Кто ты?

Он взял перочинный нож и разорвал рукав своей белой футболки. Затем засунул нож обратно в свой бумажник, который снова оказался в кармане его джинсов. Рукав был в его руке, пока он не протянул его мне. Я уставилась на него, в замешательстве, не понимая, что он делает.

— Для слез,— прокомментировал он. Я смотрела на него долгое время, и он вздохнул. Он зажал рукав между большим и указательным пальцем и протянул мне.

— Я не прикоснусь к тебе.

Осторожно взяв у него рукав, я вытерла слезы и услышала, как он облегченно выдохнул.

Мы одновременно вдыхали и выдыхали, и он не двигался, пока мои вдохи не замедлились до скорости его.

— Ты в порядке... — повторил он, когда скользнул руками в карманы джинсов. Я могла почти увидеть его строение мышц под футболкой. Могла даже коснуться его души, которую он так охотно носил в своих рукавах этим вечером.

Ну... в одном рукаве, по крайней мере.

— Я в порядке... — повторила я, все еще чувствуя, что мои колени готовы подогнуться. Я скучала по Габи так сильно, что мне было больно стоять. Это больно — быть живой. Я из всех сил пыталась больше не плакать, но когда он посмотрел на меня и наклонил свою голову влево, сощурился глазами, я почувствовала, что волна эмоций снова нахлынула на меня.

— Но все нормально, если ты не в порядке, — прошептал он.

Я рыдала в рукав его футболки несколько минут после этого, потерявшись в печали. Он не двигался. Он не устал от моего эмоционального срыва. Просто стоял, по какой-то причине, и я чувствовала объятие, которого на самом деле не было физически.

Я взяла себя в руки.

Я была в порядке. По крайней мере, сейчас. Я пожала плечами и высморкалась в рукав, издав очень непривлекательный звук. Он слегка рассмеялся. Я просто чувствовала себя глупо.

— Я должен вернуться... — заявил он, звуча извиняющееся за то, что должен уйти, но я знала, что, по правде говоря, это был идеальный момент для него, чтобы исчезнуть. — Я вижу тебя внутри? — спросил он.

Он все еще хотел увидеть меня внутри? После этого?

Один кивок — это все, что я могла дать ему, и один кивок — это все, что было ему нужно. Без колебаний, он завернул за угол и снова исчез в баре, не оглядываясь на меня. Мои глаза следовали за ним, молчаливо благодаря за то, что был той самой стеной, когда мне нужна была поддержка.

После нескольких минут того, пока я брала себя в руки, я вернулась в здание, направившись к бару, и заказала воду с лимоном. Живая музыка уже началась, и от звуков, заполняющих мои уши, я поняла, что мистер Прекрасные глаза был прав. Я буду наслаждаться этим.

Опустив взгляд, я увидела, что их диски лежат на барной стойке. Подняв один, я повернулась к бармену.

— Сколько?

— Десять баксов.

Я положила деньги на барную стойку и поблагодарила бармена за напиток и диск. Я ощущала себя странно, находясь в баре, хотя мне не было двадцати одного. Немного бунтарства вспыхнуло внутри меня, даже с этими черными чернилами на моей руке.

Я повернулась и рискнула пойти к сцене, чтобы смотреть выступление группы, уже очарованная их энергетикой. Каждый участник группы звучал легко в своей зоне комфорта.

Мои глаза замерли на солисте — человеке, который обнимал меня на расстоянии. Как свободная птица он сидел на стуле и пел. Он пел так, как будто это последний раз, с эмоциями в каждой ноте, чувствами в каждой паузе. Огни бара мигали над ним, и он закрыл глаза, поднося микрофон ближе к губам. Его глаза снова открылись, и в них была любовь и нежность сияющих звезд.

Он был прекрасен. Не в том смысле, что самым сногшибательно красивым, а в своем собственном стиле. Он был в простой белой футболке, которая была пропитана его потом — и на ней не хватало рукава, также на нем были темные джинсы, и цепь была продета через петли ремня, тянувшаяся к кошельку, который находился в заднем кармане. На его руках не было татуировок, но то, как крепко он держал микрофон, демонстрировало его телосложение.

И эти губы. Ох, эти губы. Мои щеки покраснели, когда я уставилась на его рот.

Музыка почти затихла, но затем взорвалась как сдерживаемый поток. Чем громче становился звук, тем более интенсивным становился его голос. Он жил в словах, которые пел, он принял рифмы, которые исполняла группа, как будто они были его собственными детьми, и он вдохновлял меня. Его голос был таким же легким, как дождь, тем не менее, я знала, что он мог превратиться в бурю, если подпитать его энергией.

Он обхватил микрофон своей большой рукой и сжал его, как будто это была его любимая, и когда его взгляд устремился на публику, он нашел меня. Я не отвела взгляда, не могла. Он гипнотизировал меня, оставляя меня в оцепенении. Я была на сто процентов в порядке, когда находилась под пристальным вниманием этих глаз.

«Я буду твоим лучшим другом, дорогая, если ты скажешь мне свое имя. Я буду твоим солнцем, когда ты устанешь от дождя».

Уголки его губ поднялись, когда он продолжил петь. Его улыбка заставила меня хмыльнуться. Когда я последний раз улыбалась? Он кивнул мне, и спел финальные слова песни, как будто давал мне приватный концерт.

«Ты можешь уйти, и я буду в порядке. Но просто знай, ты будешь сегодня в моих снах...»

Я отвела от него взгляд и уставилась в пол. Розоватый оттенок моих щек намекал на смущение. Мои глаза оставались приклеенными к полу следующие несколько песен, и я неловко постукивала ногой в такт.

Я могла услышать улыбку в его голосе, когда он благодарил публику после шести песен.
— У нас будет пятнадцатиминутный перерыв. Спасибо, что тусуетесь с нами сегодня, и помните, что наши диски продаются в баре. Посмотрите их, захватите еще один напиток или два и оставайтесь на продолжение выступления. Мы группа «Скитания Ромео», и мы так чертовски в восторге от появления каждого из вас засранцы, столько красивых людей здесь сегодня.

Скитания Ромео. Как они пришли к этому названию? Кто учил участников группы играть на инструментах? Как барабанщик заставлял мое сердце улыбаться своими навыками?

И кем был этот солист?

Я улыбнулась на диск в своих руках и подошла к пустующей кабинке в углу. В разделе благодарностей компакт-диска было написано, что его зовут Дэниел Дэниелс, и я ничего не могла поделать, а ухмыльнулась от этого.

— О боже... только не говори мне, что ты на самом деле купила один из этих дерьмовых дисков? — я подняла взгляд и увидела, что Дэниел уставился на меня, и все что я могла сделать — уставиться в ответ. Он скользнул в кабинку напротив меня с пивом в руке. Как будто вылепленный во сне, он улыбнулся мне, и я задержала дыхание.

Внезапно, спасовав перед незнакомцем и почувствовав застенчивость, я коснулась пальцем левой мочки уха.

— Тебя зовут Дэниел Дэниелс?

Он улыбнулся так легко, как светит солнце, и скрестил руки.

— Мой отец хотел назвать меня Джек, но мама всегда беспокоилась насчет проблем с алкоголем. Когда дело дошло до моего имени ну... У мамы всегда был двойной вариант.

— Двойной вариант?

Он слегка рассмеялся, потеряв подбородок ладонью.

— Двойной вариант — это когда у тебя есть что-то, что ты на самом деле любишь, поэтому ты идешь и делаешь то же самое, просто в случае, если первое сломается или что-то подобное. Когда она вышла замуж за отца она влюбилась в идею взять его фамилию, поэтому думаю, для нее подходило, что у меня будет имя соответствующее фамилии.

Я замерла, когда наблюдала, как его губы образуют слова, и любопытство сотрясало мою сущность, я хотела знать больше. Больше о двойных вариантах. Больше о его родителях. Больше о нем. Я хотела знать все о незнакомце, который играл музыку, у которой была сила заставить меня почувствовать себя хорошо на какое-то время.

Я хотела знать больше о незнакомце, чьи слова окутали меня и выдернули из печали. Его таинственное появление привлекло меня, и его дружелюбная натура удерживала меня на месте, и я была сосредоточена на нем.

— Мне жаль твою футболку, — сказала я, глядя на недостающий рукав.

— Это просто футболка, — улыбнулся он.

Тем не менее я знала, что это было больше чем это.

Снова повисла тишина, и мои глаза опустились на мою воду, и я смотрела на лимон в течение какого-то времени. Когда я снова подняла взгляд, он все еще улыбался, и я раздумывала что бы такого сказать, чтобы я не казалась простой девятнадцатилеткой, сидящей в баре.

— Откуда название твоей группы? — спросила я.

— Шекспир. Скитания Ромео в поисках любви.

— Эта пьеса закончилась довольно трагично.

— Да, но я не знаю... Есть что-то в трагических историях Шекспира. Как будто мы знаем, как все закончится, но риск делает это стоящим. И история сложная, но не настолько как другие. Ромео любит Джульетту, и она любит его. Просто жизнь сделала все по-своему. Мне нравится думать, что скитания стоили конечного назначения.

— Это так депрессивно, — я рассмеялась. О боже мой... Когда я последний раз смеялась? Я не смеялась так давно, что это звучало неестественно. И тепло. И взволнованно. И свободно.

— Я музыкант. Депрессия мое второе имя. — Он прислонился к мягкой обивке кабинки, устраиваясь поудобнее. Его слова почти шепотом слетали с его языка. — Говоря об именах... как твое?

Я хотела впечатлить его по какой-то причине. Скользя рукой со штампом под другую руку, я улыбнулась. Я хотела развеять все его сомнения, что он сидит напротив девушки, которая сидела в баре только потому, что у нее был штамп, что она определенного возраста.

Прочистив горло, я приготовилась опозориться.

— Не смею назвать себя по имени. Оно благодаря тебе мне ненавистно... — когда сомневаетесь, что сказать, цитируйте Шекспира. У него всегда есть что-то хорошее, чтобы выразить свои мысли.

— Когда б оно попало мне в письмо. Я б разорвал бумагу с ним в клочья, — сказал он, закончив мою цитату. И через секунду, я была очарована этим прекрасным незнакомцем. Его уголки губ приподнялись. — Иисус. Я бы солгал, если бы сказал, что это не сексуально слышать, как красивая девушка цитирует Шекспира.

— Я люблю Шекспира, — ответила я, несколько взволнованная этим фактом. — «Отелло» был первым, что я прочитала в пятом классе. — Дэниел выглядел немного ошеломленным моим заявлением.— Что? Что такое?

Он провел рукой по волосам и наклонился вперед.

— Ничего. Я просто хотел сказать... Не каждый день я сижу в баре и разговариваю о Шекспире. Мое собрание сочинений дома довольно впечатляющее, но это точно не приносило мне много свиданий.

— Да, то же самое. Большинство людей думают, что это странно — мое увлечение Шекспиром. Моя сестра была единственной, кто на самом деле понимал это, но больше никто. Она называла это моим золотком.

— Твоим золотком?

— У всех есть золотко. Это может быть все что угодно — песня, книга, человек. Что-то, что делает тебя таким счастливым, что твои внутренности кричат от счастья. Такое чувство, что ты на таблетках, но это лучше, потому что это естественный кайф. Шекспир — мое золотко.

— Мне нравится, как работает твой мозг.

Мои щеки покраснели от его комментария. Он флиртовал со мной? Потому что, если бы

я когда-либо и хотела, чтобы со мной флиртовали, это определено во время разговора о чтении. Не было ничего сексуальнее умного парчины, особенно когда он был в состоянии заставить мое сердце делать кульбиты.

— Ваша музыка заставила меня улыбнуться, — сказала я, отпивая воду. — Я не улыбалась уже давно.

Дэниел поставил локти на стол и сцепил пальцы вместе. Некоторое время он изучал мое лицо. Улыбка, которой он пользовался, наполняла тишину как идеальный разговор. Его глаза пронзили мою душу, прежде чем он оторвал свой взгляд и глотнул пива.

— Это правда стыдно.

— Почему?

— Потому что когда природа одаривает человека улыбкой, как эта, это должен быть единственный вид деятельности, в которой его губы принимают участие.

Мои щеки снова покраснели, и я провела рукой по волосам. Разговор о моих губах заставил меня задуматься о его губах и о вещах, о которых я не должна была думать. Время сменить тему.

— Так все ваши песни с различных пьес Шекспира, или я была чрезмерной поклонницей Шекспира, услышав его в словах?

Дэниел наклонил голову в сторону, и уголки его губ приподнялись. Я увидела взгляд изумления на его лице. Мне нравился этот взгляд. Ладно, на самом деле мне нравились все его взгляды.

— Ты на самом деле шарить, да? Большинство людей не улавливают это, но да. Каждая песня основана на какой-либо работе Шекспира.

— Это так одновременно заумно и сексуально. Я не уверена, как относиться к этому.

— Что я могу сказать? Я сексуальный ботаник.

Я захихикала и отпила из стакана.

— Так, сначала, конечно, была из «Ромео и Джульетты». Затем... — я сделала паузу, пытаюсь вспомнить точный порядок его песен. — «Гамлет», «Ричард III», «Буря», «Сон в летнюю ночь» и «Отелло»?

Рука Дэниела взлетела к его сердцу, а затем он ударил ею об стенку кабинки.

— Выходи за меня, — пошутил он. Я тоже задумалась об этом. Губы Дэниела приоткрылись, и клянусь, я вздохнула только от вида.

— Так расскажи мне, девушка без имени. Чем ты занимаешься по жизни?

— Чем занимаюсь или чем хочу заниматься? Это две разные вещи, я думаю. Сейчас я студентка, надеюсь, что когда-нибудь буду называться автором.

— Да ладно! Правда? — он на самом деле казался заинтересованным.

— Правда-правда, как двойная правда.

Он рассмеялся, и я вздохнула от звука его смеха. То, как широко его губы растягивались в улыбке, заставляло меня думать, что я на самом деле была очарована.

— Ну, сделай это. Стань автором.

Настал мой черед рассмеяться.

— Да. Потому что это так легко.

Он покачал головой туда-сюда. Мрачный взгляд появился на его лице, и он поднял свое пиво.

— Я не сказал, что это легко. Я просто сказал, сделай это. Кроме того, все самое лучшее в жизни нелегко. Это сложно, болезненно, жестко. Это делает прибытие в пункт назначения

гораздо слаще.

— Да, просто... — мой голос затих, тем не менее, Дэниел оставался включенным в разговор, не теряя интерес. — У меня был соавтор.

— Был? — спросил он.

— Да, и я не могу представить, что закончу книгу без нее. — Когда мой рот закрылся, я стиснула зубы, пытаясь бороться со слезами.

Дэниел понял мои эмоции, и его рука скользнула по столу, и он взял мою руку. Его прикосновение послало электрические импульсы в мое тело, отправляя волны тепла через подушечки пальцев

— Сожалею о твоей потере.

Четыре слова. Четыре слова от незнакомца и простое прикосновение дало мне ощущение жизни, которое я не испытывала прежде. Такая неукротимая человечность в его обращении была так приветственна в тот вечер.

— Спасибо.

Он не держал мою руку слишком долго, но я скучала по его прикосновению, когда он отступил.

— Может, ключ ко всему — начать писать что-то другое.

— Может. Но я не могу с уверенностью сказать, что готова закрыть текущую книгу.

Он потер заднюю часть своей шеи рукой, рассмеявшись.

— Тогда я заткнусь. — Он был довольно сексуально очаровательный. — Мне жаль, что я подошел к тебе снаружи так... Когда я увидел, как тыходишь в бар в первый раз, ты выглядела как...

— Как? — спросила я с нетерпением.

Он нахмурился.

— Как будто все, что ты когда-то любила, горит в огне, и ты не можешь уйти, пока не увидишь, что все сгорело дотла. Все, что я хотел сделать, — обнять тебя.

Я моргала, смотря на него. Я понимала, что это неловко, но не знала, что делать. Прочистив горло, я кивнула один раз. Я была не в состоянии отвести от него взгляда.

Дэниел улыбнулся и повернулся, чтобы увидеть одного из участников группы, который шел к нашему столу. Нашему столу? Какая интересная мысль.

Член группы хлопнул Дэниела по плечу и улыбнулся мне. У него были лохматые светлые волосы, которые нависали над бровями и самые приятные карие глаза, которые я когда-либо видела. Символ мира висел у него на шее, и его темно-зеленая рубашка с длинными рукавами была расстегнута поверх его футболки.

— Я надеюсь, что этот неудачник не надоел тебе, — пошутил он.

— Едва ли, — я усмехнулась.

Он протянул мне руку. Я приняла его рукопожатие.

— Рэнди Донован. Акустическая гитара.

— Приятно познакомиться с тобой. Ты изумительно играл.

Дэниел тяжело вздохнул.

— Не раздувай сильно его эго.

Рэнди сделал шаг назад и положил руку себе на грудь.

— Эго? Мое? Ни в коем случае. Я очень скромный. — Он сложил руки вместе в молитве и поклонился мне. — Спасибо, красавица.

Я хихикнула на его шутовство и на Дэниела, который закатил глаза.

— Я ненавижу то, что должен украсть Дэниела у тебя, но у нас дальше выступление. — Рэнди улыбнулся и шлепнул Дэниела по шее. — Красавица, — он взял мою руку и поцеловал ее, — было приятно познакомиться с тобой.

— С тобой тоже, Рэнди.

Рэнди толкнул Дэниела локтем и прошептал:

— Она горячая, — прежде чем двинулся обратно на сцену.

Мои щеки покраснели.

Дэниел рассмеялся на своего друга.

— Не обращай внимания на Рэнди. Он немного... своеобразный.

— Мне нравятся своеобразные, — сказала я.

Он поднялся со своего места и ухмыльнулся.

— Ты интригующая. Мне нравится это в тебе.

— Ты знаешь, что мне нравится в тебе? — сказала я, поерзав на месте. Он заставил меня чувствовать, как будто нет ничего более идеального, чем сидеть в углу кабинки в баре «У Джо».

— Что это?

— Все. — Когда я сказала это слово, его лицо озарилось и одарило меня теплом от кончиков пальцев до макушки головы. — Удачи тебе, — сказала я, кивнув в сторону сцены.

— Ты останешься? — спросил он таким мягким тоном. Как будто школьник просит свою подружку прийти в гараж послушать его группу в первый раз.

— Ага.

— Обещаешь? — его руки скользнули в карманы джинсов, и его бедра покачивались вперед-назад

Я провела пальцами по брови и почувствовала, как будто мои скулы сломаются от всех улыбок за сегодняшний вечер.

— Обещаю-обещаю.

6 глава

Пять минут назад я был одинок.

Пять минут назад я шел один.

Пять минут спустя я рассказал тебе самый глубокий секрет моей души,

И когда ты отвернулась, я прошептал: «Пожалуйста, не уходи».

~ Скитания Ромео.

Эшлин

Шоу продолжалось, и я не могла оторвать глаз от Дэниела в течение оставшегося

времени. Я могла сказать, что он любил то, что делал, и эта мысль делала меня счастливой за него. Когда закончилась последняя песня, я стояла вместе с остальными и аплодировала в полном благоговении. Он был великолепен. Вся их группа была блестящей. Габи бы полюбила их.

Когда Дэниел посмотрел на меня, я улыбнулась и сказала одними губами: «Спасибо», и он сощурил глаза с замешательством во взгляде, который я решила проигнорировать. Я направилась наружу, зная, что задержалась на дольше, чем Хейли предполагала, и у нее, вероятно, была паническая атака от мысли, что я украла ее машину.

Теплый воздух трепал мои волосы, засунув руку в карман, я вытащила ключи Хейли, готовая вернуться в место, которое временно называла домом.

— Девушка без имени! — закричали позади меня, и я повернулась, чтобы увидеть, выглядящего истощенным, вокалиста, бегущего ко мне. — Что это было? Между нами установилась какая-то связь, и ты сбегает? Ты уходишь, не попрощавшись?

Я открыла рот и пожала плечами.

— Я сказала спасибо.

Он засунул руки в карманы джинсов. Я могла сказать, что легкий ветерок ощущался хорошо на его голых руках, после того, как он находился в душном баре. Он сделал шаг ближе ко мне, и мое тело напряглось.

— Я подумал... — он сделал паузу и рассмеялся. Я думаю, он смеялся над собой. Очевидно, что я не сделала ничего забавного. — Не имеет значения. Было приятно познакомиться с тобой. — Он вытянул свою левую руку в мою сторону, и я пожала ее.

— Приятно познакомиться с тобой тоже. Иди внутрь и отпразднуй — выпей что-нибудь. Ты был изумителен, — я усмехнулась.

На его губах не было улыбки, а его глаза сверкали беспокойством.

— Это твоя сестра? Та, кого ты потеряла?

Я выпрямилась, опешив от его слов.

— Как ты узнал?

Наши руки все еще были соединены, он шагнул еще ближе.

— Когда ты рассказывала историю о своем золотке, ты сказала о ней в прошедшем времени.

— Ох. — Это все, что я могла сказать. Я не знала, что еще можно добавить и просто думала о Габи, стоящей на тротуаре, из-за чего снова хотелось плакать.

— Все еще свежая рана?

— Все еще свежая и причиняет дикую боль.

— Моя мама умерла год назад. И в прошлую пятницу мой отец скончался от почечной недостаточности. — Он сделал еще один шаг ближе.

Моя челюсть отвисла.

— Ты только что потерял отца и выступаешь в баре?

— Я довольно сильно запутался, — прошептал он, постукивая пальцем по голове. Я хорошо знала это чувство. — Он был учителем английского. Группа была его идеей — на самом деле тематика Шекспира в группе. Только папа мог придумать такое. — Он остановился. — Люди говорят, что со временем становится легче, но...

— Становится тяжелее, — сказала я, полностью понимая и делая шаг ближе к нему.

— Это давит на всех вокруг тебя. Люди устают оттого, что ты вынашиваешь это в себе. Люди тяготятся твоей печалью. Поэтому ты начинаешь вести себя так, как будто больше не

больно, просто так, ты можешь заставить людей перестать беспокоиться о тебе. Просто так, ты не будешь никого раздражать своим горем.

— Ты хочешь узнать что-то, что прозвучит безумно? — я чувствовала себя сумасшедшей, из-за того, что рассказывала совершенному незнакомцу о потере члена семьи, но правда была в том, что он, казалось, был первым человеком, который понимал меня. — Когда я ехала сюда, то могла поклясться, что моя сестра-близнец сидит со мной в машине.

Я видела, как его глаза наполнились выражением отчаяния. Слово «близнец», вероятно, проникло в его мозг, отчего на лице отразилась боль. Я чувствовала себя плохо из-за того, что заставила его чувствовать себя плохо. Такой человек, как он, всегда должен чувствовать себя хорошо.

— Все нормально, — прошептала я. — Я в порядке.

Он переступил с ноги на ногу на месте.

— Клянусь, иногда я ощущаю запах любимых сигарет моего отца рядом со мной.

Мы затихли в наших мыслях на мгновение, и оба смотрели на наши руки, которые все еще были связаны нашим «приятно познакомиться» рукопожатием. Затем раздался нервный смех. Я не была уверена, чей он был: мой или его.

Я разрушила тишину и отступила. Посмотрев в его голубые глаза, я моргнула, надеясь не потерять много от его взгляда.

— Эшлин, — сказала я, назвав свое имя.

Он отступил на несколько шагов с широкой улыбкой.

— Эшлин, — пропел он. — Когда я думаю, что ты не можешь быть еще более потрясающей, ты называешь подобное имя.

Я засунула руки в карманы и уставилась на ночное небо. Это казалось таким простым. Бар с музыкой, которая затронула струны моей души. Парень, который знал какво это — потерять часть своей радости. Легкий ветерок, который придавал свежести.

— Если бы существовал Бог, а я не уверена, существует он или нет, ты думаешь, могла ли эта ночь быть своеобразной формой извинения за то, что он отнял тех, кого мы любили?

Он выдохнул и потер своей рукой подо ртом.

— Я не знаю. Но думаю, что это хорошее начало.

Мы снова замолчали. Я не знала, что тишина может быть такой уютной. Он не переставал улыбаться, так же как и я. Улыбки были радостными и очень естественными.

Он разрушил тишину и отступил.

— Ну, это правда была чертовски странная ночь.

— Я могу поддержать это.

— Тогда ладно. Я перестану беспокоить тебя и отпущу.

— Да, конечно. Просто... — мой голос стих, и он посмотрел на меня, сощурился, желая, чтобы я закончила предложение. — Я еще не готова уходить. Потому что знаю, как только уйду, все это закончится. Вся магия сегодняшнего вечера, что отключила мой мозг на несколько часов — исчезнет, и я снова стану грустной Эшлин.

— Ты просишь, чтобы я притворялся с тобой еще немного? — спросил он.

Я кивнула с надеждой в глазах, надеясь, что он не подумает, что я полностью сумасшедшая.

Он взял мою руку в свою и подтолкнул меня плечом.

— Давай прогуляемся, — предложил он.

Мы наматывали круг за кругом вокруг квартала. Я не знала почему, но мы по очереди делились историями из своей жизни. На третьем круге Дэниел рассказал мне о своем отце, как они не были близки до того, как его мама умерла. Затем они стали ближе, и он сожалел о годах, что потерял, когда держался на расстоянии. Он остановился на углу Хамболдт стрит и Джеймс авеню и сделал глубокий вдох. Уставившись в ночь, он заложил руки за шею и закрыл глаза. Я не говорила ничего, потому что сожаление сказанное зыком его тела было все, что нужно было сказать.

Я поняла, что у него был брат, но когда спросила о нем, тело Дэниела напряглось.

— Мы не общаемся. — Слова звучали холоднее, чем что-либо, что он говорил прежде. Я больше не спрашивала об этом.

На четвертом круге, мы смеялись над тем, как сильно оба истощены и не были в состоянии по-настоящему спать. На шестом круге я плакала. Это началось с нескольких упавших слез, но потом превратилось в целый водопад, и Дэниел не просил меня объяснить. Он обнял меня и притянул к своей груди, успокаивающие звуки покидали его губы.

Я пыталась выдавить слова, чтобы рассказать ему, что буду в порядке, но он предостерег меня от этого. Он сказал, что это нормально быть не в порядке. Он сказал, что это нормально распадаться на части какое-то время, не чувствовать ничего, кроме боли. Мы оставались на шестом круге дольше, он шептал в мои волосы что когда-нибудь, как-нибудь, радость преодолет боль.

Позже, я рассказала ему о списке предсмертных дел, который Габи составила для меня, и он попросил прочитать его. Потянувшись в сумку, я вытащила сложенный лист и протянула его. Он держал его с осторожностью, медленно открывая. Я смотрела, как его глаза перемещались слева направо, когда он читал список.

— Крутить обруч в универмаге? — спросил он, изогнув бровь.

Я засмеялась, кивнув.

— Спеть Майкла Джексона в караоке, включая танцевальные движения?

— Я знаю, понятно? Это было больше для Габи, чем для меня, — ответила я.

Он улыбнулся на список, прежде чем сложил его обратно и передал мне. Он спросил, как много пунктов я выполнила, отчего я вздохнула.

— Еще ни одного. Я должна была танцевать в баре сегодня, но как ты видел, у меня был небольшой нервный срыв.

— Так, ты еще не прочитала письмо от своей сестры?

— Еще нет. Я бы хотела открыть их все...

Он засмеялся, когда мы снова начали обходить квартал.

— Но ты не хочешь быть такой девушкой.

— Какой девушкой? — спросила я, застопорившись и уставившись в его направлении.

— Ты понимаешь. Той девушкой, которая умышленно не подчиняется своей умершей сестре-близняшке.

Я улыбнулась. Я знала, что это было странно и многие бы назвали неправильным то, что он сказал, но я улыбнулась, потому что, черт возьми... это было забавно.

— Ты прав. Я не посмею быть такой девушкой.

— Кроме того... — он повернулся ко мне и прикусил нижнюю губу. Он приблизился и игриво толкнул меня в плечо. — Ты выполнишь одно из заданий, — когда он сказал это, мой

нос зашевелился, а брови изогнулись.

Он рассмеялся над моим несколько ошеломленным состоянием. Когда его лицо оказалось ближе ко мне, я выдохнула воздух, коснувшийся его губ. Это ощущалось как вечность, когда наши губы были в миллиметрах друг от друга, тем не менее, это длилось только несколько секунд.

Его губы не выглядели мягкими и приятными — они выглядели талантливymi. Как будто они могли целовать кого-то, даже если были на другой стороне мира, и заставить этого человека расплавиться. Это не длилось долго, прежде чем я убедилась, насколько талантливыми были эти губы.

Наши губы соединились так, как я никогда не целовалась. Нужно было придумать новое слово, чтобы описать этот тип поцелуев. Терапевтический. Живой. Защитный. Блаженный. Все эти красивые разнообразные чувства — разом. Подавляющее число эмоций прошло через мое тело, превращаясь в энергию, которая переходила от него ко мне.

Я знала, что никогда не захочу целовать другого парня так, как целовала его. Я никогда не знала, что поцелуи могут быть такими простыми и в то же время сложными.

Он потянул меня в бок, и моя спина коснулась каменной стены, но стена не держала меня так, как его прикосновения. Он придвинулся ближе ко мне, и я почувствовала, как его язык раздвинул мои губы, найдя мой язык, который был готов познакомиться с его.

Когда его руки обняли меня крепче, мои ноги нашли свое окончательное пристанище вокруг его бедер. Небольшой вздох покинул меня, когда он подхватил меня под задницу и приподнял, заставляя мое эгоистичное желание — обернуть ноги вокруг него, стать отчаянной потребностью борьбы с гравитацией.

Как падающая звезда, мое тело летело в бездну желаний, и я начала умолять небеса, чтобы это не было какой-то депрессивной фантазией — и если это было так, то я никогда не хотела возвращаться в реальность.

Он перестал меня целовать, оставив меня с закрытыми глазами и открытым сердцем. Я могла слышать, как его сердце стучит напротив его футболки, и он положил руку на мое сердце. Слова были не нужны, потому что все это чувствовалось изнутри, выливаясь из кончиков пальцев друг друга.

Последний раз его губы коснулись моих, как церемония закрытия. Когда я открыла глаза, увидела, что он уставился на меня и улыбается, начав объяснять более подробно.

— Номер двадцать три.

Он медленно опустил меня на землю. Я смотрела на список, который все еще был в моих руках, и быстро нашла глазами номер двадцать три.

#23. Поцеловать незнакомца

Ну, будь я проклята. Я поцеловала незнакомца.

Мои глаза посмотрели на Дэниела, и он улыбался мне. Он сделал три больших шага назад и откланялся.

— Пожалуйста, — пошутил он.

Я не могла сдержать ликования, и это было бесполезно. Покружившись по кругу с раскинутыми руками, я позволила ночному воздуху обдувать мое тело. Я открою письмо! Я хотела плакать, но знала, что это слезы счастья.

Я помчалась к Дэниелу, и его, вероятно, застало врасплох, когда я бросилась к нему,

крепко-крепко обнимая. Он не колебался — поднял меня в воздухе и покружил несколько раз, обнимая меня в ответ без вопросов.

— Ты даже не представляешь, что это значит для меня, — прошептала я, втайне надеясь целовать его снова и снова.

Он отстранился немного и уставился на меня, улыбаясь.

— Давай отведем тебя домой, чтобы ты могла прочитать письмо.

Он опустил меня, и мы пошли к передней двери бара. Дэниел потер мое плечо несколько раз. Его губы двинулись ближе к моим, и когда они прикоснулись к уголку моего рта, я почувствовала волну тепла, проходящую через мое тело.

— Спокойной ночи, Эшлин, — сказал он, слегка коснувшись кончиками пальцев, прежде чем отступил, из-за чего я еще раз улыбнулась.

— Доброй ночи, Дэниел Дэниелс. — Мое сердце потерялось в мире сильного желания, и я позволила ему путешествовать по неизведанной территории. Я потянулась в свою сумочку и вытащила его диск. — О, и просто знай... я возьму тебя сегодня в кровать.

— Ну, черт побери. Я счастливый ублюдок. — Он подмигнул мне, и мой мир взорвался. Проведя рукой по волосам, он улыбнулся мне. — Я думаю это тот самый момент, где мы обмениваемся номерами. — Он вытащил свой телефон, протянув его мне, а я дала ему свой. После того как вбила свой номер, мы обменялись ими назад.

— Я, вероятно, не позвоню тебе первой, потому что не хочу выглядеть отчаявшейся, — ухмыльнулась я.

— И я не позвоню тебе первым, потому что хочу, чтобы ты подумала, что могут быть еще девушки, с которыми я общаюсь.

Ох, как он заставил меня чувствовать себя. Я долго не испытывала такого.

— Ну, очевидно, нет других девушек. Ты видел себя? Ты довольно отталкивающий.

— Да?

— Да. Девушки не любят очаровательные улыбки, мускулистые руки или восхитительный четыре кубика, — он быстро взял меня за руку и провел ею по животу. Я слегка вздохнула, чувствуя, как покрываюсь мурашками от прикосновения к его телу. — Шесть кубиков пресса. — Мои щеки покраснели, но надеюсь, он не заметил.

— Итак, что нравится девушкам? — он скрестил руки.

— Ты знаешь, нормальные вещи. Немного длинных волос в ноздрях. Двойной подбородок, чтобы было удобнее целоваться. Еще один сосок или три. Просто нормальные вещи.

Он рассмеялся, и я захотела прижаться к нему, чтобы ощутить, как смех проходит по его телу.

— Я поработаю над этим. Я не хочу быть... Как ты сказала?

— Отталкивающим.

— Верно. Я бы не хотела быть отталкивающим для тебя. — Еще одна последняя улыбка, и он отвернулся, и я начала идти в противоположном направлении.

— Эй, Эшлин! — крикнул он, я повернулась в его направлении. Я ждала его комментария, посылая ему удивленный взгляд. — Ты бы не хотела как-нибудь провести со мной еще один чертовски странный вечер? Например, во вторник.

Да! Да! На все вопросы ДА!

— Знаешь что? Думаю, что смогу внести тебя в свой график.

— Ты знаешь библиотеку на Хартс Роад?

Нет. Не знала. Но когда я вернусь домой, то сразу найду в интернете где это.

— Разберусь.

— Хорошо. Увидимся там, скажем, около шести вечера.

— Это свидание, — сказала и остановилась, хлопнув рукой себя по боку. Мои щеки покраснели, и мои руки сжались вокруг талии. — Я имею в виду это... это... я буду там. Увидимся там.

Он рассмеялся и развернулся.

— Ладно, звучит хорошо. Это свидание-свидание.

Он использовал двойное слово.

И я была официально поражена.

Я вошла в комнату и увидела, что Хейли растянулась на полу, лежа на своем коврике для йоги. Играла музыка, звуки которой напоминали дождь в тропическом лесу.

Она глубоко вдыхала и выдыхала через приоткрытый рот. Увидев ее странность, мои губы растянулись в улыбке.

— Эм, Хейли? — пробормотала я, закрывая за собой дверь.

— Шщ, — зашипела она, похлопав по свободному коврику для йоги рядом с ней.

Я приняла это странное приглашение. Сняв каблуки и бросив пиджак и сумочку на кровать, я легла на коврик для йоги.

— Закрой глаза, — инструктировала Хейли, ее уже были закрыты. Я подняла бровь и посмотрела на нее, как будто она была чокнутой, и уголки ее губ приподнялись. — Не смотри на меня этим «ты-сумасшедшая» взглядом. Просто закрой свои гребаные глаза.

Я закрыла их и сделала глубокий вдох. В комнате дул прохладный ветерок, и мои руки мгновенно покрылись мурашками. Я открыла глаза и посмотрела на Хейли и увидела, как она все еще глубоко вдыхает и выдыхает.

— Ты чувствуешь разницу от нескольких секунд лежания и затем возвращения назад в мир? Вся твоя негативная энергия испарилась через кончики пальцев на ногах и руках? — спросила Хейли, прежде чем снова начала гудеть.

— Эм, нет? — сказала я в замешательстве. Я просто чувствовала, как лежу на коврике для йоги в темной комнате, слушая гром и звуки джунглей, которые играли с компакт-диска.

Хейли перестала гудеть и приподнялась, опираясь на локти.

— Хм. Я тоже. Говорю тебе, я уже очень долго делаю эти попытки медитировать, но ничего не приходит.

Я захихикала и села на коврик, скрестив ноги.

— Тогда почему ты беспокоишься?

— Тео... — она напомнила мне о своем парне, прежде чем легла обратно, запрокинув руки под голову. — Как ты провела время?

Уголки моих губ приподнялись. Хейли заметила.

— Ты познакомилась с мальчиком! — завизжала она шепотом.

Я повернулась к ней, в шоке.

— Как ты...?

— Эшлин, ты покинула дом взбешенной, а вернулась с улыбкой и сияющей. Ты определенно встретила мальчика.

Она была не права — он совсем не был мальчиком. Я лежала на коврике, уставившись в нарисованные облака, слушая пение птичек и крики обезьянок на диске.

— Я очень хорошо провела время.

Мы немного поболтали, прежде чем моя новая соседка по комнате становилась более сонной и сонной. После некоторого времени лежания на коврике, я услышала, как Хейли начала тихо сопеть. Встав, я схватила покрывало и накрыла ее.

Около двух часов ночи, загорелась подсветка на моем телефоне. Улыбка растянулась на моих губах, когда увидела имя Дэниела.

Дэниел: Он англичанин. Он пристрастился к размахиванию длинной палкой вокруг. У него есть суперколлекция свитеров.

Я: Это какой-то вид ночной книжной викторины?

Сердце бешено колотилось, и бабочки порхали в животе.

Дэниел: Понятное дело.

Я: Ну, нужно было придумать получше. Гарри Поттер. Моя очередь. Он сбежал из дома, чтобы снять проклятье. Он женился. Была вероятность того, что мама его ребенка это... его мама.

Дэниел: Ты только что сказала про царя Эдипа? Подсказка: У нее были проблемы с грызунами. Ее страстная влюбленность на трехдневном пире оказалась неуклюжей. Ее сестры отрезали свои пятки.

Я: Золушка, в стиле братьев Гримм. Ты все облегчаешь. Я думала, ты не собирался звонить мне первым?

Дэниел: Я думал, что трехдневный пир было умно. Большинство людей не знают этого. Я не звоню тебе. Я пишу тебе. Моя девушка спит рядом со мной. Она удивится, если услышит, как я разговариваю. Ты прекрасна. Ты заставила меня смеяться и терять голову в одно и то же время. Настоящий талант.

Я: По шкале от одного до десяти подсказка про пир была на 1,5. Ауч. Не притворяйся, что у мистера Отталкивающего есть девушка. Не льсти мне комплиментами — твои подсказки все еще ужасны.

Дэниел: Ты прекрасна.

Я: Ты драматичен.

Дэниел: Ты прекрасна, Эшлин. Я не имею в виду только твою внешность. Я говорю о твоём уме, твоих слезах, твоей начитанности. Я думаю, что это прекрасно.

От каждого его ответа я чувствовала, как мое лицо краснело. Он не играл в игры, он не пытался вести себя так, как будто ему есть заняться чем-то более интересным в два часа ночи. Он отвечал прямо, в каждом сообщении было столько тепла в его простых словах.

Я: Перестань.

Дэниел: Ты так безобразна, что это причиняет боль. Ты напоминаешь мне грязь на моей подошве. Если бы я мог, я бы стряхнул тебя. Почему ты так отвратительна?

Я: Романтично — ты делаешь все верно.

Дэниел: Спокойной ночи, Эшлин.

Я вздохнула, когда положила телефон себе на грудь.

Спокойно ночи, Дэниел Дэниелс.

Я пошла к своему сундучку и использовала подсветку на телефоне, чтобы найти конверт под номером двадцать три. Сев на коврик, я медленно открыла его.

#23. Поцеловать незнакомца.

О боже мой. Моя сестра илюшка! Правда? Ты поцеловала НЕЗНАКОМЦА?! Мог сказать, что втайне горжусь тобой? И если это произошло и стало одним из первых писем, это означает, что ты, вероятно, сделала так, потому что сильно скучаешь по мне. Вот это моя девочка! Расскажи мне, это был плохой поцелуй? У него плохо пахло изо рта? Он использовал язык? О боже, я хочу узнать так много всего. Тебе понравилось? От этого твои внутренности превратились в желе? Так долго как ты не целуешь Билли, я счастлива. Я думаю, что этот пункт в списке показывает, что ты должна рисковать. Поцеловать неправильного парня в правильное время. Поцеловать правильного парня в неправильное время. Просто живи каждый день, как будто нет ограничений. Есть столько всего, что я хотела бы сделать, но я всегда все обдумываю слишком долго. Как, например, я бы хотела поносить однажды юбку в горошек. Или попробовать суши. Или потерять свою девственность на вечеринке на пляже с Бентли в прошлом году, когда я на самом деле хотела этого. Продолжай в том же духе, ты все делаешь правильно, ребенок.

— Габри.

7 глава

Во-первых, могу я получить твой номер?

Во-вторых, могу я получить твою улыбку?

В-третьих, ты встретишься со мной где-нибудь?

В-четвертых, ты останешься на некоторое время?

~ Скитания Ромео.

Эшлин

Я проснулась на полу, когда солнечный свет заполнил комнату. Я опустила взгляд и увидела, что одеялом, которым я накрыла Хейли, сейчас была укрыта я. Хейли стояла перед зеркалом в полный рост и возилась со своими волосами.

Я потеряла рукой слипающиеся ото сна глаза и встала, зевнув в открытую ладонь.

— Спасибо за одеяло.

— Аналогично, — она улыбнулась, повернувшись ко мне. — Ведь так должны поступать соседки. Верно?

Я пожала плечами, когда упала на матрас. Я не очень долго жила здесь, поэтому это все было ново для меня.

Ей на самом деле не очень был нужен мой ответ, прежде чем она присоединилась ко мне на кровати.

— Здорово! Так насчет соседок... У Тео будет вечеринка через некоторое время, когда его родители уедут на Бора-Бора, и мне нужно, чтобы ты пошла со мной.

Я изогнула бровь и рассмеялась.

— Нет, спасибо.

Хейли надула губы и скрестила руки на груди.

— Да ладно тебе. Пожалуйста! Мама не позволит мне пойти, если я пойду без друзей. Моя лучшая подруга Лиза против Тео по какой-то причине, и так как другой мой друг — мой брат, который явно анти-Тео, мама будет против того, чтобы я пошла. Мне нужно чтобы со мной пошла подруга. Ты нужна мне. А маме очень понравится эта идея, потому что она подумает, что мы подружились. А так и будет! — она сжала ладони вместе и начала умолять. — Пожалуйста, Эшлин. Пожалуйста.

— На самом деле я не из любительниц вечеринок.

— Хорошо! Это совершенно нормально! Но, — она улыбнулась и закрыла глаза, — может, ты вычеркнешь что-то из своего списка предсмертных дел!

Моя челюсть отвисла, и я выпрямила плечи.

— Как ты узнала насчет списка?

— Ты говоришь во сне. — Она открыла один глаз и посмотрела на меня, сморщившись от идеи, что я буду злиться на нее. Я до сих пор не решила так это или нет. — К тому же ты оставила последнее письмо на своей кровати.

Подпрыгнув с кровати, мое сердце громко стучало в груди, я скрестила руки.

— Ты читала мое письмо? Ты рылась в моих вещах?

Хейли быстро встала, и ее глаза расширились от страха.

— Нет! Оно просто лежало там. И я... Ладно. Да, я прочитала письмо. Я ужасна соседка. Позволь мне компенсировать это, позвав на вечеринку!

Я долго смотрела на нее шокировано и не моргая.

— Я не могу делать это прямо сейчас. — Двигаясь к двери, чтобы покинуть свою новую сумасшедшую «соседку», я остановилась, когда Хейли встала перед дверью.

— Слушай, ладно! Мне жаль. Я перешла черту, прочитав твою личную вещь, и я обещаю на мизинчиках, что никогда не сделаю это снова. — Она протянула мне свой мизинец, и я смотрела на нее, не понимая, к чему она клонит. Ее рука медленно опустилась к боку, и она вздохнула. — У меня не очень много друзей. И я близка к тому, чтобы потерять своего первого парня. Я не такая, как ты. У меня нет сисек и физических особенностей, которые привлекают парней. Тео — мой единственный шанс в этом. И если я не дам Тео сорвать мой цветок в эту субботу, он оставит меня. И тогда всю оставшуюся жизнь у меня будет там внизу этот гребаный сад! — она прошептала, ее глаза наполнились слезами.

Я не могла сдержать улыбку.

— Твой цветок? — спросила я, глядя на сверхдраматичную Хейли. Самое печальное,

что она, кажется, была довольна серьезна. — Я думала, что ты не готова потерять свою... розу... орхидею... венерину мухоловку?

Ее уголки губ поднялись, а руки уперлись в бока.

— Ох, ты находишь это смешным? Ну, я так рада. Я так счастлива, что моя разваливающаяся личная жизнь — забавна для тебя.

— Она немного забавна.

Она закатила глаза и направилась к своей кровати, шлепнувшись на нее.

— Я умру девственницей.

Мое сердце пропустило удар, когда я подумала о письме Габи, и как она хотела потерять свою девственность с Бентли, но этого так и не случилось. Я прикусила губу и сморщилась.

— Ладно, я пойду.

Она оживилась и посмотрела на меня.

— Ты пойдешь?

— Если ты обещаешь больше никогда не копаться в моих вещах.

— Обещаю! — закричала она, спрыгивая с кровати.

— И мы должны найти способ, чтобы вычеркнуть пункт в моем списке, — я потянулась в свою сумку и вытащила список. Хейли быстро выхватила его у меня из рук и пробежала по нему глазами.

— Твоя сестра написала его? Вау, наверное, она была изумительной.

— Так и есть.

Хейли остановилась и посмотрела на меня с таким печальным выражением, которое я ненавидела. Затем она снова посмотрела на список и прочистила горло.

— Номер двенадцать. Подать нуждающимся.

Я рассмеялась, закатив глаза.

— Я сомневаюсь, что помочь девушке потерять девственность это то, что она имела в виду.

Ее губы надулись, и она снова продолжила читать список.

— Номер шестнадцать? — она протянула мне листок и я улыбнулась.

#16. Вечеринка в доме.

— Ну... Я полагаю, что совсем скоро мы собираемся на вечеринку. — Я повела плечами и зевнула. — Но прямо сейчас, мне нужно одолжить твою зубную пасту. Моя кончилась.

— Одолжить? Будь добра, не возвращай ее обратно. — Хейли хихикала, пока рассказывала мне, что есть в аптечном шкафчике. — И поторопись. Мама ненавидит опаздывать на изучение Библии.

Ехать в церковь в воскресенье после нескольких часов сна было очень тягостно. Хейли и Райан должны были оказаться там очень рано, чтобы начать обучать Библии. Ребекка сказала, что это будет настоящим удовольствием, если я появлюсь там, что на самом деле означало: «Ты идешь в церковь». Я поняла одну важную вещь насчет Ребекки: она выдвигала требования с улыбкой, заставляя вас думать, что это просьбы.

Иногда я смотрела, как Генри общается с ней, и задумывалась о том, как они стали парой. Они настолько отличались друг от друга, что связь между ними казалась чудной. Я

даже заметила, что Генри уходит в свою машину покурить, чтобы убедиться, что Ребекка не узнает.

Но затем я увидела это. То, как он смотрел на нее, когда она не смотрела. Искры в его глазах. То, как она держала его руку, как будто это была ее рука.

Его мобильный зазвонил прямо перед тем, как мы зашли в церковь, и Ребекка изогнула бровь.

— Кто звонит тебе в такую рань?

Глаза Генри опустились на его телефон, и он поморщился.

— Я найду следом за вами.

Ребекка держала дверь церкви открытой для нас и напутствовала своим детям:

— Запомни Хейли, молитва перед и молитва после для детей младшего возраста. Им нужно учиться.

— Ладно, — сказала Хейли, закатив глаза.

— И, Райан, со старшими детьми... Не удивляйся, что этого мальчишки Эйвери не будет. Он вылетел из класса.

— Почему? — спросил Райан, оживившись.

Лицо Ребекки нахмурилось в отвращении.

— Скажем коротко, он сделал кое-что неправильное. Его семья сменила церковный приход.

Райан поднял бровь, но не настаивал на более подробном объяснении.

— И заправь рубашку, ты выглядишь как неряха. Бог наблюдает. — Когда его мама отвернулась и зашла внутрь, Райан вытащил свою фальшивую пачку из-под сигарет. Я смотрела на эту странную привычку и повернулась к Хейли.

— Что он делает? — прошептала я, двигаясь с ней к классу, у которого она преподавала.

Она посмотрела на своего брата и пожала плечами.

— Копинг-стратегия (прим. пер. по-другому копинг-стратегия — это то, что делает человек, чтобы справиться со стрессом).

Копинг-стратегия для чего?

Хейли, должно быть, прочитала мои мысли, потому что улыбнулась.

— Не у тебя одной проблемы с отцом, Эшлин.

8 глава

Есть две вещи, которые я хочу, чтобы ты увидела.

Одна живет в тебе, а другая во мне.

~ Скитания Ромео

Эшлин

Понедельник ознаменовал начало обучения в выпускном классе. Хейли отвезла нас с Райаном в школу, и Генри пообещал мне, что сделает все, что сможет, чтобы не пересекаться со мной. Когда мы подъехали на парковку, Райан выпрыгнул, повесив рюкзак на спину.

Я выбралась из машины, повесила рюкзак на одну лямку и прижала книгу к груди. План был в том, чтобы всегда держать книгу у груди. Возможно, тогда парни не будут смотреть на меня так, как в прошлой школе.

Было легче чувствовать себя комфортно в собственной коже, когда рядом со мной всегда был мой близнец. Сейчас я чувствовала себя одинокой.

— Брось мне свое расписание, Чикаго. — Райан толкнул меня в бок с улыбкой. Я полагала, что это было мое новое прозвище от него. Я протянула ему расписание, и он развернул лист, его глаза бегали туда-сюда. — Ох, у тебя мисс Гейн, первый урок химии. Жестоко.

Хейли нахмурилась.

— Мисс Вонючка. Ее класс всегда пахнет как задница лошади.

— И она ведет себя так, как будто мы все должны быть студентами Гарварда. — Райан закатил глаза. — Я буду счастливым попасть в общественный колледж. — Казалось, что он больше говорил это самому себе, поэтому я не стала комментировать. — Продвинутый английский с мистером Д. Легко получить А. — Почему он думает, что не попадет в колледж, если он брал продвинутые курсы?

— Это потому, что он новенький. У новых учителей всегда легко получить А. — Хейли усмехнулась, прежде чем поторопилась найти свой шкафчик.

Райан передал мне мое расписание и поторопился в класс. Я сделала глубокий вдох и подняла взгляд на здание школы. Так много людей ходили вокруг, как будто они точно знали куда направляются. А конкретно то, каким будет следующий шаг.

Я двигалась медленно, рассматривая, исследуя и надеясь уйти с минимальным нанесенным вредом, насколько это было возможно. Первый рок начался, и мои новые приятели не обманывали. Класс мисс Гейн пах как задница лошади.

— Хорошо, ученики. Добро пожаловать на химию. Я рада видеть, что вам всем, кажется, удобно на ваших местах. Очень плохо. Распределение столов начинается прямо сейчас. Это будут ваши партнеры на оставшуюся часть семестра. Как только вы передвинетесь, я снова предложу вам устроиться удобно.

Комната наполнилась шумом от стонов и раздражения, но мне было безразлично. Я не знала никого, поэтому не будет иметь значения, кто сядет рядом со мной.

— Эшлин Дженнингс рядом с Джейком Кенном за столом номер пять. — Я подняла свои книги, перешла за другой стол и увидела как парень сел за стул рядом со мной. Он дружелюбно мне улыбнулся, но я заметила, когда его глаза опустились на мою грудь.

Их глаза всегда находили мою грудь.

— Привет. Эшли, верно? — Джейк протянул мне руку и улыбнулся.

— Эшлин, — поправила я. Джейк хорошо выглядел, находился в хорошей спортивной форме — насколько парни в школе могут быть в спортивной форме. Светлые волосы, карие глаза.

— Ну, приятно познакомиться с тобой, Эшлин. — Он выделил интонацией мое имя, и я улыбнулась от этого.

— Мне тоже.

— Так это ты та новенькая, о которой все говорят? Дочка директора?

Все говорили обо мне? От этой мысли мой желудок сжался, и я пожала плечами.

— Дочка завуча. Все говорят обо мне? Это первый урок первого дня.

— Ты быстро выучишь... Люди здесь любят поговорить. Довольно много. — Он кивнул, его глаза еще раз осмотрели мое тело. — Ты совсем не похожа на мистера Дженнингса.

— Я приму это за комплимент. — Я застенчиво улыбнулась и немного отодвинула свой стул от него.

Он заметил мое движение и слегка рассмеялся, прежде чем повернуться лицом к учителю.

— Доверься мне, это так.

Урок продолжился, и после него, Джейк спросил меня, нужна ли мне помощь найти следующий класс, что я отклонила с улыбкой. Следующий урок проходил так же, как первый — медленно.

Выйдя в коридор, я чувствовала себя в ловушке. Мои глаза переместились к часам на стене. Громкое тиканье напоминало нам студентам, что мы должны поторапливаться или не успеем глазом моргнуть, как пропустим наши жизни. Еще шесть часов. Еще шесть долгих, ужасных часов, прежде чем я смогу сбежать из этого здания, напоминающего тюрьму.

Пока я шла, то видела, что Генри стоит дальше по коридору, посылая мне полуулыбку. Я вздохнула и, повернув, врезалась прямо в человека. Мои книги и расписание полетели, и я закатила глаза.

— Смотри куда прешь, дыньки.

Я подняла голову, как раз вовремя, чтобы увидеть, что я врезалась в парня одетого в школьную куртку с эмблемой. Футбольный игрок, и судя по тому, как последователи сгруппировались вокруг него, он капитан. Я переместила взгляд и, увидев, что Джейс тоже стоял рядом с ним, послала ему осторожную улыбку.

Он пожал плечами с виноватой усмешкой и ушел. Спасибо за помощь, партнер по химии. Некоторые из ребят остались рядом со мной, когда я начала собирать свои книги.

— Это не просто дыньки. Это арбузики. Я люблю, чтобы мои арбузы были сочные и большие, — засмеялся парень, когда проходил мимо меня, насмехаясь над размером моей груди.

После того как подняла книги, я еще крепче прижала их к своей груди. Я даже не могла поднять голову, чтобы посмотреть задире в глаза.

Один из минусов носить платья Габи — это то, как они демонстрируют мое тело. Но по какой-то причине, я должна носить их.

— Нет необходимости читать, когда есть такая подставка. Я могу научить тебя множеству вещей, — сказал капитан-задира. Один из других назвал его Брэд. Я ощущала, как его глаза путешествовали по моему телу, и я отпрянула от него из-за чего врезалась в другого. Им нечем больше заняться в первый день в школе? Например, пойти на уроки?

— Просто один раз попробовать, — пробормотал один из парней, когда подошел ближе к моему уху и потер своей рукой мое плечо, прежде чем грубый голос учителя наполнил наши уши.

— Ладно-ладно. Достаточно. Разойдитесь по классам. — Голос ревел в моих ушах, а моя голова все еще была опущена. Я наблюдала, как ноги всех этих придурков уходят. Рука появилась рядом со мной, и я вздрогнула.

Потребность в душе обрушилась на мою кожу. Осквернение. Слова и потирания парней осквернили меня и заставили меня чувствовать себя, как будто меня трогали самым грубым способом. Я хотела вернуться обратно в Чикаго, где я, по крайней мере, знала этих задир. Я хотела домой.

— Ты уронила это, — сказал голос, протянув мне мое расписание. Когда я подняла взгляд, бумага в его руке выпала на пол, и он ахнул.

— Эшлин.

Прекрасные.

Поразительные.

Потрясающие.

Голубые глаза.

Сначала странное ощущение комфорта захлестнуло меня от знания того, что он был тем, кто отогнал этих придурков. Но затем начало приходить осознание. Он отогнал придурков.

— Что ты здесь делаешь, Дэниел? — Он выглядел... старше. Так отличаясь от того парня, которого я видела в баре «У Джо».

В его темных брюках был продет коричневый ремень, который подходил под его обувь. Светло-голубая рубашка на пуговицах закрывала тело, и его волосы не были в беспорядке. Они были уложены, зачесаны назад.

— Нет, — зашипел он. Его губы сморщились. Я смотрела, как он оглядел коридор и потер правой рукой свою шею. — Не называй меня так, Эшлин, — прошептал он.

Рядом захлопнулся шкафчик, и я подскочила от испуга. Все скрутилось внутри меня, и я боролась со слезами, которые пытались вырваться наружу.

Как это могло быть?

Дэниел прочистил горло и снова поднял мое расписание. На этот раз он изучил его, в его глазах было все больше и больше беспокойства.

— Ты ученица. — Его рука сформировала кулак, и он несколько раз приложил его к своему рту. — Ты моя ученица.

Мои глаза расширились от замешательства и ужаса. Звонок зазвенел громче, шум пронесся по коридорам.

— И ты опаздываешь.

Он вложил расписание в мою руку, и я подняла взгляд и увидела, что Райан идет по коридору в нашем направлении. Он улыбался.

— Я здесь. Я здесь. Не кипятитесь, мистер Д. Мой тренажерный зал, в котором бы предыдущий урок, в другой части здания и, в общем, дерьмо. — Он остановился. — Я имею в виду фигня.

Он пробежал мимо Дэниела, пока мы оба замерли в пространстве и времени. Райан обернулся, одарив меня широкой улыбкой во все зубы, и кивнул в мою сторону.

— Ты идешь, Эшлин?

Мои губы сжались в тонкую линию, когда я посмотрела на Дэниела... мистера Дэниелса. Я направилась в класс и вздохнула когда услышала, как дверь хлопнула позади меня. Райан улыбался мне и постучал по месту прямо напротив него, я сказала одними губами: «Спасибо».

Когда я подняла взгляд, то увидела Дэниела в замешательстве, который пытался собраться с мыслями. Он повернулся лицом к классу, и я была готова поклясться, что он

посмотрел в глаза всем, кроме меня. Ни на одно мгновение мы не встретились глазами. Все, что мне нужно было — это один взгляд, чтобы я знала, что все в порядке, что мы разберемся в этой странной ситуации.

Ни одного взгляда.

Меня затошнило.

Он продолжал занятие, вытащив легко стираемый маркер, и написал на доске то, что мы будем изучать весь семестр. Малая проза. «Одиссея». «Макбет». Мне было все равно. Я задыхалась — воздух был наполнен непониманием. Я не могла дышать.

— Ладно, завтра я жду от вас ответ на эти три вопроса на одну или две страницы. Три вопроса, которые в значительной степени формируют наш семестр. Мы будем часто на них ссылаться, поэтому хорошо подумайте над ответами.

Класс застонал. Я моргнула и посмотрела на слова, которые написал Дэниел. На доске были три вопроса, что заставили меня почувствовать себя еще хуже.

1. Кто ты сегодня?

2. Кем ты видишь себя через пять лет?

3. Кем ты хочешь быть, когда повзрослеешь?

Я хотела сбежать, и не знала, как остановить это ощущение. Я встала из-за стола и замерла. Голос Дэниела остановился на середине предложения, и все глаза повернулись ко мне.

Дэниел приподнял бровь и закрыл свой легко стираемый маркер. Он послал мне озадаченный взгляд.

— Да, Эшлин?

— Я... — что я? Я не могла придумать. Я не могла дышать. Я не могла перестать хотеть, чтобы он обнимал меня. Что я?! — Мне-мне нужно в уборную.

Прозвенел звонок, и я слышала смешки по всему классу из-за того, как я внезапно поднялась со своего места. Дэниел натянуто улыбнулся мне и кивнул в сторону двери.

— Так, хорошо. Это все на сегодня.

Я закрыла глаза и слышала, как все перемещаются по классу. Только я могла заявить перед всем классом, что мне нужно в уборную, прямо перед тем, когда урок закончился. Я провела рукой по лицу и тяжело вздохнула.

Райан игриво хлопнул меня по спине и ухмыльнулся.

— Ходят слухи, что люди называют твою грудь «арбузиками».

Моя челюсть отвисла.

— Как это уже могло стать слухом? Это случилось перед уроком!

Он поднял телефон и показал мне изображение меня и моей груди.

— Технологии — лучшая забава задир. Может, тебе не стоит носить такие сексуальные платья каждый день, которые открывают твою грудь и ноги.

Я нахмурилась на фото нахмурившейся себя.

— Эти платья принадлежали Габи.

Райан поморщился. Он толкнул меня в плечо.

— Да ладно тебе. Не позволяй им добраться до тебя. Кроме того, это довольно большая подставка. — Он еще раз мне улыбнулся и надел рюкзак на спину. — Ты не часть школы Эджвуда, если кто-то не повесил на тебя ярлык чего-то, кем ты на самом деле не являешься.

— И какой ярлык у тебя?

— Бабник, у которого слишком много секса, — сказал он беззаботно.

— И это не так?

— Ну, нет. Не совсем. — Он сделал паузу. — Нет такого понятия как «слишком много секса».

Он был довольно привлекателен. На нем была простая серая футболка и пара джинсов, которые идеально висели на бедрах. Его кроссовки и ожерелье с крестом дополняли его сексуальный вид. Я не была удивлена, что девушки увлекались им.

Райан потянулся в карман и снова вытащил свою картонную коробку. Что происходило с этим парнем?

— Мы едим за столом в углу за теннисными трофеями. Прямо напротив поварих.

— Ты хочешь, чтобы я ела с тобой? — я уже планировала провести свой первый обед в туалете заливаясь слезами.

Он сощурил глаза.

— Нет. Я просто говорю тебе, где обедаю. — Сарказм. Мило. — Конечно, ты ешь с нами. Никогда не приноси мясной рулет из столовой к столу — от этого у Хейли начинается чесотка, и это, вероятно, подарит тебе диарею. И... — он вытянул руку, коснувшись моего хвоста, и снял резинку, держа ее в руке, — поскольку твои волосы длинные, носи их распущенными, это будет привлекать меньше внимания к твоим «арбузикам». Увидимся за обедом.

— Ладно. Увидимся там.

— Ох, и Эшлин, — Райан ярко улыбнулся. — Продолжай носить платья, пока ты сама не перехочешь, ладно?

После этого он пошел дальше по коридору на свой следующий урок. Я уставилась на Дэниела, который сидел за столом, притворяясь, что не подслушивал мой разговор с Райаном.

Последний ученик покинул класс. Я накинула рюкзак и прижала свои книги к груди. Встав перед его столом, я жалко рассмеялась.

— Так я полагаю, это значит, что мы не встречаемся завтра вечером?

Казалось, что каждая черточка его лица выражала резкое напряжение. На мгновение я не могла понять, злился ли он на меня или на нашу ситуацию. Может немного и на то, и на другое.

Он говорил очень быстро.

— Это не смешно, Эшлин.

Нет. Это не было смешно.

— Ты сказала, что тебе девятнадцать, — он говорил тихо, что я почти не слышала его.

— Так и есть! Так и есть! — сказала я дважды, повысив свой голос на октаву. Я была не уверена, сказала я это, чтобы напомнить ему или все же себе правдивость этого факта. Я сгорбилась. — Я болела... — я сделала паузу. — Моя мама держала меня год дома. — Я чувствовала, как будто извиняюсь за себя. Что была рождена в год, в который родилась. Что пошла в школу в год, в который пошла. В классе не было свободного ученика, и я полагала, что это было его окно. — Сколько тебе лет?

— Достаточно взрослый, чтобы быть осмотрительнее, — пробормотал он, потирая заднюю часть шеи.

Мое горло пересохло, и я слегка закашлялась.

— Но достаточно молод, чтобы было плевать?

Он зарычал.

— Нет. — Он сжал руку в кулак и ударил ею по столу в раздражении. — Просто старше, чтобы быть осмотрительнее. — Он остановился, его брови нахмурились. — Мне двадцать два.

Это было неправильно, но услышать его возраст не напугало меня. Ни в малейшей степени. Если бы ситуация и время были другими, мы бы могли попытаться что-то построить. Разница в три года это не то, что препятствует многим отношениям. Это не возраст остановил нас — это род деятельности.

Слезы были на подходе, но я отказывалась выпускать их. Я понизила голос до шепота.

— Ты думаешь, что мы должны поговорить... об этом?

Его взгляд немного смягчился, и он указал головой на дверь.

— Если ты хочешь, я могу поговорить с парнями, которые доставали тебя.

Немного наклонив голову, я фыркнула, раздраженная его предложением. Если я не могла плакать перед ним, я могла разозлиться на него.

— Ты поговоришь с ними? — моя голова наполнилась клубами гнева. — Ох! Ты поговоришь с ними. Пожалуйста, мистер Дэниелс, поговорите с ними. Это, конечно же, то, что мне нужно, чтобы сделать мою жизнь на сто процентов лучше. — Я кинула свои книги на его стол и уставилась ему в глаза. — Потому что моя сестра мертва. Моя мама не хочет меня. Мой отец завуч и у него своя семья. Я уже изгой в школе. Парни уже насмеются над моим телом. И изюминка всего этого? Мой учитель продвинутого английского целовался со мной несколько дней назад и теперь даже не сморит в мою сторону. Поэтому да! Поговори с ними. От этого все станет идеальным.

Я видела, как его лицо напряглось, и он потерял свою шею.

— Эшлин... — прошептал он, понизив голос. Затем он поднял взгляд в беспокойстве. — Подожди, Генри твой отец?

Мое сердце разбилось оттого, о чем он больше всего беспокоился в этот момент.

— Из всего, что я сказала... это тебя больше всего задело?

Он нахмурился.

— Ты должна идти на свой следующий урок.

Я не двинулась сразу, хотя тишина была невыносимо надоедливой. Переминаясь с ноги на ногу, я провела пальцами по волосам. Я еще немного посмотрела на него, прежде чем развернулась и ушла.

Он не был красавцем, который поднял мое настроение пару ночей назад. Он не был парнем, который заставил меня смеяться и позволил мне плакать, уткнувшись в него. Он не был парнем, который напомнил мне, что я все еще жива, когда его губы ликующе коснулись моих.

Нет, он больше не Дэниел.

Он мистер Дэниелс.

А я была его наивной студенткой, которую он холодно отверг.

9 глава

И я задам тебе вопрос,

Ты можешь сказать мне правду.

Ты думаешь обо мне, когда я борюсь за тебя?

~ Скитания Ромео

Эшлин

Два часа прошли, пока я сидела в уборной и плакала, доводя себя идеей, что Дэниел мой учитель.

Я также плакала, потому что задиры доставали меня, ведь что может быть веселее, чем подшучивать над дочкой завуча?

Я плакала, потому что была одинокой и печальной, и скучала по своей маме так сильно, хотя она, вероятно, не скучала по мне.

Я плакала, потому что Габи была мертва.

Я плакала, потому что это казалось все, что я могу делать.

Я так сильно плакала, и удивительно, что у меня все еще были слезы для этого. После того как двадцатый раз высморкала нос, я вытерла глаза и направилась в столовую.

Была положительная сторона в этом дне — мне не нужно было есть обед одной. Хейли сидела за дальним столом возле теннисных трофеев. Она мне улыбнулась и помахала.

— Эй, Эшлин, вижу, ты нашла наш столик. — Она хлопнула по месту рядом с ней и сказала мне поставить свой поднос. Одним быстрым движением, Хейли потянулась к моей тарелке, взяла мою куриную котлету и бросила ее на пол.

— Ненастоящее мясо.

Мои глаза опустились на мою теперь грязную котлету, и я нахмурилась. Я была согласна на ненастоящее мясо, когда была так голодна. Мой желудок заурчал, и я потянулась к одной из картошек фри на моей тарелке, засовывая ее себе в рот.

— Как прошел твой первый день?

— Нормально. Я в порядке. — На самом деле я хотела сказать ей, что чувствовала себя паршиво, потому что старшая школа была жестокой, ко мне уже приставали задиры, а мой учитель был моим нынешним увлечением... Но я не хотела пугать ее.

— Я знаю, что это отстойно. Весь этот город отстой, но ты привыкнешь.

— Это пугает. Привыкнуть к отстою.

— Ну, это не сосать страшно (прим. пер. suck в англ. языке — это отстой, но также и сосать). Глотать — вот это страшно, — Райан улыбнулся, когда влез в разговор. — Что происходит, шлюшки? — он подтащил стул к нашему столу и взял у меня несколько картофелинок.

Я повернулась и увидела, что Дэниел садится за стол посередине столовой. Конечно, он был дежурным учителем. Я закатила глаза, когда мои плечи опустились, и я засунула еще больше фри в рот.

— Вау, притормози, Чикаго, — сказал Райан, отодвигая мой поднос от меня. И затем начал есть мою картошку.

Райан и Хейли определенно были братом и сестрой — у обоих были темно-каштановые

волнистые волосы и голубые глаза, — но они были абсолютно разными в остальном. Хейли была тихой и сдержанной. Райан был гребаной мартышкой, в самом лучшем смысле этого слова.

— Я порвал с Тони. — Он надулся на секунду, выглядя по-настоящему расстроено, прежде чем повернулся к буфетчице в паре шагов от нас. — Начос больше нет? Детка! Я попросил оставить для меня начос! Черт! Тяжело жить в таком мире. — Его голова драматично хлопнулась об стол, затем последовал звук поддельных рыданий.

— Ты порвал с Тони? Я думала, тебе нравится Тони! — заявила Хейли, в замешательстве от перемены чувств своего брата.

Я пыталась переваривать тот неожиданный факт, что Райану нравятся парни. Если Тони был на самом деле Тони — так как это могло быть сокращённое от Антонина, Антониа, Картиона, Антуанетта...

— Ох, так и было. Мне нравился он. Но этот придурок должен был облажаться, сказав, что любит меня. Я имею в виду, можешь в это поверить? Любит меня. Насколько невероятным и драматичным может быть человек? Я имею в виду, черт. Похоть в семнадцать, само собой. Секс по дружбе в восемнадцать, черт, да. Но любовь? Любовь не входит ни в чью жизнь, пока тебе не исполнится сорок два, добавится пятьдесят фунтов веса к твоему телу, и ты не начнешь жаловаться на молодое поколение. Когда кто-то будет терпеть твою раздражающую сорокадвухлетнюю задницу и твое противное пуканье, тогда ты поймешь, что это любовь. — Он сделал паузу. — Слойки с сыром и мясом? Что-нибудь? — крикнул Райан, и буфетчица выглядела испуганно, отказывая ему. Плечи Райана поникли, и он бросил скомканную салфетку в бедную работницу за прилавком. — Ох, к тому же, я спал с Тони, и по какой-то причине Тони странно отреагировал на это.

Подождите... есть два Тони? Было сложно угнаться за ходом мыслей Райана.

Хейли покачала головой, но я не думала, что она была шокирована.

— Держи себя в штанах, Райан.

Его рука взлетела к груди, а глаза сощурились в испуге.

— Что, черт побери, я должен делать, когда другие так любезно приглашают меня в свои? К тому же, идея собирать там паутину, как моя сестренка, мне не очень приятна.

Я рассмеялась на это. Мне нравилось, каким испорченным был Райан. Щеки Хейли покраснели, и она бросила мне:

— Над чем ты смеешься? Я сомневаюсь, что у твоей Вирджинии больше активности, чем у моей.

Я открыла рот, чтобы возразить, но быстро закрыла. Ну, она не ушла далеко от правды.

Райан застонал.

— Хейлс, не говори Вирджиния. Это вагина. То место, куда многие парни любят засовывать свои члены — что я, хоть убей, не могу понять, но неважно. Нам больше не двенадцать.

Она еще больше покраснела.

— Я знаю это...

— Докажи это. Игра пенис-вагина, начинаем прямо сейчас. — Он бросил ей вызов, хлопнув кулаком по столу, и она закатила глаза. Я не знала почему, но была уверена, что это обычное общение между братом и сестрой, и я откинулась на сиденье, наблюдая за ними.

Хейли видела, что брат давит на нее, но она приняла это, хотя знала, что, вероятно, проиграет. Райан объяснил мне, что игра пенис-вагина играется парами во многих

ситуациях. Начинается с шепота — Райан говорит «пенис». Хейли бормочет «вагина» — и громкость увеличивается, пока в конечном итоге кто-нибудь не закричит слово, или пока кто-нибудь не струсит.

— Пенис, — прошептал Райан, его карие глаза уставились на сестру.

— Вагина, — сказала Хейли сладко, показывая, что она на самом деле может произнести это слово.

— Пенис, — прошипел он громче.

Я увидела, как тело Хейли напряглось, когда она оглядела помещение, осматривая как много людей было здесь.

— Вагина, — сказала она громче, чем в последний раз.

Это продолжалась, пока не наступил следующий этап, которым был крик.

— ПЕНИС! ПЕНИС! ПЕНИС! — Райан встал и закричал, победоносно размахивая руками над головой, потому что оттенок лица Хейли говорил, что ни в коем случае она не собирается оспорить это.

— Райан! — Дэниел послал ему суровый взгляд.

Райан подмигнул в ответ. Он снова сел на свое место, удовлетворенный вниманием, которое получил. Я снова откинулась на своем стуле, нервничая, что Дэниел смотрит в нашем направлении.

— Ты такой придурок, Райан, — пробормотала Хейли, скрестив руки на груди от вспышки раздражения.

— Ты любишь меня, мелочь, — сказал он, потеряв ее макушку своей рукой, давая ей слабое напоминание, что он был старше, чем она.

Я все еще была в замешательстве.

— Так... ты гей?

Двое остановились и уставились на меня. Я некомфортно заерзала на месте от того, как они смотрели. Хейли прочистила свое горло.

— Мы не используем ярлыки за этим столом, Эшлин.

— Да. Как бы тебе понравилось, если бы мы называли тебя гетеросексуалкой? Или белая ворона? Или книжный червь? Или арбузики? — сказал Райан, схватив еще несколько фри.

— Мне-мне жаль... я не хотела... — я заикалась, чувствуя вину, что сказала что-то неправильное.

— Все в порядке. Мы также не извиняемся за этим столом. Потому что мы знаем, что вред не причиняется намеренно. — Хейли улыбнулась, поднимая все свои фри с тарелки и перекладывая их на мою.

— Так... могу я задать еще один вопрос? — сказала я осторожно.

Райан подтолкнул меня в плечо.

— Действуй.

— Тони злится на тебя, потому что ты спал с Тони?

Они оба рассмеялись, и Райан схватил картошку, которую Хейли дала мне. Заметка на будущее: не садится рядом с Райаном.

— Тони — это прозвище, которое я дал всем парням, с которыми встречаюсь. Большинство из них не чувствуют себя комфортно от того, что весь Эджвуд узнает, что мы делаем... и я не ищу никого, чтобы пригласить на свидание. Кроме того я не хожу на свидания.

Хейли подпрыгнула, чтобы объяснить.

— Наша мама что-то вроде...

— Консервативная, — закончил Райан ее мысль. — Она из очень религиозной семьи и быть геем? Это не верхняя строчка в ее списке семейного блага. Она даже не знает, что Хейли...

— Изучаю буддизм, — Хейли улыбнулась. На этот раз она закончила мысль Райана. Я задалась вопросом, как часто они делали это, даже не осознавая. — Она думает, что мой разрисованный потолок для того, чтобы я могла быть ближе к Богу.

— Вы двое довольно сложные, — я сделала паузу. — Итак, ты не бабник.

— Я предпочитаю парней, — усмехнулся Райан. — Я говорил тебе. Ярлыки того, кем ты на самом деле не являешься. На меня повесили ярлык парня, который любит вагины. Отвратительно, верно?

Я рассмеялась.

— И как много Тони здесь?

— Если я скажу тебе, ты подумаешь, что я шлюха, — усмехнулся Райан.

— Если ты не скажешь, то я подумаю, что ты самая большая шлюха. — Я схватила немного картошки с его подноса и засунула ее в свой рот. Он посмотрел на меня, сощурился глазами, и повернулся к своей сестре.

— Мне нравится эта девочка.

Хейли улыбнулась и скрестила руки, когда откинулась на своем стуле.

— Да, мне тоже.

— Пойду возьму побольше еды. Скоро вернусь. — Райан встал со своего стула. Хотя он не пошел на раздачу. Он направился к столу, где люди обнимали его и давали пять. Судя по всему, им нравился Райан, и я полностью могла понять почему.

Хейли нахмурилась, когда наблюдала, как ее брат покидает стол.

— Не дай его демонстративной, глупой личности одурачить тебя. Он более чувствительный, чем показывает. И я сомневаюсь, что он изменил Тони.

— Почему ты говоришь это?

Она пожала плечами.

— Потому что я никогда не видела двух людей, которые любили друг друга так безмятежно.

Я не знала, что она имела в виду под этим. Но полагала, что с течением времени она объяснит больше.

— Что насчет тебя, Хейли? Какой у тебя ярлык? — спросила я.

— Ох, девушка, у которой странное увлечение своим братом. — Она сделала паузу и закатила глаза. — Два года назад, когда я была девятиклассницей, у меня было много избыточного веса, я была неловкой, и у меня не было друзей. Я ела одна в столовой каждый день. Пока Райан не бросил своих друзей и присоединился ко мне.

Ну.. это была самая милая вещь, которую я слышала. Может, мне следует влюбиться в Райана — у меня была способность западать на недоступных парней.

— И затем у меня появилось несколько друзей, парень. Но есть с Райаном просто кажется безопасным... я не знаю, что буду делать, когда он закончит.

Когда Райан вернулся, он вел себя совсем по-другому. Его руки сжались в кулаки, и он стукнул ими по столу.

— Это Лия там, Хейли?

Ее губы сжались, когда она посмотрела через столовую на кого-то. Я проследила ее взгляд. Он был на парне с лохматыми волосами, чьи руки были на девушке рядом. Он целовал ее в шею, в губы — все способы лапанья на публику.

Хейли кивнула, и ее глаза наполнились слезами.

— Да.

— Кто эта Лия? — она выглядела знакомо, хотя я была не уверена.

— Моя... эм... лучшая подруга. — По лицу Хейли покатилась первая слеза, и она вытерла ее быстро, когда мы наблюдали, как голова Лии откинулась назад, когда парень что-то шептал ей на ухо.

— Я убью его, — пробормотал Райан, выходя из-за стола. Вены на его шее начали увеличиваться, когда он понял, что происходит.

— Нет, Райан, — приказала она. — Ты знаешь, он вырубит тебя.

— Мне плевать, — его злость помутила здравый рассудок.

— Ну, мне нет, — сказала Хейли твердо, заставив его сесть.

— Кто это? — спросила я.

Хейли вздохнула.

— Мой парень. И моя лучшая подруга, с которой он мне изменил.

Вот как я узнала их обоих. Они были на фото, которые стояли возле кровати Хейли. Я проиграл ее слова в своей голове. Придурок.

— Когда ты узнала это?

— Около... двух секунд назад.

В этой вспышке откровения — я увидела, какой эта Лия была — девушка, которая не имела уважения к термину «дружба». Ведь были правила у тех, кто является друзьями. Те же самые правила, что и между близнецами. Как например, ненавидеть парня, который разбил сердце твоей лучшей подруги. Всегда поддерживать подругу в обществе, даже если она неправа. И никогда не встречаться с парнями своих подруг. Лия не была лучшей подругой — она была змеей, которая ждала свой черед, чтобы проскользнуть в отношения Хейли.

Я уже ненавидела и ее, и парня.

Мои глаза переместились к Дэниелу, который смотрел на меня. Мое сердце подпрыгнуло в груди.

Я упоминала, как я ненавидела то, что Дэниел все еще игнорировал меня? А о своей ненависти к тому, что больше всего его заботило то, что Генри был завучем, а не мои чувства? И как он не мог разговаривать со мной, но чувствовал себя плохо из-за того, что на меня напали задиры?

И я упоминала, как сильно я ненавидела переносить насмешки из-за своего тела, в создании которого у меня не было выбора? Я ненавидела дыни и арбузы. Я ненавидела то, что не могла быть невидимой для задир. Я ненавидела парней, из-за которых плакала в ванной.

Я официально ненавидела парней, парчин и Лию.

И Габи.

Я ненавидела ее за то, что она умерла.

Вздох. Я не испытывала ненависти к Габи. Я скучала по ней.

Это было неправильно. Ничего из этого. Тем не менее, я чувствовала, что могу сделать что-то только с одной проблемой из всего списка. Я встала со стула и направилась к Тео. Мои руки сжались в кулаки, так же как у Райана до этого.

На краткое мгновение я посмотрела на Дэниела, который уставился на меня в замешательстве. Только увидеть его идеальные глаза заставило мое сердце биться быстрее, а мою злость возрасти. Когда я подошла к Тео, я похлопала его по плечу.

Он повернулся ко мне, выглядя нелепо со своими браслетами хиппи, ожерельем и лохматыми волосами.

— Я знаю...

Я взяла его бутылку воды и плеснула ему в лицо. Все в столовой ахнули, и повернулись на нас.

— Это за то, что ты потаскун. — Я подняла его вегетарианский салат и опрокинула ему на голову. — Это за то, что ты обманываешь ее и изменяешь с ее бывшей лучшей подругой прямо перед ней! — затем я подняла горячий зажаренный сыр Лии и начала разрывать его с намерением размазать его по ее лицу, но кто-то схватил мои руки.

— Эшлин! Прекрати! — кричал Дэниел, стоя позади меня.

— Отпустите меня! — кричала я, когда пыталась вырваться из его хватки, слезы заполнили мои глаза. Я бросила сыр в лицо Лии. — Она все еще называет тебя лучшей подругой, ты, шлюха! Существуют правила. Правила, когда ты являешься чьей-то лучшей подругой, а ты предпочла грязного хиппи девушке, у которой стоит твое фото на прикроватной тумбочке! Ты не подруга! Ты — шлюха!

Тео неуверенно поднял свои руки, кусок листа салата висел рядом с его ртом.

— Кто, черт побери, ты такая?

— Я девушка с чувствами, ты, придурок! — крикнула я, прежде чем Дэниел меня оттащил.

— Эшлин! В кабинет директора! Живо! — крикнул Дэниел теперь в тихой столовой.

Я посмотрела на него, когда слезы стекали по моим щекам. Я моргнула и могла поклясться, что видела Габи, которая стояла позади него и печально мне улыбалась. Слезы закапали сильнее, и я вырвалась из хватки Дэниела и помчалась в кабинет.

— Ты что?! — Генри закричал, когда я сидела напротив него за его столом. Он, должно быть, выходил к своей машине на перекур. Я могла ощущать этот запах на его одежде. Я погрузилась в кресло и закатила глаза.

— Я думала, что буду разговаривать с директором? — съязвила я. Я ненавидел то, какой язвительной была с ним. Но не могла прекратить это.

— Да, ну, он занят со второкурсниками, — парировал Генри, зайдя в свой кабинет.

Я посмотрела на его стол, и где было фото Ребекки, Райана и Хейли. Генри поймал мой взгляд и вздохнул. Он сел на свое кресло и сцепил руки.

— Послушай, Эшлин. Я понимаю это. Ты скучаешь по своей сестре. Тебе пришлось столкнуться со множеством вещей, когда пришлось переехать. Твой траур... — он сделал паузу. — Ты думаешь, я не скучаю по ней?

Я нашла его глаза, и они вперились в мои. Он не знал, что такое потерять Габи, потому что его не было, чтобы обрести ее.

Я потянулась в карман на платье и вытащила список того, что нужно сделать до смерти.

— Ты номер три в этом списке. Из всего, что она хотела сделать, она хотела простить тебя больше всего на свете. — Я подняла семейного фото с его стола и изучала его. — А я

нет.

Он поднял лист и изучал его. После того как прочитал, положил его обратно и потер уголки своих глаз.

— Я понял. Ты злишься, — он вздохнул, серьезность скрывалась в глубинах его глаз. — Ты взбешена. Но не вымещай это на остальном мире.

Он не видел это, не так ли? Я страстно желала назвать его папой.

Я сделала все что могла, чтобы скрыть свое разбитое сердце, видя, что у него не было нашей с Габриэлы фотографии на столе. Я сделала все, что могла, чтобы скрыть свое разбитое сердце от того факта, что я знала, что номер в списке был основан на моем прощении Генри, не на ее. Я ненавидела, что была так упряма и не могла поговорить с ним об этом. «Скажи что-нибудь!» — кричал мой разум. «Поговори!» — кричал он. Но я сомневалась, что у нас был тот тип отношений, который могли исправить какие-нибудь слова.

— Ладно. Неважно. — Я уставилась на желтые одуванчики, которые раскачивались слева-направо снаружи окна его кабинета. Они выглядели такими свободными от того, как двигались, тем не менее, я знала, что их корни удерживали их на месте, чтобы убедиться, что они никуда не улетят. Он даже не плакал на ее похоронах. Какой отец не плачет на похоронах своей дочери?

— Мы закончили?

Он продолжал сурово смотреть на меня и затем моргнул.

— Да. Мы закончили. Возвращайся на обед.

Я встала и вышла из его офиса. В коридоре я вздохнула, когда увидела, что Дэниел стоит снаружи своего класса. Наши взгляды встретились, и я повернулась, чтобы уйти. Я слышала, что его шаги становятся громче, и замерла.

— Могу я помочь тебе? — спросила я враждебно. В истории плохих первых школьных дней, я должна была побить рекорд по самому худшему.

— Тео Робинсон был на моем первом уроке. Я уже могу сказать, что он может быть реальным придурком. И он не самый сообразительный ученик. — Дэниел сжал пальцами переносицу. На всякий случай он посмотрел на коридор, чтобы убедиться, что никто не наблюдает, и приблизился ко мне.

— Он думал, то Макбет это какой-то новый вид сэндвичей в Макдональдсе и ругал меня за то, что я заставляю его изучать убийство коров. — Он усмехнулся, но выглядел таким печальным.

— Что ты делаешь? — спросила я.

Он провел рукой по лицу и тихо выругался. Поглощенный невыразимой печалью и замешательством, он пожал плечами.

— Я не знаю. — Он растеряно нахмурился. — Я даже не знаю, что это значит.

— А ты думаешь, я знаю? Думаешь это легко для меня?

— Конечно, нет.

— Послушай. Не то чтобы что-то на самом деле произошло между нами, — я лгала. — Я притворюсь, что ничего никогда не было, — я снова солгала, — только если ты пообещаешь мне не смотреть на меня так, как будто меня не существует. Я могу справиться с задирами. Я не могу справиться с тем, что ты игнорируешь меня.

Он провел рукой по своему рту, прежде чем скрестил руки и еще немного сократил расстояние между нами.

— Твои глаза опухшие, я заставил тебя плакать.

Мою кожу покалывало от его близости.

— Жизнь заставила меня плакать. — Я прижала свои книги ближе к себе и закрыла глаза. — Мы плакали, пришедши в мир. На это представление с шутами, — я процитировала Шекспира из «Король Лир».

— Ты самый умный человек, которого я когда-либо встречал.

Я вздохнула.

— Ты самый умный человек, которого я когда-либо встречала, — я сделала паузу. — Я не глупа, Дэниел. Я знаю, что мы... не может быть ничего. И я могла бы перевестись из твоего класса, но Генри убедится, что я нахожусь в нем.

— Да... — сказал он. — Просто я хотел бы, чтобы ты не нравилась мне так сильно.

Я не знаю почему, но чувствовала, что готова расплакаться, когда он сказал это. Потому что он тоже мне нравился. В субботу между нами появилась связь. По крайней мере, у меня... Он пробудил меня, после того, как я так долго спала.

— Я никогда не поставлю под угрозу твою работу, — пообещала я. Я не знала, как это случилось, но как-то мы оказались ближе, так близко, что я могла ощущать запах его геля для душа. Я сделала шаг к нему? В любом случае никто из нас не сделал шаг назад. Я закрыла глаза и позволила его запаху омыть меня, купать меня в фантазиях и ложных надеждах.

Когда я снова открыла глаза, то увидела его взгляд — сильный и решительный. Он взял меня за руку и потянул за угол. Мы прошли через дверь к пустой лестнице. Он оглядел лестницу вверх и вниз, прежде чем прижал свой рот к моему. Мои губы мгновенно приоткрылись и мой язык закрутился в танце с его.

Мои пальцы пробежались по его волосам, возвращая назад моего Дэниела из бара «У Джо» и заставляя мистера Дэниелса исчезнуть на краткое мгновение. Его рука лежала на моей спине. Целовать его на тихом лестничном пролете ощущалось рискованным, но верным. Отважным, но при этом идиотским. Угнетающим, но при этом реальным.

Когда он перестал меня целовать и отступил назад, мы оба знали, что это не может повториться. Он прикусил свою губу и покачал головой.

— Извини, Эшлин. — звонок прозвенел, прежде чем я смогла ответить, и он отправился своей дорогой, а я своей.

Самая печальная часть?

Я начала скучать по нему еще до того, как он ушел.

10 глава

Не будь той, кто ты сегодня.

Будь человеком, которым я видел тебя вчера.

~ Скитания Ромео

Дэниел

Я почувствовал, что что-то тянет меня к ней, в момент, когда увидел ее в поезде. Я почувствовал еще более сильную тягу, когда увидел ее срыв возле бара «У Джо». Тем не менее, ничего не чувствовалось таким правильным, когда я наткнулся на нее в школе. Я знал, что это было неправильно. Все это было неправильно.

Не было никаких сомнений насчет этого — учителя не встречаются с учениками. Профессиональная этика строго соблюдалась, это вбивали в нас еще в колледже. Никогда в своей жизни я бы даже не задумался об этом.

По крайней мере, я не делал бы этого до того, как познакомился с Эшлин Дженнингс.

Сейчас мой разум обдумывал сумасшедшие вещи. Она заставляла меня думать о том, чтобы нарушить правила, найти лазейки, держать ее близко к себе в скрытых коридорах и читать ей Шекспира в заброшенных проходах библиотеки.

Я провел почти час после занятий, осматривая всё здание, в поисках уголков для тайных укрытий, мест, где мы, возможно, могли бы встречаться, может, обнимать друг друга между школьными звонками. Это безумие, верно? Но я смотрел, искал и был ужасно разочарован в себе после того, как этот час прошел.

Когда я вернулся в домик у озера, Рэнди спал на диване. Я направился в кухню, взял пиво из холодильника и уселся за кухонным столом, уставившись в окно над раковиной. Небо темнело от надвигающихся туч. В воздухе витал запах ливня, который мог начаться в ближайшее время.

Я сидел так долгое время — достаточно долго, чтобы увидеть, как первые капли дождя падают на подоконник. Достаточно долго, чтобы засвидетельствовать, как первые молнии разрезают небо.

Возможно, мы сможем быть друзьями. Я вздохнул от своей идиотской идеи. Конечно, мы не можем быть друзьями. Она была моей ученицей. Кроме того, после этого поцелуя, не было ни одной части меня, которая хотела быть просто ее другом. К тому же, ее жизнь уже была достаточно сложной. Я не мог добавить ей проблем.

Когда мы столкнулись друг с другом за пределами моего класса, я увидел замешательство, вспыхнувшее в ее взгляде. А затем я дождался, когда она выйдет из кабинета директора, и увидел там печаль.

— Первый день школы, и ты уже пьешь в одиночестве? — пошутил Рэнди, когда подошел к холодильнику и вытащил два пива. Он протянул одно мне.

— Да, — пробормотал я, все еще уставившись в окно.

— Тебе нужно потрахаться.

Я стрельнул взглядом в Рэнди, изогнув бровь.

— Я в порядке.

— Нет. — Он покачал головой туда-сюда. Вытащив стул из-за стола, он повернул его и сел. — Тебе нужен секс. Что случилось с той цыпочкой, которая приходила на концерт в субботу?

Я съежился.

— Не называй ее «цыпочка». — Цыпочкой называли девушку, которой плевать на все вокруг. Эшлин не была цыпочкой. Она была далека от этого.

Она была умной.

Забавной.

Интригующей.

Она была очень далека от того, чтобы ее называли цыпочкой.

— Твоя аура негативна. — Он замахал руками вокруг моей головы, и я вздохнул. Рэнди снова забормотал свою ерунду. — Это чертовски удручающе.

Я сделал глоток своего пива и поставил его на стол.

— И чтобы исправить это, ты предлагаешь...

— Секс. Много-много секса. — Он сказал это, как ни в чем не бывало, из-за чего я рассмеялся. — Серьезно, Дэн. Когда ты последний раз трахался? Я даже не уверен, есть ли у тебя еще член. Говорю тебе, это не здорово. Я знаю это. Я изучал это в колледже.

— Один курс, — заявил я. — Ты взял один онлайн-курс по человеческой сексуальности и теперь считаешь себя профессионалом?

Он громко хлопнул в ладоши и выпрямился на своем сиденье.

— Голая музыкальная вечеринка!

— Нет, — сказал я, указывая на него.

— Что?! Давай! Мы не устраивали их годами!

— Точно. — Когда мы были моложе, и у меня была моя первая съемная квартира, мы с Рэнди устраивали джем-сейшены (прим. пер. это совместная игра музыкантов без особых подготовок) с прекрасными девушками, которые... были голыми. После того как Сара умерла, я был немного потерян, и Рэнди был уверен, что лучший способ отвлечь мой разум от смерти — это заменить ее на секс и музыку. Одно из его главных необычных убеждений. Этим периодом прошлого я точно не гордился.

— Никаких голых музыкальных вечеринок.

Он рассмеялся.

— Ладно, ладно. Ну, я также брал курс ароматерапии и могу прописать тебе некоторые аромамасла, которые помогут снять напряжение.

— Я не напряжен, — спорил я.

— Немного эвкалиптового масла, розмарина и сладкое миндальное масло в ванне сделает с тобой чудеса. В шкафчике в ванной у меня есть бутылки с разными видами масел цветков, которые ты также можешь добавить в ванну. Каждый с этикеткой описания своих лечебных свойств.

Мой рот открылся, и я сощурил глаза.

— Ты уверен, что у тебя есть член?

Он рассмеялся и пожал плечами.

— Я трахаюсь, по крайней мере, пять раз в неделю. У меня здоровая кожа и тихий, спокойный образ жизни. К тому же моя сексуальная эффективность...

— Заткнись. Просто... перестань говорить. Пожалуйста.

— Ладно, ладно... Что насчет... — он поднял руку, — массажной терапии. Гетеросексуальный парень гетеросексуальному парню — позволь мне размять твои мышцы.

— Хорошо, на этой ноте... — я вскочил со своего места и бросил пиво на стол. — Я собираюсь на пробежку.

— Там ливень снаружи! — спорил Рэнди.

— Самые лучшие пробежки в дождь, — сказал я, когда направился к себе в комнату, чтобы переодеться в спортивный костюм.

— Ох, верно. Конечно. Ну, эй, если так случится, что ты столкнешься с вагиной, попроси ее пригласить тебя на небольшой разговор. И под «разговором» я подразумеваю половой акт!

Дождевые облака исчезли, оставив лужи, по которым я пробежал, когда возвращался к своей собственности. Я остановился перед лодочным сараем отца и открыл дверь. Лодку не вытаскивали из сарая с тех пор, как мама умерла. Несколько раз я подумывал продать ее. Черт, я даже думал о том, чтобы также продать дом.

Но кто бы продал мечту родителей?

Место уже было под угрозой из-за налогов и всего такого. Моя учительская работа и деньги от выступлений группы по выходным были единственными доходами, что помогали мне содержать имущество. Я много раз чувствовал, как будто подвожу своих родителей — я не мог потерять еще и их дом.

Это не вариант.

Я вошел в темное пространство. Мои пальцы проследили край закрытой лодки, и губы непроизвольно сморщились. Эта красота не должна быть заперта, удержана от единственного места, которое заставляло ее чувствовать свободу, чувствовать себя живой. Вода была ее домом. Тем не менее, я держал ее взаперти, в ловушке деревянного ящика.

— Извини, дружище, — пробормотал я, похлопав рукой по боку. — Может, следующим летом.

Может быть.

Никаких обещаний.

11 глава

Хорошо справляюсь с делами, когда мои друзья рядом,

И мне плевать, если мир решит подойти к концу.

~ Скитания Ромео

Эшлин

— Я не понимаю, почему мы все еще должны идти туда. — Я спорила с Хейли, которая тащила меня на вечеринку к Тео. Он был пойман на измене в столовой на обеде, тем не менее, она все еще считала необходимым тащить меня в его дом две недели спустя.

Заглядывая через окно, я увидела множество людей из нашей старшей школы, которые пили, целовались и делали все, что можно увидеть на вечеринке старшей школы.

Почему никто не устраивает книжные вечеринки?

Я бы постоянно их посещала.

— Я говорила тебе. Прошлой ночью он написал мне сообщение с извинением. Я думаю, что просто произошло небольшое недоразумение.— Недоразумение, что он засунул свой язык в рот ее бывшей подруги? — Кроме того, Райан тоже здесь.

— Я думала, он ненавидит Тео? — спросила я.

— Так и есть. Но ему нравится Тони. И такие места — это единственное время, когда он может на самом деле зависать с Тони.

Я прижала сумку ближе к плечу, когда мы зашли внутрь. Пахло так, будто кто-то жег шалфей, но я была уверена, что это не шалфей я чувствовала.

— Эшлин! — Джейк улыбнулся, подходя ко мне. Он все еще выделял интонацией мое имя, когда мы виделись. — Я не знал, что ты ходишь на вечеринки! — на короткое мгновение его глаза остановились на моей груди.

— Я не хожу. — Я слабо улыбнулась. Все, что касалось вечеринки Тео, заставляло меня чувствовать себя некомфортно. Шум, выпивка, удивительно плохой вкус в музыке. Габи было бы стыдно.

Джейк рассмеялся и положил руку мне на поясницу, ведя меня дальше в дом.

— Ну, я буду твоим гидом. — Он посмотрел на Хейли, которая послала ему осторожную улыбку. Его брови изогнулись. Он тоже немного пах как жженный шалфей. — Ох! Сестра Райана? Верно?

Она кивнула.

— Хейли, — поправила я его, называя ее имя и выделяя его интонацией. Она заслужила большего, чем называться просто «сестра Райана».

Он рассмеялся и подтолкнул ее локтем.

— Верно. Хейли. Я рад, что ты здесь. Я только что курил косяк с твоим братом. Если вы двое заинтересованы, могу достать еще. Я угощаю. — Он предлагал накуриться с ним, и на секунду я подумала, что увидела, как Хейли раздумывает над этим.

— Нет, спасибо, Джейк. На самом деле мы не увлекаемся таким.

— Мы могли бы попробовать, — пропищала Хейли, ее глаза наполнились волнением.

Я сурово посмотрела на нее, затем повернулась к Джейку.

— Нет, спасибо, Джейк. Но эй, мы найдем тебя позже, хорошо?

Он снова осмотрел меня, его глаза остановились на моем очевидном декольте. Он улыбнулся, сказав, что встретится с нами позже.

Хейли нахмурилась.

— Зачем ты это сделала? Джейк милый. Я думаю, он увлечен тобой.

Я закатила глаза.

— Сомневаюсь. Слушай, если мы собираемся остаться здесь, то есть несколько правил.

— Ладно, мамочка, — глумилась она. — Какие правила?

— Правило номер один: никаких наркотиков.

— Тео сказал, марихуана — трава. Так же, как чай.

— Тео — идиот, — категорически заявила я. — Правило номер два: максимум два напитка. — Ее рот открылся, и она собиралась спорить, но я прервала ее. — Правило номер три: никакого секса. — Ее губы надулись. Я подтолкнула ее. — Никакого секса!

— Ты так любишь убивать все веселье, — пробормотала она, уходя, чтобы найти Тео.

Я рассмеялась и крикнула ей вслед:

— Ты еще даже не начала веселиться.

Пространство дома заполнялось все больше с каждым часом. Я ненавидела запахи, я ненавидела пробираться через толпу — ненавидела все в этом месте.

Вот почему я была девушкой, которая жила в книгах. Вечеринки в книгах всегда казались более интересными.

После того, как прошла через весь дом, я добралась до задней двери и толкнула ее, чтобы выйти наружу на заднее крыльцо, чтобы подышать свежим воздухом. В моей голове неприятно стучало от запахов марихуаны и рвоты смешанных вместе.

Раздавались шаги, ведущие к большому двору. Мои руки уперлись в перила, и я опустила себя, чтобы сесть. Свет на крыльце светил тускло, мигая, почти готовый потухнуть.

Но этого достаточно.

Потянувшись в сумку, я вытащила свою книгу. Я планировала сидеть здесь, пока Хейли не получит свою долю разбитого сердца на одну ночь. Открыв книгу, я провела пальцами по странице, чувствуя текстуру напротив своих подушечек пальцев. Я поднесла книгу к лицу и вдохнула, впитывая запах слов на странице.

Не было ничего такого же романтичного, как чувствовать книгу в своих руках.

Кроме Дэниела.

Он был довольно романтичным.

Я моргнула и помотала головой туда-сюда. Нет. Никаких мыслей о Дэниеле.

Единственная проблема в том, что не думая о Дэниеле, мой мозг начинал думать о Габи.

Что было еще хуже.

Слова стали размытыми на странице. Бумага книги начала промокать. Сюрприз, сюрприз — я снова плакала.

— Не могу поверить, что я здесь, — сказала я самой себе, Габи. Мой голос немного поутих. — Хейли напоминает мне меня, когда я встречалась с Билли. Что не очень хорошо.

Я остановилась, ожидая ответа, которого никогда не последует.

— Мама все еще не звонила. Я думала о том, чтобы позвонить ей... но не сделала это. Иногда я злюсь на тебя за то, что ты умерла. Извини. — Я рассмеялась, чувствуя себя немного безумной, что разговариваю сама с собой, но это всегда заставляло меня чувствовать себя немного лучше.

Девушка, шатаясь вышла из дома, и я могла поклясться, что ее, должно быть, укусили зомби — из-за ее остекленевшего взгляда. Ее звали Тиффани Сноу, мы вместе ходили на историю. Я должна была признать, что она выглядела симпатичнее в школе — столько туши для ресниц не красило ее. Она не заметила меня.

Сделав глубокий вдох свежего воздуха, Тиффани пыталась устоять на месте, уперев руки в боки. Она выдохнула и захихикала, довольная своей способностью держать равновесие.

Затем она побежала к левой стороне крыльца, и ее вырвало через перила. Она скользнула вниз на крыльцо, улыбаясь.

Класс.

— Шшш.. — прошептали слева. Я повернулась, чтобы посмотреть в сторону кустов, откуда в настоящий момент доносились звуки и шорохи.

Звук застегивающейся ширинки!

Это был звук застегивающейся ширинки на джинсах. Я покраснела и повернулась к своей книге. Когда я увидела что Райан выходит из кустов, поправляя свою рубашку и застегивая ремень, я еще больше покраснела.

— Чикаго! — сказал он, его глаза были остекленевшие и красные. Он тоже пах как жженный шалфей. — Что ты здесь делаешь?

— Хейли, — сказала я, указывая на дверь.

Он сморщился и сел рядом со мной.

— Тео — придурок. — Он сделал паузу. — Но у него лучшие косяки. — Я улыбнулась Райану, и он положил голову мне на плечо, прошептал: — Там в кустах все еще сидит парень.

— Полагаю, что поняла.

— Он еще не готов выйти.

Так много значения в таком небольшом количестве слов.

Райан посмотрел на Тиффани, которая отключилась у крыльца.

— Тиффани! — он стукнул кулаком по ступенькам, привлекая ее внимание. — Тиффани! Проснись и пой!

Один из ее глаз открылся, и она захихикала.

— Райан, — выдохнула она, выбрасывая свои руки в воздух от возбуждения. — Я так хочу трахнуть тебя прямо сейчас.

Она продолжила смеяться, проведя руками по лицу. Я изо всех сил пыталась видеть плюсы вечеринки... но они сделали все, чтобы я захотела продолжить читать.

Райан усмехнулся и повернулся ко мне.

— Я так не хочу трахать ее. — Я клянусь, что на долю секунды его глаза стали печальными.

— Это чересчур для тебя, не так ли?

— Могу сказать то же самое о тебе. — Он сделал паузу. — Иногда я думаю, что ты прячешься за книгами, чтобы избежать реальности.

Я вздрогнула от правдивости его слов. Хотя он не заметил.

— Могу я рассказать тебе секрет? — спросил он, вытаскивая свою фальшивую пачку сигарет и поджигая одну. — Потому что я чувствую, что могу, так как ты не знаешь людей из школы и все такое. Ты посторонний человек. Мне нужен посторонний человек.

— Конечно.

Он уставился на кусты, и по его щеке заскользила одинокая слеза.

— Я не счастлив так, как притворяюсь.

— Почему ты притворяешься? — спросила я.

Он опустил голову, уставившись на свою обувь.

— Потому что притворяться счастливым — это почти как быть счастливым. Пока ты не вспоминаешь, что только притворяешься. Затем тебе становится грустно. Очень грустно. Потому что носить маску каждый день своей жизни — это самое худшее, что может быть. И, в конце концов, тебе становится немного страшно, потому что маска становится тобой.

— Райан... ты не одинок. — Я толкнула его в плечо. — И ты никогда не должен надевать маску возле меня.

Его уголки губ приподнялись, и он прошептал возле моей щеки, прежде чем поцеловал меня:

— То же самое.

Хейли вышла через заднюю дверь и села по другую сторону от меня, положив свою голову мне на плечо.

— Я ненавижу его, — тихо прошептала она. Даже Райан не слышал ее.

Это был тот момент, когда я поняла, что находилась в правильном месте. Я была потеряна, как и они.

Этого места не было на картах.

По крайней мере, я была не одна.

12 глава

Я буду лгать, чтобы ты была в безопасности,

Я буду лгать, чтобы оживить тебя.

Я буду лгать, чтобы уберечь тебя от ужасной гребаной бури.

~ Скитания Ромео

Прошло несколько недель с тех пор как мы с Эшлин обнаружили ситуацию, в которой находимся. Когда октябрь подошел к концу, я был шокирован тем, насколько сильно хотел ее.

Одним утром мы одновременно приехали к зданию школы. Наши глаза встретились на секунду или две. Это был только лишь момент, когда мы смотрели друг на друга, но ее нервозность была на лицо. Когда она отвернулась, я хотел последовать за ней.

Но это было неправильно, верно?

Что со мной не так?

Я думал, что мои чувства утихнут, если мы не будем близко общаться. Но это было не так. Они только становились сильнее каждый раз, когда я видел, как она заходит ко мне в класс. Иногда я замечал, как она проходит с Райаном, и то, как она улыбалась, когда разговаривала с ним, заставляло меня чувствовать себя, как будто я тону. Ее улыбка была наркотиком, и я хотел, чтобы она была создана для меня.

Я ненавидел то, что не мог сказать ей, как красиво она выглядела каждый день. Я ненавидел то, что когда она входила в мой класс, я должен был притворяться, что не думаю о ней постоянно. Ненавидел то, что она не участвует в дискуссиях, хотя знал, что у нее есть все правильные ответы.

Я ненавидел то, как другие мои ученики смотрели на нее. Как они возжелали ее. Как они глумились над ней. Как они дразнили ее. Ненавидел, что она переживала смерть сестры — одна. Ненавидел то, что она чувствовала себя одинокой, но никогда не демонстрировала это.

Я ненавидел то, как сильно скучал по ее губам. Ее смеху. Улыбке.

Я ненавидел, как близко мы были, но как далеко ощущались.

Я любил, как красиво она выглядела каждый день. Я любил то, как она входила в мой класс, и я думал о ней постоянно. Любил, что она не участвует в дискуссиях, хотя я знал, что у нее есть все правильные ответы.

Я любил оценивать ее работы, я был непредвзят. Она просто была гением. Я любил то, что на пробежках она мысленно присоединялась ко мне. Любил то, как иногда ловил ее, когда она удивленно пялилась на меня в классе.

Я любил то, как она игнорировала оскорбления других учеников. Как она не позволяла задирам одержать верх. Как она не теряла уверенность. Любил то, как она была красива, не прилагая к этому усилий. Как она всегда носила платья, которые облегали все ее изгибы, хотя, прикрывшись, она могла спастись от нападков придурков.

Я любил то, что она надевала платья, потому что они принадлежали ее сестре-близнецу. Любил то, как она чтит память сестры такими простыми жестами. Я любил то, как она шла с уверенностью, даже хотя она нервничала.

Я любил, как она двигалась. Как стояла. Сидела.

Я любил, как далеки мы были, но в то же время как близко ощущались.

13 глава

Что я должен сделать, чтобы показать тебе свои чувства?

От начала до конца, мы настоящие.

~ Скитания Ромео

Эшлин

Я была очень довольна собой. Хотя парни в школе задевали меня, когда издевались над моим телом, я игнорировала их. Я игнорировали слухи, которые начались (быстро-быстро, должна добавить я), о том, что я сплю со всеми вокруг. Иногда я улыбалась Дэниелу, чтобы дать ему понять, что мы не должны вести себя странно из-за этой ситуации (даже если я и хотела плакать, должна добавить я).

Я справлялась нормально. Вместо того чтобы утонуть в депрессии, я решила, что записаться в библиотеку будет лучшим выбором. Утопать в выдуманном мире казалось более многообещающим. Я ходила в библиотеку каждый день во второй половине дня, проходя под солнцем, которое все еще было высоко, после школы, и, возвращаясь домой, когда на небе

была луна.

Одним утром, перед школой, Хейли расчесывала волосы и сказала:

— Тео снова предложил мне встретаться.

Я повернулась к ней с выражением отвращения. Она не говорила о нем неделями, с той вечеринки.

— Какой придурок, — пробормотала я.

— Да. — Она сделала паузу. — Я думаю согласиться.

Мои глаза расширились.

— Ты шутишь?

Она не шутила. Я наблюдала, как ее голова упала вперед, и плечи поникли.

— Я не такая как ты. У меня нет парней, которые ухаживают за мной — они даже не смотрят на меня. Тео — мой единственный шанс на отношения.

— Парни, которые «ухаживают» за мной — полные придурки. Доверься мне. К тому же тебе семнадцать. Не восемьдесят три. Будут другие парни.

Она остановилась, обдумывая мой комментарий. Я вздохнула, когда увидела, что она покачала головой.

— Он извинился. За то, что делал с Лией.

— Ты можешь извиниться за то, что ударил кого-то, но синяки все равно останутся.

— Ты прочитала это в одной из своих книг? — хихикнула она.

— Хейли...

Она вытащила небольшой пузырек с таблетками в нем.

— Он хочет, чтобы я попробовала это. Он сказал, что если у нас будет что-то общее, то между нами все может сложиться лучше, чем в прошлый раз.

Я уставилась на нее, как будто она потеряла свой гребаный разум.

— Он хочет, чтобы ты принимала наркотики, чтобы быть ближе к нему?

— Ты девственница?

Я потерла виски пальцами и покачала головой. Ее вопрос оказался неожиданным. Было едва ли больше шести утра, а мы разговаривали о наркотиках и сексе. Я определенно нуждалась в чашечке кофе.

— Нет. Мой последний парень использовал меня, пока не нашел кого-то другого. — Я сделала паузу и подумала о Билли, и как я плакала из-за него.

— Тебе было страшно? — спросила она.

Ужасно.

— Мне было шестнадцать, когда я была моложе, я была очень глупой. Не в смысле, выходящем за рамки нормы, а в «Я ребенок и ничего не знаю о жизни» смысле. Я переспала с Билли, думая, что он любит меня. Это было страшно, больно и не романтично. И мы делали это снова и снова. Я надеялась, что со временем мне начнет нравиться, потому что я любила его... Затем я обнаружила, что он занимается тем же самым с Сьюзи Кеннер. Моя сестра Габи сидела рядом со мной на моей кровати, играя на гитаре, пока я плакала, и, рассказывая мне, что Билли чудовищный мудака, у которого, вероятно, маленький пенис. Ну, она была права насчет маленького пениса. Он был определенно не впечатляющим.

Хейли слегка рассмеялась.

— Что потом произошло?

— Билли позвонил мне после этого, сказал, что очень скучает, и что заинтересован в том, чтобы поработать над нашими проблемами, но я не могла перестать плакать в телефон.

Я сказала ему, что люблю его, и он сказал, что я достаточно нравлюсь ему, чтобы заставить наши отношения работать. И что я должна позволить ему трогать мою грудь время от времени и заниматься с ним сексом, пока его родителей не будет дома. Моя сестра сказала, что я не должна возвращаться к нему, потому что на самом деле я не нравлюсь ему, и он больше заинтересован в размере моей груди, чем в размере моего мозга. И Габи заверила меня, что размер моего мозга стоит чего-то большего.

Комната наполнилась тишиной, когда я начала опускаться на покрытый ковром пол.

— Хейли, размер твоего мозга стоит чего-то большего.

Ее вздох был почти беззвучным.

— Звучит так, будто твоя сестра была замечательным человеком.

— Самой лучшей, — сказала я тихо. — Просто подумай об этом, Хорошо? С Тео?

Она пообещала, что подумает. Но я видела взгляд надежды в ее глазах, когда она говорила о нем. Во мне была та же самая надежда, когда я вернулась к Билли, думая, что все будет по-другому. Не было. Мама обычно говорила: «Оставь свое прошлое позади, чтобы будущее могло найти тебя». Это мое любимое ее высказывание. После того, как Генри изменил ей, она боролась изо всех сил, чтобы оставить прошлое позади. И в конечном итоге у нее это получилось, когда она нашла Джереми.

— Сколько еще пунктов в списке ты вычеркнула? — спросила Хейли, меняя тему.

Я моргнула.

— Только два. — И в этот момент, губы Дэниела наполнили мой разум. «Поцелуй с незнакомцем». Я снова моргнула, избавляясь от наваждения.

Хейли вытянула свою руку.

— Дай мне список.

Двинувшись к своему комоду, я вытащила список и протянула ей. Она открыла его и прочитала.

— Хмм... — сказала она сама себе, пробегая по нему глазами. — Номер четырнадцать уже можно вычеркнуть.

— Что это? — спросила я, чувствуя, что мне становится немного лучше.

— Завести нового друга. — Она улыбнулась.

— Ты мой друг? — спросила я тихо, не зная точно, что сказать.

Хейли рассмеялась.

— Ну, если нет, то это будет очень неловко. — Она кивнула. — Конечно, я твой друг. То, как ты поддержала меня пару недель назад... То, как ты все еще ненавидишь Тео... Я думаю, это дружба. — Я широко улыбнулась, и она подтолкнула меня в плечо. — Где это письмо?!

Я пошла к сундуку и быстро начала перебирать конверты. Найдя письмо, я прочитала надпись и вздохнула. Почерком Габи было написано, что письмо не для меня — оно для нового друга. Как я не заметила этого прежде? Я провела руками по другим письмам, и — о чудо! — они все были адресованы мне. Мое сердце и губы сморщились одновременно.

Я передала его в руки Хейли, и она пожала плечами.

— Это для тебя.

— Для меня? — она опешила от мысли, что я не буду той, кто будет читать. Тем не менее, я доверяла Габи. Я знала, что в этом была какая-то логика. — Я могу выбрать другой пункт в списке, — спорила Хейли. — В любом случае мы не друзья по-настоящему, — пошутила она.

Я рассмеялась.

— Да, Хейли. Мы друзья.

— Ну, оставайся здесь. Мы прочитаем его вместе

#14. Завести друга.

Дорого друг, я надеюсь нормально, что я обращаюсь к тебе так. Я думаю, что если ты друг Эшлин, то и мой тоже. Я бы хотела, чтобы у нас был шанс встретиться при более благоприятных обстоятельствах, но вся эта штука со смертью действительно ставит крест на моей способности произвести благоприятное первое впечатление. То, что я хочу сказать тебе — это спасибо. Спасибо, что дружишь с девочкой, которая, вероятно, сломлена, но в то же самое время так изумительно идеальна. Спасибо, что дружишь с девочкой, которая, вероятно, немного отличается от других и цитирует множество книг. Спасибо, что дружишь с девочкой, которая не рассказывает много о своих чувствах, но доверься мне, она чувствует все. Спасибо, что находишься там для нее. И теперь, я обещаю, что буду здесь для тебя тоже... Я не знаю как. И я, вероятно, не должна давать таких обещаний... тем не менее, просто знай, что когда увидишь цветы, которые колосятся на ветру, это я благодарю тебя и обнимаю в самые мрачные дни. Спасибо тебе, друг. Ты делаешь все правильно.

~ Габриэлла

Хейли сложила листок и вздохнула.

— Мне правда нравится твоя сестра.

То как она сказала «нравится» в настоящем времени, заставило меня почувствовать, как будто Габи все еще была здесь. Это чувство осталось во мне как теплое сияние счастья от мысли, что часть Габи никогда не покинет меня. Этими письмами она каким-то образом боролась со смертью. Каким-то образом выживала.

Хейли довезла нас с Райаном до школы, и как всегда мы договорились встретиться на обеде. На пути к моему шкафчику, Джейк подбежал ко мне и подтолкнул меня в плечо.

— Привет, Эшлин.

Я подарила ему небольшую улыбку.

— Привет, Джейк.

— Ты прекрасно выглядишь сегодня, — сказал он, осматривая меня сверху донизу.

Я подняла взгляд и увидела, что Дэниел смотрит на нас, а на его лице вспышка ярости. Его челюсти были сжаты, глаза почти метали кинжалы. Я сощурила глаза, сконфуженная. Затем он отвел взгляд. Я сделала это с ним? Я заставила его ревновать?

— Спасибо, Джейк, — пробормотала я, уставившись на Дэниела.

Я бы хотела, чтобы он не был таким привлекательным, когда метал эти сердитые взгляды и все такое. Для меня было тяжело притворяться, что я не была увлечена им. Он исчез за углом в направлении моего шкафчика. Я надеялась увидеть его, когда заверну за угол. Это было так сложно. Он был наиболее важным событием моего дня, даже хотя был

самым неважным событием дня.

Как это могло быть?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Джейк продолжал идти со мной, он находился слишком близко ко мне.

— Так, я подумал... — Он подо двинулся ближе. Я ощущала слишком сильный запах одеколона от его рубашки, из-за чего мне захотелось прикрыть нос. — На следующий выходных, после футбольного матча, у меня будет вечеринка по случаю Хэллоуина. Моих родителей не будет в городе, и ты должна прийти. Костюмы обязательны.

Я сморщилась и надеялась, что он не заметил.

— Я правда не тот тип девушек, что любят вечеринки. Последняя не так уж хорошо прошла для меня.

— Да... — он усмехнулся. — Но, держи момент, верно? — я нахмурилась, я была чертовски уверена, что он имел в виду «лови момент». Он продолжил: — Давай, Эшлин. Ты не можешь всегда быть дочкой завуча. Ты должна показать людям, какая ты настоящая. Или в другом случае, они сожрут тебя живьем.

— Я... — я сделала паузу. — Я не заинтересована, Джейк. — Я увидела, что он нахмурился, и мгновенно почувствовала себя нехорошо. — Может, на следующую вечеринку? — я одарила его доброй улыбкой и подтолкнула его руку.

Он оживился и кивнул.

— Да, хорошо! Ты будешь первая в списке приглашенных! Увидимся в классе. — Он поспешил с огромной улыбкой на лице. Надеюсь, я не ввела его в заблуждение.

Когда я повернула за угол к своему шкафчику, то увидела, что Дэниел что-то срывает с него.

— Что ты делаешь? — спросила я.

Он увидел меня и начал срывать быстрее.

— Долбаные дети, — пробормотал он. — Я узнаю, кто сделал это и ...

— Что сделал? — я подошла ближе и увидела картинки. Повсюду были изображения груди. Мои глаза стали увлажняться, но я прикусила нижнюю губу, когда услышала, как какие-то девушки смеются позади меня. Я не буду плакать. Этого они и добивались. Я была так смущена тем, что он был тем, кто увидел это.

— Дэниел, — прошептала я, смотря, как он нагибается и поднимает картинки. Он игнорировал меня. — Мистер Дэниелс! — сказала я громче, отчего другие захихикали еще больше. — Пожалуйста, отойдите от моего шкафчика.

Его взгляд был холодным.

— Это... это непозволительно. По отношению к любому в этой школе. Особенно... — Он сделал паузу, заметив толпу вокруг него.

Я передернула плечами и спросила:

— Что особенно?

Когда его глаза нашли мои, мягкость и извиняющийся взгляд заставили все внутри меня сжаться. Особенно по отношению ко мне. Он переступил с ноги на ногу, прежде чем развернулся и ушел, приказывая ученикам разойтись по классам. Я подняла одну из брошенных картинок и вздохнула.

Моя грудь не была такой большой.

Дэниел извинился передо мной за то, как отреагировал ранее, сказав мне, что это было непрофессионально. Я не хотела, чтобы он был профессионалом. Я пожала плечами и заняла свое место. Он уселся на краю своего стола. Рукава его рубашки были закатаны, а в руке у него был стираемый маркер.

Он был так привлекателен, и мое тело сходило с ума от этого факта. Хотя я и хотела избавиться от своей влюбленности в него, казалось, она даже становилась сильнее без нашего общения. Оказалось, что лучше всего мы общались молчанием. Несколько взглядов, пару крошечных улыбок то тут, то там. Может, наша связь не нуждалась в словах или звуках. Может, она просто существовала.

А еще он был таким умным.

Он был таким умным, что это вызывало у меня желание забраться в его голову и жить там. Я не была увлечена Дэниелом в течение школьных часов. Я была увлечена мистером Дэниелсом.

Половина учеников, вероятно, понятия не имели, как умен он был. Для них он был еще одним скучным учителем. Но я была поражена тем, как он обучал нас, используя свой ум. Как он мог подталкивать нас, чтобы получить новые мысли.

Мы проходили раздел поэзии, посвященный сонету, хокку и мое любимое...

Он подошел к доске и написал: Малая проза.

— Давайте, дамы и господа! Один из вас должен иметь представление, что это означает. Просто начинайте выдвигать предположения.

— Литература о супергерое Флэш! — ухмыльнулся Райан.(прим. пер. то что, Дэниел написал на доске в английском языке звучит как Flash Fiction, отсюда и игра слов)

— Близко, — рассмеялся Дэниел. — Но не точно. — Моя рука взлетела вверх в первый раз с тех пор, как начался учебный год. Дэниел увидел это и послал мне милую улыбку. — Да, Эшлин?

— Прозаические произведения, объем которых интуитивно определяется автором и читателем как меньший — короткие истории. Как правило, история рассказывается за несколько предложений, несколько слов.

Эйвери, один из футбольных игроков, который не дразнил меня, усмехнулся.

— Это невозможно. — Это был тот же самый парень, которого вышвырнули с изучения Библии. Я задавалась вопросом: за что? Ты, вероятно, должен быть довольно ужасен, чтобы божьи люди отвернулись от тебя.

— Не совсем, — тихо оспорила я.

Дэниел изогнул бровь и сделал шаг от доски. Он снова присел на край стола, скрестив ноги в лодыжках.

— Потрудитесь объяснить, мисс Дженнингс? — он использовал мою фамилию и по какой-то причине между моих бедер запульсировало от возбуждения.

Я хотела впечатлить его. Хотела показать, как много знаю. Мои ладони начали потеть, и я провела ими по ногам. На мне был сарафан, но тем не менее я чувствовала себя полностью обнаженной и открытой.

Было ли это плохо, что мне нравилось, какой открытой я чувствовала себя перед ним?

Дэниел возбуждал меня своей музыкой, своим голосом, своими звуками и прикосновениями. Своей добротой и чувством юмора. Но из-за мистера Дэниелса между моими бедрами пульсировало совсем в другой манере. Запретной. Соблазнительной. Я

грезила среди бела дня, как он отпускает класс и говорит мне задержаться, потому что ему нужно кое-что обсудить со мной. Он закрывает дверь кабинета и толкает меня к ней, пока его рука медленно задирает мое платье. Мой рот открывается на его прикосновения, ласку.

Я представляла, как его пальцы найдут кромку моих трусиков и медленным движением проведут по ткани, заставляя меня еще больше стонать и задыхаться. Его пальцы отодвинут ткань в сторону, прежде чем он найдет путь внутрь.

— Мистер Дэниелс,— простонала бы я в его ухо, всасывая его мочку между стонами.

Он бы опускался поцелуями по моей шее, медленно облизывая меня. Прикасаясь ко мне соблазнительно, возбуждая меня, опалая дыханием мое декольте. Он бы отругал меня, сказав, что я веду себя как плохая девочка. Я бы застонала, когда он поднял меня и прижал к стене, стянув мои бретельки и обхватив груди ладонями. Он бы заклеил мою грудь, мое тело, как будто они его и только его.

Затем в моих самых темных фантазиях, кто-то заходит, и я прячусь за дверью. Мое дыхание рваное и ускоренное, адреналин пробегает сквозь каждую клеточку моего тела. Я бы не одернула платье полностью вниз, поэтому, когда бы он заглянул за дверь, он мог увидеть мои влажные трусики, дразнящие его, от чего бы он захотел этого еще больше.

О да, мистер Дэниелс заводил меня не на шутку. И это только в моей голове. Я задавалась вопросом, что он мог сделать, если бы на самом деле прикасался ко мне в классе.

— Эм... Эшлин? — Райан ткнул меня в плечо.

Я выдернула себя из своей фантазии. Весь класс уставился на меня с широко открытыми ртами. Мои губы были сжаты. А щеки покраснели.

— Эм... да. — Прочистив свое горло и очистив мысли, я продолжила: — Эта история рассказывается уже вечность. Люди передают историю Эрнеста Хемингуэя, тем не менее, трудно сказать случалось ли это на самом деле. В любом случае, по слухам Хемингуэй поспорил, что расскажет историю, используя всего шесть слов.

— Как я и сказал, — рассмеялся Эйвери, — невозможно.

Глаза Дэниела были сощурены и вперились в меня. Он изогнул бровь, и уголок его рта приподнялся в усмешке. Он знал, что я грезила о нем? Он тоже грезил обо мне?

— Невозможно? — пробормотал Дэниел. — Так ли это? — сказал он, двигаясь у доски. Он написал: «Продаются: детские ботиночки, ни разу неношенные». (прим пер. в англ. языке слов шесть: For sale: baby shoes, never worn, также на русский язык ее переводят «Продаю детскую обувь, которую никто не надевал»)

Комната погрузилась в тишину. Слова на доске заставили меня задрожать, даже хотя я знала эту историю.

Райан был первым, кто заговорил, когда сказал:

— Униженный учителем, Эйвери!

Комната наполнилась смехом, и я не смогла сдержать улыбку. Я хотела бы удивиться, что Дэниел точно знал, о какой истории я говорила, но, естественно, он знал. Он был невероятно умен.

Дэниел поднял руки, призывая расшумевшийся класс к тишине.

— Хорошо. Да. Я хочу, чтобы вы взяли те листы с вашими ответами на вопросы о жизненных целях, которые вы написали для меня в начале года, — которые я отдам вам с замечаниями, — он поднял кипу листов и начал передавать их нам. — И я хочу, чтобы вы подытожили их тремя различными способами. — На следующей неделе сонет. Через неделю хокку. И через две недели малой прозой. И в конце каждой недели, вы представите свои

работы перед классом. Я не хочу давить на вас Хемингуэем, давая только шесть слов для малой прозы. У вас будет десять — Он положил мой лист на стол и улыбнулся мне. Это была та же самая улыбка, как и тогда на вокзале. — Считайте каждое слово.

Когда он протянул Райану его лист, Дэниел остановился.

— Это, возможно, лучшее эссе, которое я когда-либо читал. Так держать. — Райан ухмыльнулся и поблагодарил Дэниела.

Прозвенел звонок, и все поспешили из класса. Я не понимала, почему они так быстро уходили. После этого урока я любила медленно собираться и уходить. Прежде чем встать из-за стола, я заметила еще один листок, прикрепленный к моему эссе. Перевернув его, я прочитала то, что мне написал Дэниел.

Блестяще. Просто блестяще.

Ты станешь изумительным автором.

Я прочитаю все, что ты напишешь.

Я скучаю по тебе так сильно, что трудно дышать.

Когда я подняла взгляд, то увидела, что он смотрел на меня. Он выглядел так, как будто гора упала с его плеч, когда наши взгляды встретились. Я тоже чувствовала, как вес покинул мое тело. Он все еще был там. Дэниел не был только мистером Дэниелсом — он все еще был собой. И я все еще была у него на уме, как и он на моем.

Может, не было двух разных Дэниелов. Может, мистер Дэниелс был только другой его частью. Поэтому было не удивительно, что я влюбилась в обе стороны медали. Я была полностью без ума от него целиком — хороших, плохих и разбитых кусочков.

Я думаю, что разбитые кусочки мне нравились больше всего.

Я не знала, что это значит для нас — его записка, мой взгляд на него. Да и мне было все равно. Сейчас этого было достаточно. Я думаю, что лучшее название этому — надежда. Я правда любила надежду в его глазах.

Его уголки губ приподнялись в полуулыбке, и мои губы последовали следом, давая ему другую половину. Мы заставляли друг друга улыбаться, даже не сказав ни слова.

Это были мои любимые улыбки.

Я встала со стула и положила все в свой рюкзак за исключением того, что сейчас читала. Я прижала к себе книгу так крепко как могла, и когда я прошла мимо стола Дэниела, услышала, как он назвал мое имя. Я не повернулась к нему, но остановилась.

— Ты думала о том, о чем я думал, ты думала во время урока? — прошептал он. Мои щеки густо покраснели. Я услышала его легкий смешок. — Я тоже думал об этом.

Я повернула голову к нему и уставилась в голубизну его глаз.

— Правда?

— Правда-правда

Я развернулась, и когда была вне поля его зрения, я улыбнулась еще шире.

Я так широко улыбалась, что мои щеки заболели.

14 глава

Эй-эй, не забывай

То, как я стонал твое имя или

Вкус моих губ.

~ Скитания Ромео

Эшлин

После школы я направилась прямо в библиотеку и оставалась там допоздна, погруженная в вечернее чтение. Я нашла стол, за который никто никогда не садился, в углу библиотеки. Он медленно становился моим личным безопасным раем.

Хотя я не всегда читала. Большую часть времени я писала причины, почему между мной и Дэниелом когда-нибудь может что-нибудь получиться. Почему, если мы начнем как друзья, к окончанию школы мы сможем перейти к чему-то большему, чем дружба. Оставалось около ста двадцати с чем-то дней до окончания школы.

Сто двадцать четыре, если быть точной.

Не то чтобы я считала.

Итак, большую часть времени я писала свои мечты. Фантазии, которые я надеялась, когда-нибудь воплотятся в реальность. Я застряла в созидании мечтаний и надежд о чем-то большем.

После того как взяла несколько книг, я направилась домой. Мне нужно было надеть свитер на свой тонкий сарафан. Я замерзла. Было очевидно, что осеннее тепло Висконсина сменялось на зимний холод. Уличные огни становились ярче, а небо темнее.

Когда я проходила мимо кладбища на Мэйн-стрит, то остановилась, когда посмотрела через ворота. Первое, что я увидела, это машину, одиноко припаркованную на стоянке. Затем я увидела его. Мое сердце пропустило удар, хотя это ощущалось так, будто оно стало биться даже быстрее. Из-за Дэниела мое сердце сходило с ума.

Он стоял в одиночестве, уставившись на два надгробия.

Все еще новый вид боли.

— Ох, — прошептала я сама себе, положив руки на грудь.

Он выглядел так, будто был с тренировки — в шортах, простой черной футболке и кроссовках. Он занимался бегом? Я бы хотела знать. Я бы хотела знать больше о нем.

Он упал на колени, опускаясь ближе к надгробиям. Его губы двигались, и он провел пальцами над верхней губой, прежде чем засмеяться. Он рассмеялся, тем не менее выглядел так, как будто хмурился.

Это было самым болезненным — печальный смех.

Я осмотрела улицу, чтобы понять, смотрит ли еще кто-нибудь на него. Нет. Конечно, они не смотрели. Почему кто-то должен наблюдать за кем-то на кладбище? Мои руки дрожали, и я потерла их о свои новые книги.

Мне нужно было продолжать идти. Я должна была притвориться, что не видела его.

Но я должна была увидеть его.

Никто не должен стоять на кладбище в одиночестве.

Особенно Дэниел.

Через несколько секунд я стояла возле него. Я даже не была уверена, как оказалось там.

Такое чувство, что я плыла, ноги сами скользили к нему. Из-за него я парила.

— Эй, — прошептала я, заставив его повернуться ко мне.

— Эшлин, — сказал он с удивлением в голосе, и подняв взгляд на меня. Я почти забыла, как любила то, как он смотрел на меня.

Я моргнула и покачала головой.

— Прости, что потревожила тебя. Я просто увидела, что ты стоишь здесь и подумала...

— О чем подумала? — Ни о чем не подумала, — пробормотала я.

— Никто никогда не присоединялся ко мне здесь.

— Я никто, — прошептала я.

Он изучал мое лицо несколько секунд, прежде чем опустился к земле с небольшой улыбкой на губах.

— Ты выглядишь как кто-то для меня.

Я посмотрела туда-сюда, заметив, как тьма окружает нас. Я не была уверена должна ли остаться или уйти. Но мои ноги говорили мне, что в их планы не входило отступить.

— Почему они называют тебя «арбузики»? — спросил Дэниел.

Я ухмыльнулась, когда он посмотрел на меня. Я расценила это как приглашение остаться. Опустившись, я села рядом с ним. Я посмотрела на свою грудь и рассмеялась.

— Ты сейчас серьезно спрашиваешь?

Уголок его губ приподнялся.

— Нет, я понимаю это. — Он провел пальцами по траве вокруг нас и поднял несколько травинок. — Твое тело прекрасно, это не секрет. Но почему они зависли на этой небольшой твоей детали, а не говорят об этих чертовых глазах? Или о твоём невероятном мозге?

Я посмотрела на его руки: он перекатывал травинки между пальцами, и не стала отвечать.

Он продолжил:

— Я так сильно злюсь, когда кто-то смотрит на тебя не так. Или говорит тебе что-то плохое. Или развешивает картинки на твой шкафчик. Или, если они улыбаются тебе. Или называют тебя красивой. Или... да все что угодно! — он протяжно выдохнул и сделал глубокий вдох. — Все, что они делают, чтобы обидеть тебя или заставить улыбаться... из-за этого я хочу напасть на них. — Он выдохнул. — И в этом на самом деле нет большой морали.

Я провела зубами по нижней губе. Я не была уверена, что сказать ему.

Он заметил взгляд в моих глазах и провел руками по лицу.

— Извини, Эшлин. Я не должен говорить то дерьмо, что всплывает в моей голове.

— Я работала над темой дружбы, — сказала я, повернувшись, чтобы быть прямо лицом к нему. Я потянулась к одной из своих книг и вытащила оттуда листок бумаги. Передав его ему, я улыбнулась. — Я провела небольшой поиск в Википедии.

Он раскрыл листок и прочитал вслух.

— Четыре важных постулата, чтобы считаться друзьями. — Он перестал читать. — Ты такой ботаник.

Он не ошибся.

— Я ученица-ботаник. Что я могу сказать? Продолжай читать.

— Номер один. Близость, что означает быть достаточно близко, чтобы видеть друг друга или делать какие-то другие вещи вместе.

Я сжала губы и потеряла под подбородком.

— Ну, видишь, я сижу во втором ряду на третьем уроке, это своего рода близость, не так ли?

Он сощурил глаза и перешел к пункту номер два.

— Неоднократно сталкиваться с человеком в неофициальной обстановке и без особых планов, чтобы увидеть друг друга.

— Святое дерьмо. Это как будто, я не знаю... столкнуться с тобой за зданием бара. Или столкнуться в школе. Или... столкнуться с тобой на кладбище. Ничего из этого не было спланировано. Должна признать, что последнее в какой-то степени депрессивно.

То, как он улыбнулся, заставило меня подумать, что я харизматичная, хотя я чувствовала себя глупой.

— Номер три, возможность для обмена мыслями и личными чувствами друг с другом.

— Хмм. Ну, по правде говоря, я думаю, что мы все еще работаем над этим пунктом. Какой последний?

— Эшлин, — простонал он, прочитав последний пункт. — Википедия сказала это? — он приподнял бровь, и я кивнула. — Уверяешь-уверяешь?

Моя улыбка вновь появилась, когда я прикусила нижнюю губу.

— Я уверяю, но не двойное уверение. Давай, просто прочти.

Прочистив горло, он выпрямился.

— Последний, но не менее важный номер четыре. Быть Дэниелом Дэниелсом и Эшлин Дженнингс. — Он сложил лист и вернул его на место в мою книгу.

— Что?! Там так сказано! Ну, дерьмо. У нас есть три из четырех пунктов. Я думаю, что это довольно хорошо.

— Но это неидеально, — спорил он. Он провел пальцами по волосам, из-за чего они легли в беспорядке. Он больше не выглядел как мистер Дэниелс. Просто Дэниел. Просто красивый, талантливый Дэниел.

— Люди не созданы для того, чтобы быть идеальными, Дэниел. Мы созданы для того, чтобы лажать, все портить и учиться чему-то новому. Мы созданы идеально неидеально.

Он сощурил глаза и придвинулся ближе ко мне. Он заправил волосы мне за ухо. Небольшое прикосновение разбудило что-то, что спало внутри меня.

— Почему ты должна быть моей ученицей?

Улыбка появилась на моем лице.

— Потому что у Бога отстойное чувство юмора. — Я переместила взгляд на цветы, которые Дэниел, должно быть, принес для своей мамы. Это был букет ромашек. Мои любимые цветы. — Я тоже люблю их, — сказала я, указывая на цветы.

— Ты бы очень понравилась маме. Я просто знаю это. А папа бы решил, что ты слишком умная для меня.

Я ухмыльнулся.

— Кажется, он был мудрым человеком.

Я немного задрожала от холодного ветра, и он нахмурился.

— Ты замерзла.

— Я в порядке.

Он взял мои руки в свои и начал растирать их, согревая. Я задавалась вопросом, знал ли он, как много его прикосновения значили для меня. Как сильно я скучала по его прикосновениям.

— Можно я расскажу тебе секрет, и ты не подумаешь, что я странная? — прошептала я,

когда наблюдала, как его грудь поднимается и опускается с каждым вдохом.

— Да, — пробормотал он.

Его выражение лица смягчилось, и из-за того, как он посмотрел на меня, я почувствовала, что мое сердце пылает. Это неоспоримое, сильное чувство страсти, это очевидное желание... что я испытывала. Все, что я хотела, это поцеловать его. Я так сильно хотела поцеловать его, что даже если бы это не привело ни к чему другому, я бы это пережила. Только у его губ была власть, заставить меня жить вечно. Как я выдержу быть ему лишь другом?

— Мне нравится, что ты держишь мои руки, — сказала я. — Мне правда это нравится. От этого я чувствую себя... значимой.

— Ты значима, — его слова были сказаны так уверенно, что я почти разбилась на миллион кусочков.

Его большой палец вырисовывал круги на внутренней стороне моей ладони, и мой мозг перестал функционировать. Я ощутила, как он проводит руками по моим ногам, и затем он поднял меня и посадил к себе на колени. Я обернула ноги вокруг его талии.

Мы идеально подходили друг другу. Так идеально, что я была почти уверена, что мы созданы друг для друга. Он был мой недостающий кусочек пазла. Наши лица были так близко друг к другу, что я не могла сказать, были ли наши губы соединены или нет. Его слова заставили любовь повиснуть в воздухе, когда он повторил.

— Ты так чертовски значима.

Мне было интересно, знал ли он как управлял моим сердцебиением.

Выдох сорвался с моих губ. Я расположила руки на его груди и устроила голову у него на плече, когда слегка поцеловала его в шею. Я ощутила, как его руки на моей спине притянули меня ближе. Он расположил подбородок на моей макушке. Его сердцебиение ускорилося. Мне нравилась мысль, что из-за меня его сердце билось чаще.

— Расскажи мне о них, друг.

Он глубоко вдохнул.

— Мама была учителем музыки. Папа профессором английского.

— Ты смесь их обоих.

— Я смесь их обоих.

— Я знаю, что случилось с твоим отцом... но что случилось с твоей матерью?

Его плечи поникли, и он сделал глубокий вдох.

— Ее убили.

Я ахнула. Я посмотрела на него и провела пальцами по его волосам, и затем успокоила себя.

— Мне так жаль, — сказала я, не зная, что еще сказать.

Он подарил мне печальную улыбку и пожал плечами. Его голубые глаза занимались любовью с моими, и я прижалась губами к его губам, слегка чмокнув его.

— Я думаю, что ты прекрасен, — прошептала я, возвращая то, что он сказал мне в смс много недель назад. — И я не имею в виду твою внешность. Я имею в виду твой ум, твоё заботливое отношение, твою начитанность. Я думаю, что это прекрасно.

Его руки обернулись вокруг моей шеи, и он притянул меня ближе, его вкус накрыл мои губы, тепло его тела согревало каждый сантиметр моего.

— Я не хочу быть твоим другом, — сказал он. Мы вместе вдыхали и выдыхали. — Я хочу быть твоим. Я хочу, чтобы ты была моей. И я ненавижу то, что не может быть «нас».

Потому что я думаю, что нам предназначено быть вместе.

— Как так случилось что, хоть мы не проводим время вместе, но я чувствую, что ты знаешь меня лучше, чем кто-либо другой? Как случилось, что я продолжаю влюбляться в тебя?

Его удивленный взгляд был прекрасен. Как будто он думал то же самое обо мне.

— Я не знаю. Может, когда сердца в огне, никакие сложности не могут погасить пламя.

— Это может быть секретом, — тихо пообещала я. — Нашим секретом — на сто процентов нашим.

Его губы прижались к моим, и все в мире остановилось. Все во вселенной остановилось. Он привел меня в место ясных эмоций, взял всю печаль и заменил ее на комфорт.

Его губы были мягче, чем я помнила, тем не менее были более страстные, более интенсивные. Мои руки пробежались по кромке его футболки, и я расположила их на ней, чувствуя его твердое телосложение под хлопковым материалом.

Мой рот приоткрылся, когда дыхание ускорилось. Его рот опускался к моей шее, где он начал всасывать кожу и проводить языком медленными круговыми движениями. Я почувствовала, что мои соски затвердели под моим платьем, когда ветер накрыл наши тела, и он снова прижался ртом к моему. Его пальцы скользнули к моим лямкам, и он опустил их по моим плечам, одновременно спускаясь нежными поцелуями. Я ощущала, как его руки обхватили мою грудь через платье, и я слегка застонала, любя то, как он держал меня, то, как прикасался ко мне, то, как знал меня.

— Мы не должны, — предостерег он, но я не была уверена, предостерегал он себя или меня.

Я накрыла его губы своими до того, как он мог остановить нас. Никогда в своей жизни я не была ни в чем так уверена. Я не могла определить почему, но никогда не чувствовала себя в безопасности, как прямо здесь в темноте, находясь с кем-то, кто был ранен так же, как и я. Всякий раз, когда я была рядом с ним, у меня было чувство полной безопасности и комфорта. Дэниел Дэниелс ощущался как дом.

15 глава

Она поцеловала меня своими глазами

И затем этими бедрами

И боже, ее бедра могли целоваться.

~ Скитания Ромео

Эшлин

Следующие несколько недель были наполнены тайным волнением. Мы с Дэниелом в

основном общались через смс. В коридорах мы случайно сталкивались друг с другом, что никогда не было случайным. Иногда он просил меня задержаться после урока, чтобы украсть быстрый поцелуй. Я любила тайные отношения. Я чувствовала себя шпионом, который делает все, чтобы его не поймали.

Когда в одну из пятниц я вошла в класс, три ромашки лежали на моем столе. Райан зашел в комнату и заметил цветы.

— Теперь задиры дарят тебе подарки?

Я ухмыльнулась и поднесла ромашки к своему носу. Вдохнув, я улыбнулась.

— Ты знаешь задир — они сложные.

Он рассмеялся и скользнул на свое сиденье.

— А разве мы не все такие? В любом случае Хейли рассказала мне о твоём списке предсмертных дел. — Я не удивилась. Он продолжил: — И из того, что я нашел, вынюхивая в твоей комнате, пока ты была в душе... эта девчонка Габриэлла была самой настоящей крутой чикой.

Я ухмыльнулась на его комментарий.

— Если б она была здесь, я, вероятно, отказался бы от Тони с «и» и согласился бы на Тоню с «ю».

— Ты бы встречался с моей сестрой, — я шутливо нахмурилась, — а не со мной?

— Эм, ты бы умерла и оставила своей сестре письма на все случаи?

— Нет.

— Тогда, конечно, я бы не встречался с тобой. Есть что-то сексуальное, когда мертвые оставляют письма для своих близких.

Захихикав, я понимающе кивнула.

— Ты возбуждаешься только от мертвых девушек, а не от живых.

— Ох, я люблю, когда ты говоришь так. Скажи еще раз...

Я приподняла бровь.

— Что сказать? Мертвые девушки? — он вздрогнул от восторга, обожая, как это прозвучало. Я понизила голос и придвинулась ближе к нему. — Мертвые девушки, мертвые девушки, мертвые девушки! — шептала я снова и снова.

Он закрыл глаза и провел рукой вверх и вниз по своей груди, как будто был дико возбужден.

— Ты идиот, — рассмеялась я.

— Ты любишь этого идиота. — Так и есть — Но вернемся к важному. Скоро у Тео будет очередная вечеринка, и у меня... — Он широко улыбнулся и полез в свой карман, вытащил пластиковую карточку, и его улыбка стала шире. — Есть поддельное удостоверение.

Я выхватила его из его рук и улыбнулась.

— Где ты, черт побери, его взял?

Его глаза переместились к Эйвери.

— Я знаю людей, которые знают людей.

— Берт Саммерстоун? — я прочитала его имя с карточки.

Он забрал ее у меня и засунул в свой карман.

— Главное не имя, милашка. Главное дата. Мне официально двадцать один год, и я студент. И мы официально напьемся и перечеркнем пункт в твоём списке. Преклоняйтесь, сучки. — Он вытащил фальшивое удостоверение для меня и улыбнулся.

Саммер Бертстоун. Как креативно.

— Но я ненавижу Тео, — я нахмурилась. — Он был самым большим придурком с Хейли.

— Еще больше причин, чтобы прийти и показать ему средний палец, — Райан ухмыльнулся. — Я делаю это все время.

Райан всегда заставлял людей улыбаться. Это был его природный дар. Я чувствовала себя достаточно счастливой, что переехала в Висконсин и жила с ним и Хейли. Я не знаю, что делала бы без своих входящих в комплект соседей.

Я вспомнила, какой была суровой и резкой с Генри, когда только прибыла в город. Как сильно не хотела находиться здесь на первых порах. Я не называла его своим домом, с тех пор как прибыла, но позже начала задумываться, что это место могло бы стать моим домом. Потому что, возможно, дом — это не место. Возможно, это просто люди, рядом с которыми ты чувствуешь, что можешь быть тем, кем хочешь.

Возможно, домом была дружба.

После того как урок закончился, я улыбнулась мистеру Дэниелсу — который просто был Дэниелом в костюме. Моим Дэниелом. Моим голубоглазым, красивым, милым Дэниелом. Класс опустел, и я засунула все книги в рюкзак. Забросив его на спину, я встала перед его столом.

— Ты не надела одно из своих платьев? — спросил Дэниел, перемещаясь, чтобы сесть спереди своего стола. Его глаза прошлись по моему телу, пока он не встретил мой взгляд, и я почувствовала тепло. Я любила то, как он смотрел на меня. Как будто каждая часть меня была идеальной. Как будто я была неидеально идеальной для него.

— Нет, не сегодня. — Я была одета в голубые джинсы и большого размера свитер, который свисал у меня с плеча. В первых раз с начала учебного года, мой наряд был по-настоящему моим... и от этого я ощущала себя хорошо.

— Это мой любимый наряд, — сказал он.

Я посмотрела на свою одежду и ухмыльнулась.

— И мой.

— Мой сосед уходит сегодня.

Я рассмеялась.

— Спасибо за случайный поток информации.

— Я хочу приготовить тебе ужин.

Подняв бровь, я рассмеялась.

— Ты готовишь?

— Я готовлю. — Его слова были простыми, тем не менее, такими восхитительными. Я поняла, что съем все, что он приготовит. — Хотя я делаю больше, чем готовлю... — Мой взгляд опустился на его губы. Я любила эти губы. Я так много любила в нем.

Я прикусила нижнюю губу и посмотрела на дверь кабинета, чтобы убедиться, что никто не проходит.

— И вы пытаетесь соблазнить меня, мистер Дэниелс?

Он провел большим пальцем по своей нижней губе и осмотрел меня сверху вниз.

— Я полагаю, что вы должны подождать, чтобы узнать ответ на этот вопрос, мисс Дженнингс.

— Встретишь меня за библиотекой после школы? — предложила я.

— Я буду там.

То, как его глаза осмотрели мое тело, заставило меня чувствовать себя легко и комфортно. Что я любила больше всего, что он никогда не смотрел на меня так, как сегодня. Сегодня он смотрел на настоящую меня, и от того, как его губы и глаза улыбались мне, я поняла, что больше всего ему нравилось, когда я была самой собой.

На сто процентов я была Эшлин Дженнингс.

И на сто процентов я была его.

Прежде я никогда не была в его доме. Как и никогда не была в его джипе. Это был день, наполненный первыми разами. Должна признать, что позже, мой разум обдумывал другие вещи, которые мы никогда не делали вместе. Мы никогда не ходили на свидание. Мы никогда не танцевали. Мы никогда не занимались сексом. Мы никогда не говорили: «Я люблю тебя».

Я села в его джип, и мое дыхание замерло, когда я увидела Дэниела. Он был в бейсболке, и я покраснела от своих мыслей. До этого момента я никогда не видела его в бейсболке. Он был настолько разносторонний, было так много видов, как он выглядел, его особенностей, которые я еще не узнала. Он улыбнулся мне, взял мою руку и поцеловал ладонь. Мои глаза опустились на коврики, и я слегка рассмеялась.

— Что не так? — спросил он.

Я опустила голову и помотала ею туда-сюда.

— Ничего. Просто... есть так много, что мы должны узнать друг о друге.

— Да, я думаю, что это так. — Он не отпустил мою руку, после того, как поцеловал ее. Он держал ее, когда мы отъезжали от обочины библиотеки.

— Расскажи мне скучные факты, — сказала я, устраиваясь поудобнее на своем сиденье.

— Расскажи мне что-то, от чего большинство людей бы уснули.

Он изогнул бровь.

— Скучные факты?

— Твой любимый цвет, твое любимое мороженое, твой любимый фильм. Ну, ты понимаешь, скучные подробности.

— Ах, конечно. Мой любимый цвет зеленый. Эм... — Он нахмурил брови, глубоко задумавшись. — Мое любимое мороженое — одно из тех с кусочками вафель и шоколада. Не спрашивай, съедал ли я когда-либо весь контейнер в один присест — ты не захочешь знать ответ. И мой любимый фильм... я мечусь между «Смертельное оружие» и «Мальчишник в Вегасе».

— Я тоже люблю такое мороженое, — сказала я, задыхаясь.

Он сжал мою руку.

— Что еще? Что еще ты любишь? Какое твое любимое животное, время года, твоя любимая еда на завтрак?

— Панды. Однажды я смотрела программу по Дискавери, и полагаю, что в Китае есть место, где ты можешь заплатить кучу денег и погладить детенышей панд. Мое любимое время года — весна. Думаю, что лучше всего у меня получается писать во время грозы. И если ты поставишь миску хлопьев Cap'n Crunch, смешанных с зефиром, то у меня, наверное, будет зрительный оргазм.

Он рассмеялся, и я ощутила, как он провел пальцами по внутренней части моей ладони.

— Это самая непристойная вещь, которую я от тебя когда-либо слышал.

— Что? Оргазм? — я прикусила нижнюю губу и потянула ее.

Его голубые глаза переместились на меня.

— Нет. Про погладить детенышей панд. — Я убрала свою руку от него и сильно шлепнула его, но еще сильнее рассмеялась. — Ау! — сказал он драматично, как будто я на самом деле сделала ему больно, но я знала, что это не так. Он вытянул свою руку в моем направлении, и я приняла ее.

Мы подъехали к его дому, который он сказал, принадлежал его родителям, и я ахнула от красоты собственности. Дом у озера выглядел, как будто он был самым настоящим домом для кого-то, а не просто зданием, в котором жили. В эти владения было вложено много любви.

Переднее крыльцо было выложено большими камнями и посыпано галькой. На крыльце стояли два дубовых стула и подходящие качели. Дэниел не дал мне много времени осмотреть дом. Он повел меня, и мы обогнули задний двор, и я ахнула от простирающегося вида. Озеро блестело от солнца. Я пошла по пристани и окунула пальцы в прохладную воду.

— Красота, — сказала я, глядя вдаль. Я села на краю пристани и сняла ботинки и носки. Кончики моих пальцев ног опустились в воду, от чего появилась небольшая рябь.

— Да, — сказал Дэниел тихо. Он сел рядом со мной. — Так и есть.

Он снял свои ботинки и носки, закатал слаксы и тоже опустил ноги в воду. Мы оба болтали ими вперед-назад, создавая большие волны.

— Расскажи мне неловкие факты, — сказал он. — Твое худшее свидание. Твоя самая странная любимая книга. Что-то странное, что тебя возбуждает.

— Хммм... — я вдохнула свежий запах осени с озера. — Я не часто ходила на свидания, но мой последний парень повел меня в кино на наше первое свидание. Он думал, что будет романтично показать мне свой... — я покраснела. Я не могла поверить, что говорю это ему. — Свой пенис. И я захихикала и попросила у него 3D-очки, чтобы увеличить увиденное, потому что он определенно не собирался ожить.

— Ауч, — хмыкнул Дэниел и схватился за грудь. — Ты жестокая!

— Он показал мне свой пенис! На нашем первом свидании! — я поморщилась.

— Заметка для себя: не показывать сегодня Эшлин свой пенис.

Я покраснела и робко улыбнулась ему.

— Мы в какой-то степени уже были на нашем первом свидании в баре «У Джо». Ты, в общем-то, можешь уже показать что-нибудь.

Широкая улыбка во все зубы расплзлась по его лицу. Он брызнул в меня водой.

— Продолжай.

— Моя странная любимая книга — это одна из тех про зомби. В конце концов, зомби просто оказались корпоративной Америкой, а люди, которых они пытались превратить и испортить, были творческими личностями мира.

— Они превратили Стивена Спилберга в одного из них, и он задокументировал свое полное превращение, прежде чем позволил личине зомби полностью поглотить себя. Затем они превратили Эллен Дедженерес, но оказалось, что она была такой же забавной зомби, как была человеком. И она заставляла смеяться других зомби. Иногда они смеялись так сильно, что могли потерять свои носы или руки, которые отпадали из-за того, какой забавной она была. На самом деле это была прекрасная книга для переходного возраста,

которая исследовала сферу правды, принятия и того, как чувствовать себя комфортно в своей собственной коже — даже если она гноится.

— Вау, — Дэниел вздохнул, слушая мою историю.

— Да, я знаю. — Я сделала паузу. — Хотя они все умерли.

Он пододвинулся ближе ко мне, наши ноги находились друг против друга.

— «Зомби по соседству».

— Не может быть! — я выдохнула. — Ты читал ее?

— На первых курсах колледжа. Самая лучшая книга. — Он улыбнулся. Я замерла. —

Теперь. Что возбуждает тебя больше всего?

— Ох, это легко. Больше всего меня возбуждает парень, который читает для меня.

Его пальцы коснулись моей щеки.

— Я читаю.

— Полагаю, ты возбуждаешь меня.

Он обернул руки вокруг моей талии и приподнял меня, усадив к себе на колени.

— Ты полагаешь? — он зажал мою нижнюю губу между зубами и слегка потянул ее.

Мое тело мгновенно ответило на его прикосновения. Мои руки лежали на его груди, и когда он выпустил мою губу, я нежно поцеловала его.

— Ну, ты еще не читал мне.

Он ухмыльнулся и поднял нас обоих с пристани, мои ноги были обернуты вокруг него.

— Пойдем готовить ужин.

Я покачала головой.

— Я не готовлю ужин. Ты готовишь.

Он нес меня в дом, поддерживая руками под задницу. Втайне я хотела, чтобы он никогда меня не отпускал, но когда он сделал это, то усадил меня на кухонный стол. Он прошел через кухню, вытаскивая все ингредиенты для «ужина всех времен», как он назвал его.

Я захихикала, когда увидела коробку макарон и сыра рядом с плиткой. Он вытащил складной нож из кармана и использовал его, чтобы открыть коробку.

— Ты всегда используешь перочинный нож, чтобы открыть макароны и сыр?

— Мой отец всегда так делал. Он носил свой нож везде, говоря, что никогда не знаешь, когда он может тебе понадобиться. Поэтому он в значительной степени выдумывал предлоги, чтобы использовать его. Открывая коробки, конверты, иногда и бутылки с водой. — Он рассмеялся про себя. — Полагаю, что когда получил нож, его причуды перешли на меня.

Он остановился на мгновение. Вспоминая своего отца.

— Расскажи мне самый печальный факт, — прошептала я, смотря, как он наполняет кастрюлю водой, чтобы вскипятить. Он поставил кастрюлю на плитку и включил огонь.

Двинувшись ко мне, он раздвинул мои ноги и встал между ними.

— Это самый тяжелый разговор за ужином.

— Мы еще не ели.

Комната погрузилась в тишину. Дэниел уставился на меня, а я на него. Он заправил волосы мне за ухо.

— Двадцать второе марта прошлого года. — Его глаза переместились к окну над раковиной, и он уставился во двор. Его голос резал как нож. — Моя мама умерла у меня на руках. — Мои руки двинулись к его лицу, и я притянула его ближе. — А мой отец видел, как

это произошло.

Мои глаза увлажнились от печали по нему, а его от раскаяния. Я страстно поцеловала его, наполняя его своими извинениями за его худший день, желая, чтобы я могла рассеять боль.

Его каштановые волосы упали на лицо, и я убрала их назад. Когда наши губы разъединились, я скучала по его вкусу. Я представляла, что он также скучает по моему, основываясь на том, как он снова прижался своим ртом к моему.

— Каким образом ты пережил что-то подобное? — спросила я.

Он помялся на месте и пожал плечами.

— Легко. Я не пережил.

— Ты знаешь, кто сделал это?

Он снова помялся. Не только его тело, но и его личность. Стало темнее, когда он отступил, отвернувшись от меня.

— Это не имеет значения. Это не вернет ее назад. — Он подошел к раковине и устоялся во двор.

— Но это может восстановить справедливость.

— Нет! — он закричал, звуча как раскат грома, от которого воробьи тряслись на своих ветках деревьев. По моей коже поползли мурашки от его внезапной вспышки. Вздох сорвался с моих губ. Когда он повернулся ко мне, его лицо было красным от гнева, а может, от чувства вины?

— Подойди сюда, — настояла я.

Плечи Дэниела опали, а глаз дернулся.

— Извини, — пробормотал он, подходя ко мне. — Я не говорю о ней. Я не хочу думать о том, кто сделал это с ней. Я хочу двигаться дальше. — Я не ответила, но притянула его назад между своих ног. — Можем мы поговорить о тебе вместо меня? — спросил он тихо.

Он не хотел говорить о несчастном случае, из-за чего я грустила.

Я хотела знать все.

Тем не менее, я не хотела спугнуть его. После того как я кивнула головой, он выдохнул в облегчении.

— Какой твой печальный факт? — прошептал он, расположив руки у меня на бедрах.

— Лейкемия. — Это было одно единственное слово. Но это было мощное слово. Одно слово, которое поставило временный лимит на наши с Габи отношения. Одно слово, из-за которого я плакала каждую ночь месяцами. Одно слово, которое я бы не пожелала своему злейшему врагу. Слеза скатилась по моей щеке и он сцеловал ее. Он поцеловал меня так же страстно, как и я его. Его поцелуй был на вкус как вечность, погружившаяся в навсегда.

— Какой твой счастливый факт? — спросил он.

Я вытянула руку в воздухе, и он прижал свою к моей.

— Вот этот, — сказала я, уставившись на наше прикосновение.

Его другая рука поднялась, и я поместила свою напротив его. Мы переплели наши пальцы вместе.

— Вот, — он улыбнулся.

Я придвинула свои бедра ближе к нему, и он начал нежно и медленно целовать мою шею.

— Дэниел, — я закрыла глаза, и он спустился поцелуями к моему плечу.

— Да? — пробормотал он возле моей кожи.

— Это ощущается так хорошо, — я вздохнула, когда он медленно провел языком вверх и вниз по моей коже.

— Я хочу, чтобы ты всегда чувствовала себя хорошо. — Его голубые глаза посмотрели в мои, и на его лице растянулась широкая улыбка. Он прижался губами к моему лбу.

— Я без ума от тебя, Эшлин Дженнингс.

Я глубоко вдохнула и выдохнула.

— Я без ума от тебя, Дэниел Дэниелс. — Мы уставились друг на друга, смеясь и смеясь от безумия нашей ситуации. Я встречалась со своим учителем английского? То, что мы делали, было по-настоящему аморально? Влюблялись? Могло ли то, что мы влюблялись быть неправильным?

— Мы безумны, не так ли?

Он наклонился ко мне, и я обняла его руками за шею.

— Чертовски безумны.

Чертовски безумны. Это мог быть мой любимый факт о нас в эту ночь.

Мы оба были так чертовски безумны.

16 глава

Если мы убежим сегодня,

Мы обгоним закаты.

~ Скитания Ромео.

Эшлин

Мы перечеркнули пункты в списке вместе.

Мы не говорили о его прошлом, но я много узнала о его настоящем.

Мы много целовались, потому что любили целоваться.

17 глава

Если мы убежим слишком поздно,

Мы потеряем рассвет.

~ Скитания Ромео

Эшлин

~~#23. Поцеловать незнакомца~~

~~#16. Сходить на вечеринку~~

~~#14. Завести друга~~

~~#21. Научиться жонглировать~~

~~#15. Пробежать пять миль~~

~~#6. Попробовать играть на гитаре~~

#1. Влюбиться

18 глава

Я думаю кое о чем, что мы должны сделать,

Мы должны влюбиться около двух.

И затем, когда настанет четыре,

Я начну любить тебя еще больше.

~ Скитания Ромео

Эшлин

Наши встречи стали более частыми. Наша связь становилась сильнее, потому что ее развитие — это был наш единственный выбор. Каждый день после школы я ждала за библиотекой с новой книгой, которую находила, чтобы поделиться с ним.

Он читал мне, пока мы варили макароны. Я читала ему, пока он развешивал различные цветные картинки по дому — пытаюсь решить, в какой цвет покрасить дом родителей. Он лежал на кресле в гостиной кверху ногами и читал мне, пока я делала домашнюю работу. Я читала романы, пока он оценивал работы.

Слова звучали так мило, имели такое глубокое значение, когда путешествовали с его губ в мои уши. Его голос усиливался с гневом героев, понижался от их страха.

Сегодня он сидел, опираясь спиной о журнальный столик, когда читал мне, и я смотрела на него долгое время. Я смотрела, как он моргал, и его губы двигались. Я наблюдала, как его пальцы переворачивают страницы, и как он постукивает ногой по полу. И я заплакала. Это не было связано со словами на страницах, но это были слезы надежды. О настоящем шансе на счастье.

— Дэниел, — прошептала я, придвигаясь ближе к нему. Я положила руку на книгу, останавливая его чтение. Он посмотрел на меня, на его лице была теплая улыбка. Я взяла его руки в свои и расположила их над своим сердцем.

— Ты делаешь это.

— Что делаю?

— Возвращаешь меня к жизни.

Было время, когда мы встречались, а я не была такой сильной как за день до этого. Иногда мои воспоминания делали все возможное, чтобы заставить мое сердце болеть из-за смерти Габи, поэтому Дэниел переставал читать. Он ставил один из своих «оптимистичных» дисков в стерео и начиналась взрывная музыка.

— Танцевальный перерыв, — сказал он, вытянув меня из моих печальных мыслей.

— Дэниел, — захныкала я, но я никогда не откажусь от танцевального перерыва. Прошло несколько недель, с тех пор как я сказала ему, насколько сильно люблю танцевать.

— Давай. Двигайся, — сказал он, покачивая своими бедрами и надувая губы. Он был похож на долбаного клоуна, и я влюблялась в него еще больше. Я выставила руки в воздухе и начала медленно двигаться вперед-назад. Он потянулся к одной из моих рук и покружил меня, притягивая ближе к себе.

— Расскажи мне ее самый счастливый факт.

Я улыбнулась, пока мы вместе танцевали в гостиной.

— Бентли Грейвз.

— Расскажи мне самый глупый факт, — сказал он.

Я прикусила нижнюю губу, задумавшись.

— Она любила есть арахисовое масло и сэндвичи с маринованными огурцами. Когда мы были детьми, она открыла бизнес, пытаясь продать лимонад и сэндвичи с арахисовым маслом и маринованными огурцами. Излишне говорить, что она не разбогатела от того предприятия.

Он сморщил нос.

— Ты когда-нибудь пробовала их?

— Фу, нет. Габи была странная, не я.

— Позволю себе не согласиться. Ты ешь хлопья с зефиром. Ты странная. — Его палец коснулся моего носа, и он исчез в кухне. Когда он вернулся, у него были соленые огурцы, хлеб и арахисовое масло.

— Нет, — сказала я строго.

Он изогнул бровь.

— Список предсмертных дел. Попробовать что-то новое.

Я вздохнула, зная, что попробовать что-то новое было в списке. Но это должно быть таким отвратительным?

Мы каждый сделали по сэндвичу и откусили кусочек. Это было так же отвратительно, как мы и думали, но в то же самое время это был лучший сэндвич в моей жизни, потому что это была часть Габи, которой я могла поделиться с Дэниелом.

— Я понимаю, что ты делал, — сказала я, положив свой сэндвич с маринованными огурцами. — Танцуй со мной.

Он улыбнулся и пожал плечами.

— Иногда, когда ты скучаешь по человеку, ты можешь сфокусироваться только на том, как тебе печально оттого, что его больше нет. В других случаях лучше сосредоточиться на тех воспоминаниях, что приносят тебе радость и смех.

Я ухмыльнулась, глядя на свой сэндвич, и добавила побольше арахисового масла.

— Ты очень хороший учитель.

— Ты очень способная ученица. — Он погрузил свой палец в арахисовое масло и размазал его по моей шее.

— Дэниел, — прошептала я, когда он провел языком по моей коже, слизывая масло. Его дыхание касалось моей кожи, из-за чего по моему телу поползли мурашки.

— Да?

— Научи меня чему-то новому.

Его глаза встретили мои. Я провела пальцами по его рту. В его глазах была ухмылка, когда он поднял меня на руки и понес в свою спальню для нашего следующего урока.

— Не... переставай, — я тяжело дышала, умоляя, когда лежала в кровати Дэниела, — читать... Не переставай читать.

Мои глаза были закрыты, и я сняла свой огромный свитер, оставшись только в белом топике и джинсах. Он навис надо мной без рубашки. Я проводила руками по его упругой груди, чувствуя, как он вдыхает и выдыхает всякий раз.

Его левая рука поддерживала его тело, в то время как правая держала книгу открытой. Он ухмыльнулся, когда прочитал мне следующую строку из «Много шума из ничего» (прим. пер. одна из пьес Шекспира).

— Ее невинность — видимость, обман. — Его голос был хриплым и жестким с каждым словом, что он читал, отправляя во мне новую волну желаний. — Смотрите: покраснела, как девица! — он нежно поцеловал меня в ухо. — О, как искусно, как правдоподобно, — он поцеловал меня в шею, — скрывать себя умеет ... — он прижался мягкими губами к моему декольте. Мои бедра добровольно выгнулись по направлению к нему, желая ощущать его тело на своем. Он опустил лямки моего топика и очертил мой лифчик своим языком, — хитрый грех.

Мои руки переместились к петлям на ремне его брюк, и я притянула его вниз ближе к себе, прижавшись своим телом к его. Я чувствовала, что он упирается в мои джинсы, это убедило меня, что чтение возбуждало и его.

— Дэниел, — заговорила я тихо.

— Да? — он зарылся лицом в мою грудь, в меня.

Мой голос был хриплым, неуверенным из-за моего очевидного желания.

— Закрой книгу. — Заняло всего мгновение, и я услышала, что книга закрыта. Когда я открыла глаза, его взгляд был напряженным, зрачки были расширены, и в них отражалось его желание. Я поцеловала его в подбородок, чувствуя, как мое сердце начинает биться быстрее. — Я хочу тебя... — Он выпрямился на мгновение и переместил свои руки к краю моего топа. Медленно потянув его вверх, он опустил рот к моему пупку, проделывая поцелуями дорожку вниз к моим бедрам, которые жаждали большего внимания. — Пожалуйста, Дэниел.

— Ты идеальна, — выдохнул он в мою кожу. — Мы начнем медленно. — Он стянул мой топ над головой и отбросил его в сторону комнаты. Расположил руки на моей груди, и я почувствовала, что мое сердце бьется для него. Только для него.

Я приподнялась, слегка оперлась на локти и обняла его руками за шею, притягивая его к своим губам. Он прижал свой рот к моему, и я тихо простонала его имя, когда он украл мое дыхание. Затем он заполнил меня своим дыханием, даря мне жизнь, даря смысл и даря мне себя. Я была шокирована его способностью пробуждать мой дух каждый раз, когда мы находились рядом. Он обнаруживал все мои слабости и наделял их силой.

Я скользнула рукой к молнии и расстегнула его брюки, он наградил меня тихим стоном. Дэниел стянул их полностью, и я провела пальцем над линией боксеров. Он гортанно зарычал, и я полюбила этот звук. Я была в восторге, что делала это с ним. Он расстегнул мои джинсы и помог мне стянуть их, что было не самой легкой задачей. Он рассмеялся над этим. Я рассмеялась, потому что никогда не чувствовала себя настолько комфортно, когда была перед кем-то раздета.

— У нас не будет секса, Эшлин, — предупредил он.

Я сморщилась от этой мысли, потому что он возбуждал меня больше, чем кто-либо. Я хотела почувствовать его на себе. Я хотела почувствовать его внутри себя.

— Я не боюсь, Дэниел. Уверю тебя.

— Я знаю. Но я не хочу торопиться с тобой, с нами. Кроме того... — Его пальцы скользнули по хлопковой ткани моих трусиков. О божемой! Я открыла рот, задыхаясь, так как весь воздух покинул мое тело от его действий. — Есть так много всего, чем мы можем заниматься, кроме секса. — Он опустил голову между моих бедер, и я закрыла глаза, а в моем животе запорхали бабочки.

Никто никогда не делал мне этого. Билли никогда не удовлетворял меня никаким образом. Всегда все вертелось вокруг него, его нужд, его потребностей. Но Дэниел отличался каждым возможным способом. Он хотел, чтобы мне было хорошо. Хотел, чтобы я была удовлетворена. Он хотел меня.

Я ощущала себя как будто в другом мире, когда чувствовала его горячее дыхание на своей коже.

— Я собираюсь поцеловать тебя, Эшлин, — прошептал он.

Я схватилась за простыни, и он начал свои поцелуи. Я чувствовала, как его влажные губы прижались к краю моих трусиков, прежде чем он обхватил их пальцами с двух сторон и начал опускать их ниже и ниже.

— Дэн... — пробормотала я низким голосом, не в состоянии назвать его полного имени. Мои бедра изогнулись в его направлении, прося о большем, о гораздо большем. Поцелуи не прекращались, так же как и мои стоны.

Сантиметр за сантиметром он опускал мои трусики, я получала теплые поцелуи, а затем он проводил языком вверх и вниз, затем снова целовал, а затем долгим и голодным

движение облизал меня, когда достиг моей чувствительной плоти.

— Дэниел. — На этот раз я застонала громче, зная, что все, что я когда-либо хотела, было у меня сейчас. Он лизнул меня настойчивее, глубже, с большей любовью.

Я была на краю неба, собираясь отдать ему всю себя. Мое тело дрожало, бедра раскачивались у его рта все больше и больше. Он шире расставил мои ноги.

— Ты идеальна, — прошептал он, когда я вцепилась пальцами в простыню. — Так идеальна.

Я зарылась головой в подушку, ахнув, когда его пальцы проникли в меня, потирая меня, найдя идеальный ритм с его языком. Он вдыхал вместе со мной, а я выдыхала с ним.

Когда его движения стали более напористыми, мое дыхание, жаждущее его, стало тяжелее. Я зарылась пальцами в его волосы, мягко потянув. Один маленький поцелуй от Дэниела — это все что требовалось, чтобы унести меня далеко-далеко, заставить мое тело взлететь ракетой в открытый космос, отчего я лежала, задыхаясь, когда он лежал рядом со мной. Я знала, что никогда в своей жизни не испытывала удовольствия в такой форме — или любой другой — до того, как он вошел в мою жизнь. Дэниел подарил мне еще кое-что первое. Мой первый оргазм.

Мое дыхание было тяжелым, и он поднимался, осыпая меня поцелуями, и, наконец, целуя мою шею.

— Спасибо тебе, — сказал он, обнимая меня. — Спасибо, что доверилась мне.

Казалось, мы лежали так целую вечность. Я чувствовала себя возбужденной и уставшей, но не слишком уставшей.

— Дэниел, — прошептала я, проводя пальцами вверх и вниз по его спине.

Он чуть-чуть прикусил мое плечо, из-за чего я вздохнула.

— Хмм?

— Мы можем сделать это снова?

19 глава

Не ревнуй, это источает красный цвет.

Доверяй своему сердцу внутри своей головы.

~ Скитания Ромео

Я знал, что это глупо и знал, что это не должно беспокоить меня, но это беспокоило. Джейк ошивался возле Эшлин все чаще и чаще каждый день в школе. Проходя мимо шкафчика Эшлин, где Джейк стоял над ней, я остановился достаточно близко, чтобы мог подслушать. Я чувствовал себя настоящим ослом, листая бумаги и ведя себя так, будто был

чем-то занят.

— Итак, я подумал... школьные танцы будут перед каникулами в честь Дня благодарения, и я подумал... — голос Джейка затих от нервов, и он послал Эшлин улыбку. — Может, мы пойдем вместе?

Эшлин посмотрела на меня и прижала свои книги ближе к груди. Она нахмурилась в сторону Джейка и отвергла его предложение. Прозвенел звонок, и на его лице появилось разочарование, в основном во взгляде.

Мимо прошла парочка, смеясь и держась за руки, и взгляд Эшлин был прикован к их рукам. Мой желудок завязался в узел. Я знал, она думала, что я не заметил, но я заметил. Она с такой завистью смотрела на парочки, которые шли за ручки в школе. Все признаки публичных проявлений чувств никогда не оставались незамеченными ею. Ей хотелось держать мою руку при свете, не только в тени.

Когда начался и закончился третий урок, я попросил ее задержаться на минуту, чтобы я мог поговорить с ней. Ее глаза были почти закрыты, казалось, она устала.

— Ты можешь пойти, ну знаешь... на танцы с Джейком.

— Нет, все в порядке, — солгала она, прижимая свои книги.

— Но ты любишь танцевать, — сказал я.

— С тобой. Я люблю танцевать с тобой, Дэниел.

— Ты разочарована.

Она опустила голову и медленно кивнула.

— Просто... твои руки прямо здесь. Мои руки прямо здесь. А мы не можем прикоснуться друг к другу.

Я обернул свой мизинец вокруг ее и ощутил, как дрожащий вздох прошел через ее тело.

— Мне жаль, Эшлин.

— Ты не виноват. Таковы наши жизни, я полагаю.

Мое горло сжалось.

— Если ты хочешь пойти на свидание, просто скажи это. Уверяю, с этим все будет в порядке.

Ее глаза расширились и остекленели.

— Я не хочу. Я хочу этого, Дэниел. У меня просто плохой день, вот и все.

Я слышал то, что она говорила, но знал, что ей не хватает того, что есть у нормальных пар. Свиданий за ужином. Походов в кино. Поездок на выходных.

— Скоро «Скитания Ромео» снова выступают в баре «У Джо»... — сказал я, потерявшись в ее зеленых глазах. — Ты должна прийти.

Ее улыбка расширилась, и я увидел, что ее глаза загорелись.

— Ты имеешь в виду пойти куда-то в другое место, а не в дом у озера? — она сделала паузу и захихикала. — Не пойми меня неправильно, этой хороший дом у озера и все такое, но просто...

Я прервал ее. Мой палец все еще был обернут вокруг ее мизинца, и я подтолкнул дверь своего класса локтем, чтобы прикрыть ее. Взяв ее руку полностью в свою, я привлек ее ближе, и мои губы завладели ее губами. Я поцеловал ее быстро, но страстно. Она прижалась к моей нижней губе и поцеловала меня в ответ сильнее, когда прозвенел звонок на четвертый урок.

— Ты опоздаешь на урок.

Я мог ощущать ее улыбку напротив моего рта, когда она тихо сказала:

— Это определенно стоит замечания за опоздание.

Мы выступали в баре в «У Джо» в выходные перед Днем благодарения. Рэнди договорился, что люди принесут консервы, чтобы пожертвовать голодающим. Я думал, что это так в его стиле — найти способ внести свой вклад.

Эшлин появилась за библиотекой, чтобы я забрал ее, с двумя банками консервированной кукурузы и блокнотом в другой руке. Она выглядела так очаровательно с этими консервами и своей прекрасной улыбкой. Я подъехал к обочине, и она запрыгнула в машину.

— Привет. — Она наклонилась и поцеловала меня в губы, прежде чем пристегнула свой ремень. — Я собираюсь сегодня писать, пока буду слушать.

— Ты снова пишешь? — она не упоминала свой роман, с того первого вечера, когда мы встретились в баре «У Джо», поэтому я был очень удивлен, услышать это.

— Просто разные мысли. Ничего важного.

— Очень важно, — сказал я.

Мы приехали в бар, и Рэнди подошел к нам, подпрыгивая.

— Привет! Ты вернулась, чтобы увидеть меня, — сказал он Эшлин, положив руку на сердце. — Я польщен, правда. Но думаю, что у моего друга Дэнни небольшая влюбленность в тебя.

Она рассмеялась.

— Это так?

— Да, как-то я вошел в его спальню, и он разговаривал во сне и обнимал свою подушку, называя ее Эшлин.

Мои глаза расширились, и я повернулся к Эшлин.

— Это неправда.

Рэнди быстро кивнул.

— Это правда.

Эшлин взяла мою руку в свою и захихикала.

— Это правда, так ведь? Ты зависимый?

Я не мог отрицать это.

Зазвонил телефон Рэнди, и он извинился, чтобы ответить, оставив меня стоять с Эшлин.

— Скоро мое выступление. Хочешь чего-нибудь выпить?

Эшлин схватила меня за рубашку и оббежала, чтобы встать за мной.

— О боже мой! — завизжала она, прикрывая свое лицо.

— Эм, это не так уж и серьезно... Просто «нет» было бы достаточно.

— Дерьмо, дерьмо, дерьмо, — шептала она. Было довольно мило слышать, как она ругается, от этого я еще сильнее хотел поцеловать ее.

— Что происходит? — спросил я, пытаюсь повернуться, чтобы посмотреть на нее.

— Генри, — она выдохнула в мой рукав, когда указала в сторону бара.

Мои глаза переместились туда, и я увидел, как он сидит там и выпивает.

— Ох, дерьмо! — прошептал я, выталкивая ее из здания. Мы побежали к боковой стороне бара и сделали глубокие вдохи. — Что он здесь делает? Он знал, что ты придешь?

— Нет! Нет! Я никому не говорила.

— И где он думает, ты сегодня? — спросил я.

Она пожала плечами.

— Он никогда не спрашивает. Сомневаюсь, что его это заботит. — Я видел, как ее нижняя губа немного дрожала.

— Он должен быть безумцем, чтобы не заботиться об этом. — Я сделал паузу. — Он не может знать, верно? Он не знает. Он не может. — Мои внутренности скручивались от мысли, что ее отец — мой босс, узнает о нас.

Эшлин прижалась ко мне, страстно целуя меня.

— Мне нужно уйти, пока он не увидел меня. Я думаю, что поеду домой. На всякий случай.

Я поцеловал ее в ответ, любя ее вкус. Я вытащил ключи из своего заднего кармана и протянул их ей.

— Возьми мою машину и поезжай домой. Ты можешь припарковать ее дальше по улице от своего дома. А ключи сможешь отдать мне как-нибудь завтра.

Первый снегопад сезона ожидался в эту ночь, и я поднял взгляд на небо, когда несколько хлопьев снега упали мне на лицо. Затем я наблюдал, как снежинки падали на ее длинные прекрасные ресницы.

Я поцеловал ее в переносицу.

— Попиши немного. Я хочу прочитать все, что ты придумаешь.

— Посмотрю, что могу сделать. — Она все еще стояла на месте. — Это своего рода весело, ха? Когда тебя почти поймали? — она подергала носом, и ее язык толкнул щеку изнутри.

— Ты абсолютно безумная. — Я обхватил ее нижнюю губу своим ртом и мягко потянул. — Абсолютно безумная.

— Только для вас, мистер Дэниелс. Только для вас.

Мои руки переместились к ее заднице, и я поцеловал ее в шею.

— Спокойной ночи. Прощай, прощай, а разойтись нет мочи! — сказал я, цитируя «Ромео и Джульетту».

— Так и твердить бы век: «Спокойной ночи». — Она слегка застонала и захихикала. — Ммм. Я люблю, когда ты говоришь мне непристойности.

Только мы могли возбуждаться от Уильяма Шекспира.

— Ох! Это для тебя. — Она протянула мне письмо от Габи, начав идти к машине и остановившись, оглядываясь на меня. — Он выглядел немного грустным, да? — спросила она, хмурясь в сторону бара. — Ты думаешь, что можешь проверить его?

— Да, конечно.

— Спасибо.

На этом она ушла.

Я еще больше влюбился в нее в этот момент. Она думала, что Генри не заботился о ее местонахождении, вообще о ней, тем не менее она беспокоилась о его благополучии.

— Генри? — спросил я, подходя к бару.

Он был совсем не похож на того Генри, которым был в школе. На нем была помятая рубашка-поло, а волосы торчали в разные стороны. Его зеленые глаза смотрели на меня, и

сначала он выглядел удивленным, увидев меня. Медленно его лицо расслабилось.

— Дэн, привет. Что ты здесь делаешь?

Я скользнул на стул рядом с ним, приглашая сам себя поболтать, хотя видел, что он был не в настроении разговаривать. Его руки вцепились в стакан виски. От него пахло табаком. На мгновение я вдохнул запах, и он напомнил мне о моем отце.

— Я в группе. «Скитания Ромео». Как вы?

Он посмотрел на меня с недоумением в глазах и рассмеялся.

— Ты хочешь профессиональный ответ или правду?

Я махнул бармену и заказал нам обоим еще виски. Когда бармен подал его, я подтолкнул стакан к Генри.

— Каким бы вы хотели поделиться.

Он сделал паузу и потер ободок стакана большим пальцем.

— Я в порядке, — солгал он, его взгляд был тяжелым. Он выглядел так, будто не спал несколько недель, даже месяцев. — Это был профессиональный ответ.

— И правда? — спросил я, чувствуя жалость к парню.

— Правда в том... что я разваливаюсь на части. — Он сделал большой глоток своего напитка. — Моя дочь умерла несколько месяцев назад.

Я положил руку на его плечо.

— Соболезную.

— Меня там не было на протяжении всей их жизни для нее или Эшлин. — Он смотрел на свой стакан, его голова была с позором опущена. — После того как Ким оставила меня, чтобы переехать в Чикаго, я был повержен морально. Меня не было в их жизни до августа. И к этому моменту это были похороны моей дочери. — Он задохнулся на последних словах и провел рукой по лицу.

Я не знал, что сказать, поэтому промолчал. Моя рука все еще лежала на его плече. Я ощущал, как его тело нервно дрожало, когда он продолжил говорить:

— И теперь Эшлин здесь. Я чувствую, что у меня есть шанс установить с ней контакт, но я не пытаюсь. Я едва знаю что-нибудь о ней. Что она любит, что не любит. Я даже не знаю, как начать отношения с моей собственной дочерью.

Я провел руками над ртом, прежде чем коснулся стакана с виски. Поднеся его к своему рту, я сделал глоток.

— Это сложная ситуация.

Он повернулся ко мне, его глаза покраснели от эмоций, и он рассмеялся.

— Я должен был сказать тебе только профессиональный ответ, но мне кажется, что виски делает большую часть работы.

— Где Эшлин сейчас? — спросил я, зная это, но, тем не менее, любопытствуя, что он ответит.

— Я не знаю. — Он опустил голову ниже. — Я не просил ее отчитываться передо мной. Какое у меня на это право? Я буду полным придурком, если резко начну вести себя как заботливый папаша, когда сам никогда не был отцом.

— Я думаю, что она хотела бы этого. — Он изогнул бровь на мой комментарий. — Я потерял своего отца несколько месяцев назад. Наши отношения не всегда были идеальны, но они были хорошими. Если бы у меня был шанс, я бы старался лучше. Я был бы лучшим сыном. Вы упустили шанс наладить отношения с Габи. Не упустите его с Эшлин.

Он медленно кивнул, обдумывая мои слова и мысли. Я встал со своего стула и начал

идти к сцене.

— Эй, Дэн?

Я повернулся к нему.

— Да?

Его брови сошлись вместе, и он нахмурился.

— Откуда ты узнал ее имя? Габи?

Ох, дерьмо.

Мое сердце подскочило до горла, и я уставился на печального мужчину. Мой ум начал быстро обдумывать возможные варианты ответа и оправдания.

— Вы упоминали его.

Его захмелевший взгляд тяжело опустился. Он пытался припомнить это в нашем разговоре.

— Ох, верно. Конечно, — пробормотал он.

Я тяжело сглотнул.

— Кажется, она правда увлечена музыкой, Генри. В классе они с Райаном всегда говорят о ней. И книги — она без ума от книг.

— Книги и музыка. — Он послал мне печальную ухмылку. — Хорошая стартовая площадка, да?

— Лучшая, — кивнул я, засовывая руки в карманы.

Подошел Рэнди и хлопнул меня рукой по плечу.

— Где леди? — прокричал он, из-за чего мое лицо побледнело.

— Ох? Твоя девушка здесь? — спросил Генри, приподнимаясь и оглядываясь вокруг.

— Да, — ответил Рэнди.

— Нет! — закричал я. Рэнди изогнул бровь и я толкнул его в плечо. — Генри, было здорово увидеть вас. Оставайтесь на шоу! — сказал я, когда уводил озадаченного Рэнди прочь.

— Что, черт побери, это было? — пристал он.

— Отец Эшлин, — прошептал я.

— Уже познакомишься с родителями? — ухмыльнулся он, толкая меня в плечо.

— Нет, — зашипел я. Рэнди наблюдал за моим внезапным изменением настроения и ждал объяснений. Моя рука коснулась моего виска, и я нахмурился. — Это мой босс.

— Оххх, я понял.

Я кивнул.

— А Эшлин — моя ученица. — В этот момент челюсть Рэнди отвисла до пола. Его глаза вылезли из орбит, и он слушал, как я объясняю, что мы заранее этого не знали. — Знаю, что должен прекратить это...

— Святое дерьмо, — выдохнул Рэнди, он положил ладонь на заднюю часть своей шеи.

— Что?

— Ты любишь ее.

— Что?! — я нервно рассмеялся, потирая руки вместе. — Это смехотворно. Я едва знаю ее и...

— Чувак, не носи мне эту «я мужик и не могу выразить свои чувства» херню. Ты любишь ее. Я никогда не видел, чтобы ты столько улыбался из-за девушки со времен моей сестры.

— Я... — я знал, что он был прав. Но это пугало меня. Как я мог любить Эшлин, и при

этом у меня не было возможности показать миру, как сильно я люблю ее? У нас даже не получилось сделать так, чтобы она посмотрела мое шоу сегодня, и у меня было чувство, что проще не станет.

— Конфуций говорил: «Куда бы ты ни шел, иди туда всем сердцем», Дэнни. — Рэнди положил руку на мое плечо.

— Ты только что процитировал Конфуция?

— Да. И это было изумительно. — Он улыбнулся и подтолкнул меня. — Пойдем. Приготовимся к выступлению.

Вернувшись домой, я забрался в кровать, истощенный из-за шоу. Рэнди каким-то образом умудрился притащить двух девушек домой с ним, и мог сказать, что у них было достаточно много веселья в гостинной. Теперь у него была своя собственная голая музыкальная вечеринка.

Я поднял свой телефон и написал Эшлин. Вероятно, она спала, тем не менее, на случай, если нет, я не хотел упускать возможности пообщаться с ней.

Я: Все в порядке. Генри и понятия не имеет.

Эшлин: Он ввалился в дом пару минут назад. Как прошло шоу?

Я: Хорошо. Я скучал по тебе в угловой кабинке.

Эшлин: Вау, у тебя правда зависимость от меня. Перестань обнимать свою подушку.

Я громко рассмеялся на ее комментарий, желая, чтобы она лежала обнаженная рядом со мной в кровати. Я бы даже не делал ничего с этим обнаженным телом, кроме того, что обнимал бы его. Я любил то, как она ощущалась, прижатая ко мне.

Я: Я перестану, когда ты перестанешь гладить детенышей панды.

Эшлин: Я думала, тебе нравится, когда я глажу твоего детеныша панды?

Я поморщился.

Я: В этой панде нет ничего от детеныша.

Эшлин: Я просто пошутила. Ты такой дурачок.

Я: Отправь мне что-нибудь, что ты написала сегодня. Что-то из твоей книги?

Последовала долгая пауза. Либо она печатала мне отрывок, либо заснула.

Эшлин: Он никогда не вмешивался в ее сражения. Большинство женщин, наверное, бы разочаровались от таких антиджентельменских действий. Тем не менее, это только сильнее заводило Джулию. Она любила то, как он позволял ей быть сильной. Она любила то, что он верил, что она у нее была сила всех богинь вместе взятых. Она любила, как он позволял ей быть на сто процентов индивидуалисткой, именно поэтому она хотела любить его до конца жизни.

Я читал слова снова и снова, обдумывая каждое из них.

Я: Мой отец был бы прав. Я недостаточно хорош для тебя.

Эшлин: Я думаю, что ты — это то, что мне нужно.

Я: Это та книга, над которой вы работали вместе с Габи?

Эшлин: Нет. Я начала кое-что новое.

Она нашла себя. Это была самая прекрасная вещь, которую можно было наблюдать — Эшлин самостоятельно снова раскрыла себя. Я чувствовал себя привилегированным, что имел возможность наблюдать за ее ростом.

Эшлин: Генри вошел в мою комнату и смотрел на меня долго... Что ты сказал ему?

Я улыбнулся на это сообщение и потер пальцами бровь.

Я: Я спросил, как у него дела. Может, ты тоже должна. Спокойно ночи, милая.

Эшлин: Спокойной ночи:)

Я перевернулся и начал читать письмо, которое сегодня получил от Габи. Я знал, что от этого письма должен обрести комфорт, но по каким-то причинам, оно только привело к сомнениям.

#1. Влюбиться

Парню, который любит девушку,

Я задаюсь вопросом, понимаешь ли ты, какой ты счастливчик. Моя маленькая сестренка не знает этого, но она возводит стены. Ее сердце закрыто и обмотано цепями от мира. Она прячется за своими книгами и не позволяет никому увидеть себя настоящую. Я полагаю, что из-за того, что наш отец ушел, она не хотела почувствовать это снова — быть брошенной.

Но вот ты. Тот, кто нашел ключик.

Можешь сделать мне одолжение?

Покажи ее миру. Кричи об этом с крыши домов. Води ее на свидания. Она любит танцевать — хотя на самом деле плоха в этом. Пусть все другие парочки завидуют.

Будь ее золотком.

Потому что я уверю тебя, она будет твоим.

Ты все делаешь правильно.

— Габриэлла.

С момента, как я прочитал послание Габи, я чувствовал себя ужасно. Сестра Эшлин была права. Она заслуживала, чтобы ее показали миру и водили на свидания. Она заслуживала, чтобы ее любили громко.

А я не знал, как сделать это.

20 глава

Не останавливайся, пока мы не закончим.

Затем сойди с рельсов.

Не оглядывайся назад, не оглядывайся.

~ Скитания Ромео

Эшлин

— Ты всегда бродишь по кладбищу один? — усмехнулась я, увидев Дэниела.

Он повернулся, чтобы посмотреть на меня, и широко улыбнулся.

— Только, когда я жду встречу с красивой девушкой.

Я закатила глаза.

— Ты банален. — Он притянул меня ближе к себе и медленно облизал мою нижнюю губу, прежде чем поцеловал меня. — Ммм, — пробормотала я у его рта. Я прочистила горло. — Джейк из школы отправил мне сообщение, снова приглашая меня на свидание, — прошептала я, прикусив нижнюю губу.

Дэниел изогнул бровь.

— Парень не понимает намеков, да? — он сделал паузу и понизил свой голос. — Ты хочешь пойти с ним на свидание?

Я сделала шаг назад.

— Что?

— Я имею в виду... он на самом деле может сводить тебя на свидание. Это неправильно — встречаться за зданиями, на кладбище...

— Что это должна означать? — мои глаза начали наполняться слезами. Почему он говорит такие вещи? Я была счастлива с ним. Мы были счастливы. Я думала, что единственная вещь, которая могла привести к изменениям в Дэниеле — это письмо, которое я отдала ему вчера.

Я не должна была отдавать ему это письмо. Я перестаралась. Зашла слишком далеко.

Мгновение он стоял мрачный, глубоко задумавшись. Я ненавидела то, что не могла прочитать его. Он моргнул и поднял взгляд.

Мои глаза переместились к земле.

— Это из-за того, что сказано в письме? Потому что... мне жаль, если это слишком скоро...

— Нет, Эш... — Его выражение лица смягчилось, все свидетельство его внезапной смены настроения — исчезло. — Ничего. Забудь об этом. Почему ты подняла этот вопрос? Джейк написал тебе?

Я обдумывала спросить Дэниела о его мыслях, но боялась, что это оттолкнет его от

меня. Глубоко вдохнув, я пыталась рассеять туман между нами.

— Я знаю, что не могу сказать ему, что встречаюсь с тобой... но, может... — Я убрала волосы на одну сторону, оголив шею. — Может, ты сможешь поставить засос, который будет говорить, что я твоя?

Он захихикал.

— Ты хочешь, чтобы я поставил тебе засос? — я кивнула. Он вздохнул. — Но это так...

— В стиле старшей школы? — рассмеялась я. — Не забывай, малыш. Твоя девушка все еще старшеклассница.

— Ммм... девушка. Мне нравится, как это звучит. — Дэниел прижал свой рот к моей шее и начал медленно посасывать мою кожу, дразня меня. Его язык порхал туда-сюда медленно, а затем быстро, его посасывание кожи стало более интенсивным. Я изогнула шею в его направлении, держа руки на его бедрах. Когда он отстранился, я почувствовала легкий поцелуй на своей шее. — Я полагаю, что это делает тебя моей.

Я покачала головой.

— Я была твоей еще даже до того, как мы встретились.

— Этот неловкий момент, когда ты обнаруживаешь людей, целующихся перед могилой твоих родителей.

Мое сердце было готово выпрыгнуть из груди, когда я услышала еще один голос, нависающий над нами. В страхе я быстро отстранилась от Дэниела. Его взгляд переместился на парня, стоящего рядом с нами, и я ахнула.

Я могла бы смотреть на Дэниела, если бы не знала лучше. Единственное различие было в том, что у парня была короткая стрижка, и его взгляд был очень холодным. И еще больше потерянным.

— Что ты здесь делаешь? — спросил Дэниел. В его глазах был взгляд, которого я не видела прежде. Ненависть? Любовь? Мог ли кто-то любить и ненавидеть в одно и то же время?

— Ну, я в городе и подумал, что хочу пойти поздороваться с мамой и папой. Я бы спросил, что ты здесь делаешь, но... — Он уставился на меня с ухмылкой, и я обняла себя руками. — Я думаю, это довольно очевидно.

Глаза Дэниела переместились ко мне и затем к своему.. брату? Я чувствовала, что снова краснею. Как долго он стоял там?

— Я рад, что ты нашел себе девушку. Она милая, — сказал незнакомец. — Вероятно, из-за этого тебе легче спать по ночам, ага?

— Иди домой, Эшлин, — приказал Дэниел.

Я посмотрела на него, озадаченная. Почему я должна уходить?

— Ч-что? Подожди...

— Сейчас же. — Слово было сказано сурово и причиняло боль.

Я мгновенно забеспокоилась от того, как он говорил со мной. Он никогда не казался таким резким, таким отстраненным — даже когда узнал, что я его ученица. Я чувствовала, как мое сердце подпрыгнуло, и глаза Дэниела смягчились, когда он уставился в мои зеленые.

Я сделала шаг к нему, чтобы попытаться успокоить его внезапные личностные перемены, но он только сделал шаг назад.

Это больно.

Я повернулась к парню, который послал мне хитрую улыбку. Габи стояла за двумя парнями, играя на гитаре, и пела Битлз «Let It Be». Я нахмурилась, тихо умоляя ее помочь

мне понять, что происходит.

Затем она ушла.

Потому что на самом деле ее там не было.

После вечности сомнений и нерешительности, я ушла, безмолвно прощаясь с ними и чувствуя внутреннюю пустоту.

Я подождала пока не вышла с кладбища и снова начала плакать. Я ненавидела то, как много плакала за последний год. Я должна быть сильной.

Я вернулась в дом Генри и сразу ринулась в спальню. Я пыталась не вдаваться в размышления. Он напишет мне. Он объяснит. Хейли была в душе, поэтому я могла поплакать в одиночестве в своей кровати. Я выгащила свой телефон и начала ждать его ответ.

И ждала.

И ждала.

Проходили часы, я пропустила ужин, и в мой разум закрались темные мысли. Он все еще не написал мне.

Я: Что это было?

Мой желудок скручивало узлами от волнения, и я ждала, что мой телефон просигналит, чего не произошло.

Я: Пожалуйста, не игнорируй меня.

Ничего.

Я: Не делай этого... пожалуйста...

Я умоляла его ответить. Умоляла его ответить мне.

Я: Мы поговорим завтра?

Ничего. Никакого ответа. Я накрыла лицо руками и начала неконтролируемо рыдать.

— Я виню тебя, что заставила меня писать эту гребаную пр... — Райан ворвался в мою комнату и остановился, когда увидел, что я реву на своей кровати. — Эшлин, что случилось? — он подошел ко мне, и я начала плакать еще сильнее от беспокойства в его глазах.

Я бы хотела рассказать ему. Я бы хотела рассказать кому-нибудь, кому угодно. Но больше всего я хотела, чтобы я могла рассказать Габи. Она бы знала, что сказать. Она бы знала, что делать. Из нас двоих она была разумной, не я.

Райан лег рядом со мной, обнимая меня. Я притянула его ближе, рыдая ему в грудь.

— Боже, ребенок... что произошло? — шептал он.

Я не могла ответить, и я сомневалась, что он вообще ждет ответа. Прежде чем поняла это, я почувствовала, что еще одна пара рук обняла меня, и еще одно тело накрыло меня в крепких объятиях. Хейли.

Мы не говорили. Они просто обнимали меня, давая мне знать, что я не одинока. Генри появился следующим, заглядывая в спальню. Он ничего не сказал, но подошел и сел на край моей кровати.

Это был самый большой комфорт, который я получала от него. Когда-либо.

21 глава

*Мне нравится то, как ты лжешь,
Когда я прошу тебя остаться.
Мне нравится то, как ты флиртуешь,
Когда мне нужно, чтобы ты ушла.
~ Скитания Ромео*

— Ты, возможно, захочешь распустить волосы, — пробормотал Райан мне на ухо за завтраком. — Если Генри увидит огромный засос на твоей шее, он может выйти из себя.

Я ахнула на его комментарий и вытянула руку, чтобы распустить свой небрежный пучок, прикрывая свою шею.

Райан фыркнул.

— У нас будет очень напряженный разговор в машине Хейли сегодня. — Он послал мне суровый взгляд. — Собираюсь в библиотеку... как же.

Хейли вошла в кухню, выглядя как зомби. Она схватила кружку, налила апельсиновый сок и вышла.

— Она не утренний человек, да? — спросила я.

— Нисколько. — Райан сделал паузу. — Ты в порядке? Прошлым вечером ты была своего рода...

— Беспорядком?

— Сексуальным беспорядком, — он ухмыльнулся. Он всегда был так без особых усилий красив. На нем была простая синяя рубашка-поло, его ожерелье и какие-то джинсы. Все что он делал с волосами — проводил рукой по ним. Тем не менее, Райан выглядел так, как будто сошел с обложки GQ. Каждый. Гребаный. День.

— Да. Я в порядке. Просто прохожу через жизненные изменения.

Он рассмеялся, пододвигаясь, чтобы налить мне чай в кружку.

— Это может быть реально хреново иногда.

Он не лгал. Я поблагодарила его за чай и встала со стула. Я направилась в гостиную, где нашла Ребекку. Она сидела на диване и смотрела новости. Я провела по волосам на затылке.

— Ох, эй, Эшлин. — Она жизнерадостно улыбнулась, отпивая свой кофе. — Иди сюда. У меня есть вопрос к тебе. — Она указала рукой на место на диване рядом с собой.

Моя задница нашла диванные подушки, и я погрузилась в них. Она поставила обе наши кружки на стол. Ребекка улыбнулась и подо двинулась ближе, взяв мои руки в свои.

— Как ты?

Как я должна ответить на это?

Хорошо. Я ненавижу почти всех парней в школе.

Хорошо. Мне нравится обедать с твоим сыном геем и дочерью буддисткой.

Хорошо. Я ничего не слышала от своей мамы, а у Генри в кабинете нет ни одной фотографии, доказывающей, что я существую.

Хорошо. Я почти занялась петтингом со своим учителем на кладбище прошлым вечером, прямо перед могилой его родителей и у меня есть засос, чтобы доказать это. Затем он внезапно и без объяснений оттолкнул меня.

— Я в порядке, — пробормотала я. — Хорошо.

Она выпустила вздох облегчения и похлопала меня по рукам.

— Бог наш благ, не так ли?

Я сощурила глаза на нее и кивнула.

— Конечно. — Я сделала паузу, задаваясь вопросом, какой понимающей Ребекка была, когда дело касалось ее проблем. Она никогда не казалась мне слишком напористой или консервативной. Поэтому я удивлялась, почему Райан и Хейли хранили свои личные секреты. То, как они поддержали меня прошлой ночью, заставило меня захотеть помочь и им.

— Эй, Ребекка... что бы ты сказала, если бы я рассказала тебе, что люблю девушек?

Ее руки опустили мои, и она слегка рассмеялась.

— Что? — затем это случилось. Я увидела перемены всей ее личности. Она натянуто улыбнулась и встала. — Мне лучше убедиться, встала ли Хейли в школу.

— Она собирается. Мы с Райаном видели ее.

Ребекка выключила телевизор и двинулась к лестнице.

— Да, но просто хочу убедиться. Никогда нельзя быть уверенным в подобном.

Она двигалась в спешке, устремляясь вверх по лестнице. Я пыталась ухватиться за множество эмоций, которые плескались в ее глазах. Страх, вина, злость? Не было никаких сомнений, что в ее поведении была сдерживаемая ярость. Тем не менее, это было не главное, что я заметила.

Нет, это была печаль, которая преобладала в ее внешнем виде.

Но почему это сделало ее грустной?

Я услышала крики, раздающиеся с коридора на втором этаже. У Ребекки и Генри был сильный спор с криками. Генри спустился вниз по лестнице — громко шагая — и встал передо мной. Он провел пальцами по своей бороде и вздохнул.

— Ты лесбиянка?

Моя челюсть отвисла на его прямой вопрос.

— Генри! — прошептала я резко.

— Ну, так что? — он сделал паузу и переминался с ноги на ногу. — Потому что мне все равно. Правда все равно. — Он шмыгнул носом и приложил руку к груди. — И если тебе

здесь некомфортно, мы найдем какое-нибудь другое место.

Наступила тишина. Я наклонила голову к нему и мое тело замерло. Его зеленые глаза были наполнены таким энтузиазмом и честностью.

— Ты переедешь? Ради меня?

Он провел своими пальцами по губам и вздохнул.

— Конечно, перееду. Эшлин. Ты моя... — Его слова затихли. Он прочистил свое горло. — Ты моя дочь. И мне совершенно все равно кого-то ты любишь Ты прошла через многое в этом году и...

— Я не лесбиянка.

Генри сделал паузу и изогнул бровь. Он замер от странного удивления. Как будто уже смирился в своей голове, что мы переедем из-за моей сексуальной ориентации.

— Ты не лесбиянка?

— Я не лесбиянка, — повторила я.

— Иисус Христос, Эшлин! — он тяжело вздохнул и упал в кресло. — Это все хорошо и превосходно, но если бы мы могли попытаться избегать подобных тем до семи утра, чтобы держаться подальше от таких споров, было бы великолепно.

Я отвернулась от Генри, который испытал облегчение, что нам не нужно собирать свои вещи. Улыбка тронула мои губы.

Он поставил мои нужды на первое место.

Я никогда не думала, что он поставит мои нужды на первое место.

Поездка на машине в школу сопровождалась пугающим молчанием после ссоры Генри и Ребекки. Напряжение было явным. Я приложила все усилия, чтобы погрузиться в заднее сиденье.

Глаза Райана поймали мои через зеркало заднего вида, и он вздохнул.

— Послушай, я понимаю, чего ты хочешь добиться, задавая моей маме такие вопросы и все такое, но... — он пробормотал что-то себе под нос. — Я знаю, какая она, хорошо? Я знаю, как она отреагирует. Просто не пытайся. Во-первых, она не одобрит, а во-вторых, я не готов к ее неодобрению.

Я провела пальцами по серой обивке сиденья, мое сердце бешено стучало в груди. Я чувствовала себя ужасно, что обсуждала это с Ребеккой.

— Прости, Райан, — я правда хотела извиниться. Я не имела права поднимать такой вопрос.

Мы подъехали на парковку у школы и вышли втроем. Я увидела, что Хейли выбралась из машины и посмотрела на Тео, который махал ей.

— Увидимся с вами, ребята, позже. — Она пошла в его направлении, и я попыталась остановить ее. Райан положил руку на мое плечо.

— Ей нужно учиться на своих собственных ошибках, Чикаго, — сказал он. Его голос был понижен. — Я знаю по себе.

— Мне правда-правда жаль. Я не собиралась раздувать такую большую проблему ранним утром. Или вообще создавать проблему.

— Все в порядке, — сказал он, обнимая меня рукой за плечи. — Теперь, при условии, что ты расскажешь мне, откуда у тебя этот засос, мы правда будем в порядке.

Я рассмеялась, когда прижалась к нему.

— Ты не поверишь, если я расскажу тебе. — Когда я подняла взгляд, то увидела, что Дэниел идет прямо рядом с нами к зданию школы, его глаза вперились в мои. Его губы немного дернулись, а его глаза были еще более голубые на контрасте с его голубой рубашкой.

— Доброе утро, Райан и Эшлин, — сказал он.

— Доброе утро, мистер Д, — ответил Райан, его руки все еще были вокруг меня.

Дэниел увидел хватку Райана и уставился на меня на долю секунды. Я притянула своего друга ближе к себе, посылая Дэниелу ненавистный взгляд.

— Доброе утро, мистер Дэниелс.

Начался урок английского, и Дэниел ни разу на меня не посмотрел. Он не только игнорировал все мои сообщения, но также игнорировал меня на уроке. Великолепно — все возвращается на круги своя.

— Ладно, кто первый хочет презентовать свою малую прозу?

Никто не поднял руки. Глупая малая проза. Глупый учитель, заставивший ее писать. Глупая жизнь.

Дэниел нахмурился, оглядывая всех. Затем его лицо осветила яркая улыбка.

— Хорошо, Эйвери. Спасибо, что вызвался добровольно! Поднимайся.

Эйвери застонал.

— Да ладно, мистер Дэниелс. Я не вызвался добровольно, — он пыхтел и фыркал.

— Ох... ну хорошо. Тогда тебе повезло, что тебя выбрали. Вставай сюда.

Эйвери потащил свое тело к передней части класса, когда Дэниел занял место на одном из свободных стульев в задней части класса. Эйвери был большой подросток, и мысль услышать, как он зачитывает малую прозу вызвала бы у меня ухмылку на прошлой неделе. Но сегодня мои глаза были опухшими, у меня было ПМС, и все вокруг раздражало.

Эйвери прочистил горло и ругался себе под нос, утверждая, как глупо это было.

— Сиськи, выпивка, футбол. Вот настоящая жизнь. — Класс засмеялся. Его приятели по футболу загудели и заорали. Но я заметила, что Эйвери нахмурился. Дэниел, должно быть, тоже заметил это.

— Попробуй еще раз. Эйвери, — сказал он с задней части класса. Я не поворачивалась, чтобы увидеть его.

Эйвери вздохнул, прочистил свое горло и прочитал со своего листа.

— Ищу большего, но недостаточно умен, чтобы получить то, что хочу.

Мы с Райаном начали хлопать ему, а остальная часть учеников смеяться.

— Неудачник, — закричал один из его товарищей по команде.

— Жирный неудачник, — закричал другой.

Он закатил глаза и ударил их, когда проходил мимо.

Это были шутки, что всегда ранила больше всего.

Эйвери толкнул одного из своих товарищей по команде.

— Да, ну, этот жирный неудачник может заполучить больше девчонок, чем ты.

Райан рассмеялся про себя.

— Сомневаюсь в этом.

Эйвери сверкнул глазами на Райана.

— Ты хочешь что-то сказать, Тернер? — почему футболисты всегда называли людей по фамилии? Эйвери вообще знал имя Райана?

Райан закатил глаза и отклонился назад на своем стуле.

— Ни слова.

— Полагаю так и есть. Кажется, тебе всегда сказать нечего.

Эйвери вернулся на свое место. Остальная часть класса по очереди зачитывала свою малую прозу. Но у Райана была моя любимая.

— Звезды взорвались, и я был рожден. Пожалуйста, зовите меня Тони. — Он зачитал, и никто ничего не понял, — кроме меня. Райан подмигнул мне, и я улыбнулась.

Я была следующей. Дэниел даже не назвал меня, но я не была удивлена. Его навыки игнорирования были на высоте. Я встала перед классом без листка в руках и уставилась прямо в глаза Дэниелу.

— Идентичные близнецы вместе до смерти. Скитания Ромео в поисках Джульетты.

Я видела борьбу в его глазах. Он не знал что сказать, не знал, как реагировать.

Райан попросил Дэниела выйти со своей собственной малой прозой, и он пошел в переднюю часть класса.

— Шекспир, поцелуи, списки. Не хочется видеть реальность. Хочется еще помечтать.

Я ненавидела его, потому что всхлипнула, и слезы начали катиться по моим щекам. Класс рассмеялся над его малой прозой, но это не было забавно.

— В этом нет никакого смысла! — спорил Райан.

Прозвенел звонок и Дэниел рассмеялся про себя.

— Хорошо, класс. Отлично поработали сегодня. Убедитесь, что прочитали первые три главы «Убить пересмешника» на завтра. Ходят слухи, что может быть внеплановая контрольная.

Райан застонал, когда забросил свой рюкзак на плечо.

— Это не слухи, если вы говорите нам об этом, мистер Д.

— Не все слухи — правда, Райан, но лучше планировать, как будто это правда, — усмехнулся Дэниел.

Я закатила глаза. Я ненавидела его ухмылки.

Вздых.

Я любила его ухмылки.

Райан сказал мне, что увидит меня на обеде. Только несколько учеников остались в классе. Я подошла к столу и подняла свои книги.

— Мистер Дэниелс, у меня есть вопрос по заданию на чтение. Сможете мне помочь?

Он сощурил глаза на меня.

— Да, конечно. Что такое? — это была самая длинная фраза, которую он сказал мне за последние несколько часов. Последний ученик покинул класс, и он вздохнул. — Эшлин...

— Это из-за письма, что я дала тебе? О любви к тебе? Потому что если это...

— Эшлин, нет. Это не так. Я клянусь.

— Значит это просто потому, что ты придурок? — я ждала ответа, которого так и не последовало. — У меня есть еще одно письмо для тебя от моей сестры. — Он изогнул бровь.

Я положила его на стол. Спереди он прочитал: #25. Клуб разбитых сердец. Он вздохнул, вытянул руку к нему и открыл его. Когда я наблюдала, как он вытаскивает фото Габи, я ахнула. Я чуть не расклеилась, когда увидела ее. Она смотрела прямо в камеру, показывая

два своих средних пальца. Вот это моя девочка.

На обратной стороне фото была надпись черным маркером: «Пошел на хер за то, что обидел ее».

Я хотела рассмеяться, но не сделала это. Я хотела заплакать, но не сделала это.

Дэниел улыбнулся.

— У нее было твое очарование.

Хотя он ошибался. В Габи было больше очарования, чем во мне.

— Ты сказал, что хочешь, чтобы я была твоей... — прошептала я, придвигаясь ближе к его столу.

— Я знаю, Эшлин. И я хочу... Просто... Это сложно.

Я закатила глаза.

— Для очень умного парня ты ведешь себя как полный придурок. Я — определение сложности, Дэниел. В чем дело? Ты игнорировал меня весь вечер из-за своего брата...

— Вы говорите обо мне?

И вот снова он, стоит в дверях кабинета Дэниела, глядя на нас. Я повернулась к нему лицом и увидела удивление в его взгляде при виде меня.

— Ох... ох вау.

О нет.

— Это что-то новенькое, ага? Встречаться с ученицами, да? — он вошел в класс и сел на край стола Дэниела.

— Это не так, как выглядит, Джейс... — сказал Дэниел с низким рычанием.

Джейс.

Я не знала дьявола, у которого было такое приятное имя.

— Правда? — он наклонился ближе, прошептав Дэниелу: — Потому что все выглядит так, будто ты трахаешь свою ученицу.

От шока моя челюсть отвисла.

— Мы не...

— Эшлин! — зашипел Дэниел, ударив рукой по столу. — Не говори с ним.

— Не беспокойся. Я зашел просто поздороваться. Вот. — Джейс вытащил кусок бумаги и вложил в руку брата. — Позвони мне позже ради небольшого братского воссоединения. Я принесу пиво. Ты приведешь цыпочек? — он послал мне широкую улыбку, и я так сильно хотела ударить его. — Просто убедись, что моя достигла совершеннолетия. Я провел уже достаточно времени за решеткой. — Он исчез из класса, оставив меня пораженной.

Дэниел стиснул челюсть, и он опустил свою голову, потеряв заднюю часть шеи.

— Мне нужно, чтобы ты ушла, Эшлин.

— Что у него на тебя? — спросила я вслух

Все было хорошо до появления его брата. На краткое мгновение я могла поклясться, что мы были... счастливы.

Он проигнорировал меня. Я выпустила нервный смешок, развернулась и ушла. Я была так глупа, что даже на секунду подумала, что мы снова были нами.

Я не должна была останавливаться, чтобы наблюдать за Дэниелом, когда увидела его стоящим в одиночество на кладбище недели назад.

Я должна была продолжить идти. Я должна была притвориться, что не заметила его.

Но я заметила его.

И на краткий момент времени он тоже заметил меня.

Хейли не появилась на обеде. Я заметила, что Тео тоже не было в столовой. Сидя за столом, я вздохнула, когда увидела, что Дэниел смотрит в мою сторону. Он отвел взгляд, прежде чем кто-нибудь еще мог заметить.

Подошел Райан и стукнул свой поднос об стол.

— Ладно, я знаю, что сказал, что она должна учиться на своих ошибках насчет Тео, но я правда думаю, что она должна делать лучший выбор.

— Хейли умная. Она будет в порядке, — сказала я, забирая немного картошки фри с его тарелки.

— Если он снова причинит ей боль... — его голос был мрачен, когда он огляделся вокруг, ожидая, что войдет Хейли. — Я убью его. — Он засунул руку в карман и вытащил свою фальшивую пачку сигарет.

— Райан, что это на самом деле? — спросила я, любопытство, наконец, толкнуло меня достаточно далеко, чтобы задать ему вопрос о его фальшивой сигаретной привычке.

Он осматривал свои пальцы, которые держали невидимую сигарету. Его губы сморщились, и он положил свои руки на стол.

— Когда мне было тринадцать, я сказал отцу, что думаю, что я гей.

Мое сердце перестало биться при упоминании его отца. До этого я не слышала, чтобы он или Хейли говорили о нем.

Райан продолжил:

— Я плакал и плакал, потому что мы ходили в церковь, ты знаешь? И мама верила в Ад. Она до сих пор верит, конечно же. Она рассказывала нам, что грешить — это неправильно, что тот, кто делает плохие дела — отправится в Ад. Поэтому я знал, что то, как я чувствую было неправильно. Я был неправильным.

Ох, Райан.

— Отец сказал мне, что это не имеет значения. Ничего из этого не имеет значения. Я был ребенком, и он любил меня. Он сказал, что поговорит с мамой, и я умолял его не делать этого. Я умолял его оставить это между нами. Несколько ночей спустя, я сидел наверху лестницы в нашем доме и слушал их ссору. Из-за меня. Он сказал ей, что думает, что, возможно, я гей, но не утверждал, что это факт. — Райан сощурил глаза, смотря на свои пальцы. — Она обозвала его лжецом и кучей других мерзкий слов. Я полагаю, что она также обвинила его в измене. Что было глупо. Он бы никогда... — он сделал паузу. — Она сказал ему уйти, никогда не возвращаться. Я бросился в свою комнату. Из окна я наблюдал, как он выходит из дома. Он зажег сигарету и начал курить ее, проводя рукой по волосам, затем сел в машину и уехал.

— Он не вернулся? — спросила я, мои внутренности свернулись в узел.

— Заголовок был, эм... — он сощурил глаза, копаясь в своей памяти. — Пол Тёрнер, отец двоих детей, погиб в ужасной автокатастрофе на углу Джефферсон-авеню и Пайн-стрит.

Чувство вины и ответственности были так сильны в словах Райана. Его пальцы подняли невидимую сигарету, и он расположил ее между губами.

— В этом не было твоей вины, Райан.

Он поднял свои пальцы и уставился на них.

— Коробка для сигарет является напоминанием, почему мой секрет — это секрет. Все это причиняет людям боль. Я ношу с собой коробку везде, где хожу.

Наш разговор завершился, когда Хейли в спешке подошла к столу.

— Извините, я опоздала.

Я подняла взгляд, увидела, что Тео входит в столовую, и сморщилась. Я все еще ненавидела его.

— Мы снова вместе, — Хейли ярко улыбалась. — Я извинилась за то, что была такой контролирующей девушкой, и он сказал, что наши души все еще могут путешествовать вместе.

— Ты извинилась? — взвизгнула я, недоумевая.

— Ты не понимаешь, Эшлин. Я люблю его.

Любовь? Я начала задаваться вопросом, что означает это слово. Казалось, что люди сейчас разбрасываются этим словом направо и налево. Включая меня.

Райан игнорировал свою сестру, не радуясь ее выбору. Я должна была признать, чтобы немного разочарована тоже.

Он повернулся ко мне.

— Это был Джейк? Он поставил тебе засос?

Я покраснела.

— Нет.

— Но он хочет поставить тебе засос?

— Да.

— И... парень, который поставил его тебе...

Я нахмурилась.

— Его больше нет на горизонте.

22 глава

Потерянный.

~ Скитания Ромео

Я сидел на краю пристани, наблюдая, как солнце опускается в озеро. Я чувствовал себя побежденным, уставшим и истощенным. Казалось, что каждый раз, когда счастье появлялось на горизонте, возвращались тени, чтобы поглотить его. Жизнь была несправедлива, и я ощущал себя тупицей, думая, какой она должна быть. Но я хотел ее такой. Мне нужно было, чтобы жизнь была справедливой, хотя бы на некоторое время. Потому что мне нужна была она.

Эшлин была единственным человеком в моей жизни, который сражался с тьмой.

Шаги позади меня были тяжелыми. Я знал, что это был он, даже прежде чем он заговорил. Я сам позвонил ему и сказал встретиться со мной здесь.

— Какие странные ощущения вызывает возвращение сюда. — Я повернулся и увидел, что Джейс идет в мою сторону. Его руки были засунуты в карманы. Он подошел и сел рядом со мной. — Я не был здесь с тех пор, как мама... — его слова затихли. Он опустил пальцы в воду, от его прикосновений образовалась рябь. Он заражал воду, даже не зная этого. Потому что вот таким был Джейс: разрушал вещи, людей. Он никогда не старался делать это, но делал. — Внутри я видел Рэнди. Он тоже живет здесь?

Я не ответил.

— Он сказал, что вы, ребята выступаете в баре «У Джо» дважды в месяц?

Откашлявшись, я прочистил свое горло.

— Что ты делаешь здесь? Чего ты хочешь? — спросил я, ощущая, что мое тело начинает накаляться от его прихода. Всякий раз, когда Джейс оказывался рядом, смерть бродит где-то недалеко.

Он повернулся в мою сторону, вытерев мокрые руки о свои джинсы. Его взгляд был озадаченным от моего вопроса.

— Я вернулся, чтобы выяснить, кто убил маму, Дэнни. И я в шоке, что ты не приложил ни одного долбаного усилия к этому, после того как упек меня за решетку!

Мой голос быстро повысился.

— Я должен был отправить тебя за решетку... — я выдохнул, а затем сделал вдох. В течение нескольких месяцев я проигрывал нашу встречу в голове снова и снова. Я надеялся, что он поймет, почему я должен был отослать его, почему у меня не было выбора. — Я отправил тебя за решетку, потому что ты бы был следующим, Джейс. Ты бы придумал какой-нибудь глупый план мести и этим подписал себе смертный приговор.

— Я не тупой, — прошипел он. — Я смог бы справиться...

— С чем ты смог бы справиться?! Выследил бы мудака, который убил маму?! — мои ладони оттолкнулись от края пристани, и я вскочил. Джейс встал почти так же быстро, как и я. — Может, тебе стоило бы взбесить еще несколько головорезов, и они бы убили нас с папой тоже, прежде чем разнесли тебя в пух и прах!

— Да пошел ты, Дэнни! Ты отправил меня за решетку. Ты сдал меня. Ты мой брат! — закричал он. Я видел обиду в его глазах, его пальцы сжались в кулаки.

— Ты мой младший брат! — я закричал громче, раздраженно подбрасывая руки вверх. — Ты мой младший брат. Я собираюсь сказать тебе один раз, Джейс. Не делай этого. Не копайся в этой хрени. — Мои глаза вперлись в него и я скрестил руки. — Я уже похоронил маму и папу. Не заставляй меня выбирать еще один гребаный участок на кладбище.

— Я не был здесь... чтобы похоронить своих родителей. — Он шмыгнул носом и провел пальцем под ним. Его руки расположились на талии. — Рэд снова мне доверяет.

— Джейс...

— Нет, это хорошо. У меня был шанс сдать его и его ребят, когда я попал в тюрьму, но я не сделал это. Я держал свой гребаный торт на замке и Рэд... он доверяет мне. Он позволил мне вернуться.

— Ты не думаешь, что это немного странно, как быстро он простил тебя?

Джейс пожал плечами.

— Я не сдал никого в тюрьме. Это называется преданность. Кое-что, о чем ты понятия

не имеешь.

Я потянулся в задний карман и вытащил свой бумажник.

— Послушай, Джейс... У меня есть двести баксов. Мы можем пойти в банк, и я сниму больше. — Я протянул ему деньги. — Ты сможешь остаться с бабушкой в Чикаго на некоторое время. Чтобы прояснить голову.

— Моя голова чиста, Дэн.

— Это не так. — Я подошел к нему и крепко обернул руки вокруг его головы. — Она не чиста, если ты хоть на гребаную секунду думаешь, что этот парень, Рэд, доверяет тебе. Уезжай из города, Джейс. Пожалуйста.

— Я должен узнать, кто сделал это, — прошептал он, его глаза были наполнены слезами. — Я должен найти того, кто убил маму, и лучший способ сделать — изнутри.

— Зачем? Почему ты просто не оставишь это? Она умерла. Ее не вернешь.

— Потому что я сделал это! — закричал он, указывая на место, где умерла мама. — Я причина того, что она... — Он прижал кулак ко рту. — Ее кровь. Ее смерть. На моих руках.

— Нет. — Я покачала головой. — Она на руках больного мудака с пистолетом.

— Ты знаешь, все не так должно было быть, — сказал он тихо. — Знаешь, я тоже должен был пойти в колледж. Отец думал, что я могу пойти туда.

— Ты все еще можешь.

— Я хочу вернуться. Хочу вернуться в группу. Я хочу излечиться от наркотиков. Я хочу прекратить все это.

— Джейс...

Он прикусил нижнюю губу и отвернулся от меня. Он прижал руки в голове, сцепив их вместе.

— Рэд хочет, чтобы я передал кое-какую его продукцию людям. Это достаточно легко. Клиенты — легкие цели.

— Клиенты? Какие клиенты?

Он повернулся ко мне.

— Послушай, Дэнни. Мне просто нужна небольшая помощь. Если несколько детей в твоей школе...

— Ты продаешь детям? Ты продаешь моим ученикам? — мои глаза расширились в ужасе. Я сделал шаг назад.

— Это не я, Дэнни. Это Рэд. Он проверяет меня. Он смотрит, может ли полностью мне доверять. И если я передам его продукцию некоторым из них, он сказал, что позволит мне получить свою месть. Он расскажет мне имя парня, который убил ее. И ты, работая учителем в Эджвуде, может... может, ты сможешь помочь мне, назвав имена детей, кто принимает.

— Ты чертовски сумасшедший. Ты слышишь себя? Он использует тебя, Джейс! Он дразнит тебя, таскает тебя туда-сюда, как гребаную игрушку. Ты думаешь, он не знал, что я учитель там? Ты думаешь, он не знал, что это испортит и мою жизнь?

— Это не так! — он обещал и лгал в одно и то же время.

— Это уже так. — Я сделал паузу. — Я не буду помогать. И если я увижу тебя рядом с моей школой, я снова упрячу тебя за решетку.

Он нервно рассмеялся.

— Так же как тогда, ха?

Я ничего не сказал.

— Ты снова упрячешь меня за решетку за попытку найти убийцу нашей матери? — он

сделал паузу и отшвырнул невидимый камень. — Ладно. Мне не нужна твоя помощь. Но если ты встанешь на моем пути, я потоплю тебя.

— Ты пытаешься продавать наркотики ученикам, Джейс. Не я.

— Ты прав. Ты абсолютно прав, — сказал он. — Но ты тот, кто трахает свою ученицу, не я. Кто это? Эшлин? — мои руки сжались в кулаки, и сердце забилося сильнее. Должно быть, он тоже заметил. — Ох, это щекотливая тема? Твое лицо все красное.

— Джейс, — сказал я холодно. Но я больше ничего не мог сказать.

— Ты был прав в одном, Дэнни. — Он вытащил сигарету и зажигалку из кармана. Расположив сигарету между губами, он подкурил ее. Его пальцы двинулись к виску, и он постучал по нему. — Я чертовски сумасшедший. Поэтому не переходи мне дорогу. Или я разрушу твою жизнь и жизнь твоей маленькой ученицы. Мне интересно, что бы другие подростки сказали о ней. Как мы оба знаем, старшая школа может быть настоящим адом.

— Джейс, если это по поводу Сары... — я начал предупреждать его, но он перебил меня.

— Нет! — его слова становились суровее. — Не приплетай ее в это. Я не шучу. Я, черт побери, испорчу жизнь твоей девчонке.

Он начал уходить, и я тяжело вздохнул.

— Что бы подумали мама и папа? Насчет того, что ты делаешь?

— Ну, — он не оглянулся, — я думаю, что они гордились бы мной, что я на самом деле довожу что-то до конца. Добиваюсь правосудия в маминой смерти.

И как инфекционное заболевание, Джейс снова распространился по всей моей жизни. Я бы отстранился от его проблемы. Я бы сфокусировался на музыке. Сфокусировался на преподавании.

Тем не менее, почему-то каким-то образом, мы снова были на том же месте.

Я направился в дом и услышал звуки играющей гитары. Рэнди сидел на диване в гостиной, работая над каким-то новым текстом песни. Он поднял взгляд на меня.

— Когда Джейс уедет? — спросил он, играя новую мелодию.

— Не знаю, но он здесь. — Я плюхнулся на диван и провел рукой по своему лицу.

— Хотя он выглядит хорошо. Излечившимся от наркомании.

Я должен был согласиться с этим. Я всегда мог сказать, когда Джейс принимал — он становился нервным, пугливым. Но когда я видел его на кладбище и в школе, он казался сильнее. Он выглядел как до того, как стал принимать наркотики.

Его волосы были подстрижены, и он был в деловом костюме — вероятно, одно из правил того парня Рэда. Но я знал Джейса. Я знал, каким эмоциональным он был глубоко внутри, каким сломленным. Так что если там был соблазн наркотиков, то пройдет немного времени, прежде чем он вернет их в свою жизнь.

— Над чем ты работаешь? — спросил я, меняя тему.

Рэнди поднял книгу и передал мне.

— Отелло. Я пытаюсь придумать кое-какой новый материал. Я подумал, что в пятницу мы, возможно, могли бы открыть этим шоу в The Upper Level. Я знаю, что это немного в последнюю минуту, но...

— Дай мне посмотреть текст.

Он передал мне листок, и мои глаза перемещались туда-сюда. Рэнди был гениальным музыкантом и сочинителем, поэтому у меня не было сомнений, что слова были хороши. Тем

не менее, они были лучше, чем хороши. Они были умопомрачительными.

Тихий шепот темных душ.

Сейчас моя человеческая сторона неконтролируема.

Я вижу цвета, что не имеют смысла,

Но в твоих глазах я знаю, правда существует.

Похищенная, ненормальная, необузданная.

Вернись ко мне.

Возьми меня за руку.

Танцуй. Танцуй на запретных землях.

— Я хотел что-то немного мрачное. Что-то смелое. Ты знаешь, Шекспир вбирал в себя все стороны.

— Передай мне гитару, — сказал я. Мои пальцы начали брэнчать на гитаре, чувствуя, как струны двигаются между моих кончиках пальцев. Я закрыл глаза, когда играл, и как всегда там была Эшлин. Музыка притягивала ее только ближе ко мне, звуки воплощали мое воображение в жизнь.

Я не мог позволить Джейсу разрушить ее жизнь. И я не мог позволить ей думать, что мне все равно. Но что я мог сделать?

23 глава

Воздух уплотнен.

Мой разум затуманен.

Скажи мне, что мы не потеряем все это.

~ Скитания Ромео

Следующие несколько дней в школе были тяжелыми. Я застрял в затуманенном, изнуренном настроении. Я едва спал, потому что, когда не думал об Эшлин, я беспокоился за Джейса. Он мог причинить боль кому-то. Мог причинить боль себе. Мог причинить боль моим ученикам. Он мог причинить боль Эшлин.

После урока, когда Эшлин не отводила взгляда от своего стола, я знал, что должен поговорить с ней. Попытаться объяснить ситуацию. Прямо перед обедом, я видел, что она идет с этим парнем, Джейком. Он был рядом с ней изо дня в день, пытаюсь облегчить свой

путь в ее сердце. Пытаясь украсть мое место. Хотя ему не нужно было так сильно пытаться. Я просто передал его ему. Я даже не боролся за нее.

На краткое мгновение она посмотрела в мою сторону, прежде чем повернулась к нему и рассмеялась громче. Ее рука опустилась на его грудь, и он широко ухмыльнулся. То, как она перекинула свои волосы через плечо и хихикала над ним, причиняло мне боль. То, как он придвинулся ближе и смешил ее, выводило меня и себя.

Он флиртовал с ней, а она флиртовала в ответ.

Но я знал ее.

Она флиртовала только для того, чтобы заставить меня ревновать.

Это срабатывало.

Даже зная, что это было только для того, чтобы вывести меня из себя, я понимал, что ей нравится сама эта идея. Прикосновения на публике. Кое-что, что я не мог дать ей. Какой мужчина не мог дать своей девушке любовь, которую она желала, которая была ей нужна

Мои кулаки сжались, и я сделал шаг вперед, ярость заполнила мое тело. Я не знал, что собираюсь делать, но должен был что-то предпринять. Я не мог просто отказаться от нее, позволить ему забрать ее. Она могла не быть уже моей. Она могла бы отвергнуть идею, о том, что снова будем «мы», после того как я облажался и игнорировал ее в какой-то странной попытке защитить, но...

Я принадлежал ей.

Каждая часть меня.

Каждый сантиметр меня принадлежал Эшлин Дженнингс.

И каждый раз, когда она смеялась над чем-то, что говорил Джейк, каждый раз, когда она касалась его руки, а не моей, часть меня исчезала. Часть меня пропадала.

— Эшлин! — окликнул я ее. Она посмотрела на меня, как будто я сумасшедший, сощурился. — Могу я поговорить с тобой, насчет твоей работы?

Она сказала Джейку, что встретится с ним в классе, и подошла ко мне.

— Что это было?

Я повел ее в свой кабинет и закрыл за нами дверь. Мои кулаки разжались, и я немного наклонился, прошептал:

— Почему ты вот так ведешь себя с ним?

Она скрестила руки.

— Не твое дело, — ответила она, в ее тоне был серьезный настрой.

Я зарычал, проведя руками по волосам.

— Ты делаешь это, чтобы заставить меня ревновать.

— Я ничего не делаю, — сказала она с лукавой ухмылкой, обожая тот факт, что она пробралась мне под кожу.

— Да, ты... — я сделал глубокий вдох. Я понизил голос. — Эшлин... сейчас не время действовать согласно твоему возрасту.

— Ты назвал меня ребенком? Меня? Единственную, кто, кажется, знает, что общение решает многие проблемы? — ее глаза расширились на мой комментарий, и губы приоткрылись. — Да пошел ты, мистер Дэниелс.

Мои руки опустились на ее плечи, мои глаза умоляли еще хотя бы об одном мгновении, чтобы мы были нами.

— Эшлин, это — Дэниел. Я все еще я.

Я видел, как ее взгляд смягчился. Она посмотрела в пол, и когда подняла глаза, то была

на грани слез.

— Я скучаю по тебе.

Не думая, я обрушил свой рот на ее, оборачиваю руку вокруг ее шеи. Она ответила на поцелуй, положив руки мне на грудь. Я приподнял ее и прижал к шкафу. Я обхватил оуками ее грудь через футболку, и услышал стон, который из ее рта перешел в мой, когда я большим пальцем круговыми движениями потирал ее сосок. Моя рука опустилась к краю ее рубашки, и я скользнул под нее, когда она вонзила свои пальцы в мою спину, толкаясь своими бедрами на меня.

Я остановил себя, когда раздался стук в дверь моего класса. Не думая, я открыл шкаф для хранения вещей и засунул туда Эшлин.

Моя дверь открылась, и я увидел Генри, заглядывающего внутрь. Он улыбался мне. Мое сердце застряло в горле. Он видел, как я прятал его дочь?

Святое дерьмо, я засунул Эшлин в шкаф.

— Привет, Дэн.

Я напряженно улыбнулся.

— Генри, как вы?

— Хорошо-хорошо. Я просто раздумываю... Можем мы встретиться в моем кабинете ненадолго? Насчет Эшлин?

Насчет Эшлин. Эти слова эхом отдавались в моей голове. Мои мысли с пугающей скоростью проносились в моей голове. Все мое тело напряглось. Он знает. Я задумался, сказал ли ему Джейс, если он действительно опустился до этого. Прочистив горло, я заговорил:

— Я дежурный на обеде.

— Не беспокойся, — сказал он. — Это будет быстро. — Громкий шум донесся из шкафа, и Генри приподнял бровь. — Ты слышал это?

Я начал быстро кашлять, делая все возможное, чтобы прикрыть шум, который издала Эшлин.

— Слышите что-то? Да, одну из моих лампочек нужно заменить. Она издает странный шум. В любом случае, я встречусь с вами в вашем кабинете через секунду.

Он нахмурился, уставившись в мой потолок, прежде чем поблагодарил меня и ушел. Я провел руками по лицу, пытаюсь освободиться от собственной нервозности. Я открыл шкаф и Эшлин вышла. Я скользнул руками в карманы.

— Он знает? — прошептала она.

Я пожал плечами.

— Все в порядке. — Ее зеленые глаза выглядели менее напряженными. — Мы в порядке.

— Нет. Мы нет. Ты знаешь, я представляла это прежде... — Она покачала головой. — Почти пойманы в школе. Я думала, что это будет сексуально и авантюрно. Но в действительности, ты засунул меня в шкаф.

Мой разум работал с бешеной скоростью, пытаюсь найти способ, объяснить ей это.

— Я знаю. Мне жаль. Я просто...

— Если тебя поймают, что ты встречаешься с ученицей, будут проблемы, — пробормотала она. — Я такая глупая.

— Эшлин...

— Я сама виновата, правда. Я живу в своих книгах. Я все романтизирую. Но правда в

том, что это неромантично — быть чьим-то секретом. — Ее длинные ресницы заморгали, и она перенесла свой вес с ноги на ногу. — Ты не можешь делать это. Ты не можешь снова затащить меня в свой класс.

— Я знаю! — я закричал слишком громко, но мое сердце агрессивно билось в груди. Я хотел пнуть что-нибудь, потому что был в таком замешательстве. Я ненавидел то, что не могу видеться с ней. Я ненавидел то, что когда мы были вместе, она смотрела на другие парочки, которые держались за руки, и ее губы подергивались от зависти. Я ненавидел все в нашей ситуации.

Я вошел в кабинет Генри, где он уже был, и закрыл за собой дверь. Он занял место за своим столом. Первое, что я заметил, было фото Райана и его сестры, расположенное на его столе. Нигде не было Эшлин и Габи.

— Спасибо, что встретился со мной... — он звучал нервно. Гораздо более нервно, чем, если бы отец узнал, что у его дочери была связь с учителем. Он не знал. Святое дерьмо, он не знал. — Я хочу попросить тебя об одолжении.

Я изогнул бровь и откинулся на спинку кресла.

— Чем могу помочь?

— Ну, как ты знаешь... — он поднял рамку с фото, что была лицом к нему, и уставился на нее. Когда он поставил ее обратно, у меня была мимолетная возможность взглянуть — близняшки. Они обе были там. Стояли лицом к Генри. — Эшлин моя дочь. Она пережила многое, потеряв сестру...

— Соболезную, — прошептал я, и именно это и имел в виду.

Он прочистил горло и проговорил натянуто:

— Спасибо. Но дело вот в чем. Мама Эшлин разбирается со своими проблемами и ей нужно личное пространство. Поэтому Эшлин приехала, чтобы остаться со мной. Ее мама, Ким, только что позвонила мне и сказала, что пришло письмо из колледжа мечты Эшлин в Калифорнии. Они просят еще одно рекомендательное письмо. Она пережила так много....

Калифорния.

Слово снова и снова проигрывалось в моей голове. Она пробежало по моей коже, растаптывая меня правдой.

Я медленно кивнул, желая выбежать из его кабинета, найти Эшлин и обнять ее. Я хотел сказать ей, что она не может уехать. Что она не может оставить меня. Что после окончания школьного года мы сможем быть вместе. Но я не мог. Генри продолжил:

— И я знаю, что, возможно, это выходит за рамки... Я не думаю, что она справится с еще одним разочарованием. Это чересчур. Я планирую рассказать ей о письме позже на этой неделе. Но как ты думаешь — если только ты чувствуешь, что можешь, — думаешь, мог бы написать рекомендательное письмо? Опять же, ты не обязан этого делать. Мне просто нужно, чтобы у нее было больше взлетов, чем падений.

Я положил руки на край его стола. Мог ли я написать письмо, чтобы помочь ей поступить в колледж мечты в Калифорнии? Мое горло пересохло, и глаза резко начало жечь. Я моргнул несколько раз, желая закричать: «Нет! Она не может уехать! Она не может оставить меня!»

Мои глаза снова закрылись. И когда я открыл их, то сказал: «хорошо». Я согласился помочь отправить Эшлин прочь — жить ее собственной жизнью.

— Это будет честью для меня.

Когда я повернулся в сторону стола Эшлин, она смотрела в моем направлении. Выдох облегчения покинул ее губы, когда она поняла, что насчет Генри все в порядке. Мои ноги привели меня к ее столу, где она ела вместе с Райаном и Хейли.

— Привет мистер Д, присоединитесь к нам за обедом? — пошутил Райан.

Я улыбнулся и покачал головой.

— Ах, нет. По шкале от одного до неуместного... это будет на самой вершине. — Я видел, что Эшлин слегка рассмеялась на мой комментарий, от этого все ощущалось правильным. Я так чертовски сильно скучал по этому звуку. — Эшлин, я должен отвести тебя в кабинет завуча. — Хейли спросила почему. Я был поставлен в тупик. — Я не знаю. Он просто попросил позвать ее.

— Может, Генри видел засос, — усмехнулся Райан.

Я наблюдал, как щеки Эшлин покраснели, и она провела по волосам, чтобы сильнее прикрыть ими шею. Она встала со своего места, взяла свой рюкзак и последовала за мной из столовой.

— Следуй за мной, — прошептал я ей.

— Что происходит? — спросила она.

Я повернулся и увидел замешательство в ее глазах. Печальный вопрос застыл в ее взгляде.

— Ты доверяешь мне?

Она выдохнула. Ее красивые полные губы приподнялись.

Тем не менее, она не последовала за мной.

Она шла рядом со мной, наши шаги были так идеально синхронны.

Мы шли по лестнице, которая привела нас к другой лестнице, ведущей на цокольный этаж. Помещение было в полной тишине, не считая труб и шкафов, в которых были все выключатели питания. Мы дошли до темного угла, где лежали несколько снятых с петель дверей у другой маленькой комнатки.

Я поднял дверь, что блокировала вход, в комнатку, и убрал ее с пути. Эшлин опустила книгу, что была прижата к ее груди, и зашла в помещение.

— Чего хотел Генри? — спросила она вслух.

Я не решался сказать ей. Я не хотел говорить этих слов, потому что если сделаю это, они будут означать, что Калифорния на самом деле была выбором.

— Ты эм... — Дерьмо. — Ты поступаешь в колледж в Калифорнии? — я поставил это как вопрос.

Ее глаза расширились, и она быстро отвернулась от меня. Ее тело сотрясалось нервной дрожью.

— Университет Южной Калифорнии. Габи заставила меня подать заявление. Я не думала, что поступлю. — Она развернулась, ее светлые волосы развевались возле ее лица. — Я поступила?

Я видел это... выражение чистой радости на ее лице. Ее нефритовые глаза так ярко сияли.

Габи могла заставить ее отправить заявление, но это была ее мечта.

— Им нужно еще одно рекомендательное письмо, — выдавил я. Выражение ее лица сменилось на разочарованное. — Эшлин, это замечательно. Они заинтересованы! — я хотел,

чтобы она снова была счастлива. Я был рад, когда она снова улыбнулась. — Это здорово!

Ее губы приподнялись, она не была в состоянии сдержать свою радость.

— Это здоров, да? Так что он хочет, чтобы ты сделал с этим?

— Он хочет, чтобы я написал его.

— И ты сделаешь это? — спросила она нервно.

— Конечно.

— Не делай это из-за... этого... — она показала рукой между нами. — Не делай это из-за того, чем бы это ни было. Только если ты думаешь, что я заслуживаю.

Я скрестил руки и покачал головой.

— Все чувства в сторону, наша ситуация не имеет никакого отношения... ты заслужила это. Ты упорно трудишься, и ты очень одарена. Ты заслужила это.

Ее лицо поникло.

— Что происходит с тобой, Дэниел? С нами?

Она заслуживала получить ответ, но я не был уверен, что у меня был хороший ответ.

— После того как я узнал, что ты моя ученица... я обезумел, — вздохнул я. — Затем появился мой брат Джейс и испортил мой мир... и теперь я вижу тебя с другим парнем, и это убивает меня, Эшпин. Меня убивает, что ты так много пережила, а я не могу обеспечить тебе комфорт, не могу поддержать тебя. Меня убивает, что есть другие люди, которые могут сделать это для тебя.

Она слушала спокойно, когда опустила свой рюкзак и книгу на пол. Затем подошла ко мне и взяла мои руки в свои. Мои руки обернулись вокруг ее маленького тела, и я притянул ее ближе, вдыхая ее запахи, ее клубничный шампунь, ее парфюм. Ее.

— Я так зла на тебя, — прошептала она в мою грудь.

Я слегка улыбнулся.

— Я знаю, я тоже зол на себя.

Она подняла голову и посмотрела на меня, качая головой.

— Нет, я зла на тебя только потому, что знаю, что ты пытаешься защитить меня от чего-то. Но мне не нужна твоя защита.

— Я не знаю, что делать, Эш. Все в таком беспорядке.

— Расскажи мне об этом. Посвяти меня.

Я вздохнул, прижимая ее к себе.

— Ты заслуживаешь намного большего, чем прятаться в школьном подвале. Ты не заслуживаешь быть чьим-то секретом, Эшпин. Ты заслуживаешь быть припевом любимой песни человека. Ты заслуживаешь, чтобы тебе написали посвящение в чьей-то любимой книге. А сейчас? Сейчас я не могу предложить тебе это. Ты заслуживаешь счастья в последнем школьном году. Я только все усложняю.

Она отпрянула от меня, нахмурившись.

— Перестань, хорошо? — она подняла взгляд со слезами в глазах. — Перестань говорить мне то, чего я заслуживаю. То, что хорошо для меня. То, что правильно для нашей ситуации. Мне плевать на это. — Слезы покатались по ее щекам. — В моей жизни нет ничего нормального. Моя сестра-близнец мертва. Моя мать отреклась от меня. Черт, я использую Хемингуэйя, как гребаное средство терапии.

— А ты... ты в гребаной группе, чьи песни основываются на творчестве Шекспира! Твоя мама была убита, и ты выступал с концертом через семь дней после смерти своего отца. Мы. Не. Нормальные. Я не хочу нормального последнего школьного года. Я хочу тебя.

— Если я и узнала что-то за последние несколько месяцев, так это то, что жизнь — отстой, Дэниел. Она отстой. Она жалкая, ужасная, бесцеремонная. Она темная и коварная. Но затем, иногда, она так прекрасна, что меняет всю эту темноту на свет.

— Я была так одинока... — она сделала паузу и быстро застучала пальцами по нижней губе. — Я была так одинока, пока не попала в бар «У Джо». И затем ты стоял на этой сцене и пел для меня. Ты привнес свет в мои темные дни. Но ты не открылся для меня. Не впустил меня в свою жизнь.

Я подошел к ней и провел пальцами под ее глазами.

— Я ехал из Чикаго, когда впервые увидел тебя. Я провел несколько дней со своей бабушкой, чтобы убедиться, что она в порядке после смерти отца. Я сидел на железнодорожной станции, за секунды до того как развалиться на части. Затем я поднял голову и увидел эти зеленые глаза, и я знал, что так или иначе, каким-то образом все будет в порядке. — Когда она склонила голову ко мне, мои губы хотели коснуться ее. — Ты не привнесла мне свет, Эшлин. Ты и есть свет.

На ее лице появилась ее идеальная улыбка, и она рассмеялась.

— Понятие нормальности переоценено в любом случае. Придумано фриками и чудиками. — Она сделала паузу. — Я не должна ехать в Калифорнию. Я могу остаться здесь с тобой после окончания школы. Я могу пойти в местный колледж, и мы сможем построить свой дом. Мы сможем быть вместе.

Моя голова опустилась к полу. Я прочистил горло. Что я делаю? Я знал, что послал ей неправильные сигналы и запутал ее. Но я привел ее на цокольный этаж не для воссоединения. Мой разум вернулся к письму от Габи для меня и угрозам, что Джейс сказал мне. И теперь она рассматривала возможность отказаться от своей мечты ради меня.

— Мы больше не можем делать это, Эшлин, — прошептал я.

Ее глаза расширились, она была удивлена моими словами.

— Что?

— Я больше не могу видеться с тобой. — Я задумался, обжигали ли ее слова так же сильно, как они обжигают меня.

— Что ты делаешь, Дэниел? — спросила она, делая шаг от меня. — Ты привел меня сюда, чтобы... расстаться со мной? — ее глаза потускнели, но она не позволила слезам политься.

Я не ответил. Я чувствовал, что если скажу настоящие слова, то они будут содержать больше правды, чем я был заинтересован, чтобы поделиться.

— Скажи это! — заорала она, двигаясь на меня. Она сильно ударила меня в грудь. — Скажи это! Скажи, что не хочешь быть со мной!

— Эшлин, — выдавил я из себя. Я сделал это с ней. Я сломал ее.

Слезы начали литься из ее глаз, а ее тело затряслось.

— Скажи, что ты больше не хочешь меня! Скажи это! — она кричала, когда била меня по груди. С каждым ударом часть меня умирала. С каждым ударом часть ее также исчезала.

Я схватил ее за запястья и притянул к себе, держа ее ближе.

— Я впустила тебя в свою жизнь, — она рыдала, ее кулаки ударяли мое тело. — Я впустила тебя в свою жизнь, и ты оставил меня.

— Мне жаль, — сказал я, держа ее в своих руках. Я делал все, что мог, чтобы ей было комфортно, но это казалось так бессмысленно, так как именно я сам причинял ей боль. — Я так сильно тебя люблю.

— Нет. — Она оттолкнулась от моей хватки. — Ты не должен делать это. Ты не можешь причинить мне боль и поддерживать меня, Дэниел. — Она сделала глубокий вдох и вытерла слезы, все еще льющиеся из ее глаз. — Это первый раз, когда ты вообще сказал эти слова. Ты не можешь говорить, что любишь меня и разбивать мое сердце. Поэтому скажи то, что на самом деле должен сказать. Скажи это и я уйду.

Я сделал глубокий вдох и посмотрел в пол. Когда я поднял голову, то увидел ее налитые кровью глаза. Я выдохнул:

— Я расстаюсь с тобой, Эшлин.

Она издала небольшой всхлип, прежде чем вся краска отлила от ее лица. Ее тело задрожало на мгновение. Она повернулась к выходу и начала уходить.

— Пошел к черту, Дэниел.

24 глава

Не верь лжи.

~ Скитания Ромео

Эшлин

Какой придурок расстается с человеком после того, как соблазняет его? Мне нужен был холодный душ, чтобы успокоиться, потому что моя кровь, не переставая, бурлила весь день. Я направилась в душ, чтобы помыться, и остановилась, когда услышала голос Генри внутри.

— Я знаю... Нет, она не знает. Ким, это не имеет значения! Она остается здесь.

Комок сформировался в моем горле.

Ким.

Вроде как моя мама Ким?

— Ладно-ладно. Пока. — Его голос затих, и дверная ручка повернулась. Когда он увидел меня, то отшатнулся. — Эшлин. Что ты здесь делаешь?

— С каких пор ты используешь ванную наверху, Генри?

Он прошел мимо меня и пожал плечами.

— Ребекка заняла ту, что на первом этаже.

— Ох. — Я исследовала его на любой вид эмоций, который мог выдать язык его тела. Ничего.

— Тогда почему ты говорил с мамой?

Он повернулся обратно ко мне. Его рот внезапно дернулся, а глаза метались туда-сюда.

— Университет Южной Калифорнии заинтересован в твоём поступлении. Мистер Дэниелс поможет, написав рекомендации.

— Не меняй тему! И мне не нужна его помощь! — я закричала, как ребенок. Я и

чувствовала себя так. Мой страх, молодые инстинкты завладели моими эмоциям.

Генри, должно быть, был выбит из колеи моим ответом. Его лицо выражало недоумение.

— Успокойся, Эшлин.

Я не могла. Такое чувство, что мир пытался толкнуть меня за край, и я хотела прыгнуть. Как мама могла позвонить Генри, но не мне? Ни одного сообщения для меня?

— Я не хочу успокаиваться! Я устала оттого, что все пытаются помочь мне, когда я не прошу о помощи. Ты не знаешь, что лучше для меня. Я не хотела переезжать сюда. Я не хотела ходить в твою глупую старшую школу. Я не хотела ничего делать с тобой. Почему никто просто не может поговорить со мной? Мне девятнадцать, не пять! Я, черт побери, взрослая! Ты разрушаешь мою жизнь! — я бросилась оттуда в слезах и хлопнула дверь своей спальни.

Хейли сидела на своей кровати с упаковкой «Клинекс» рядом с собой. Она болела несколько дней, и ее нос был краснее, чем когда-либо.

— Эшлин, что случилось?

Прежде чем я смогла ответить, дверь спальни открылась, и Генри вошел внутрь.

— Хейли, нам с Эшлин нужно поговорить.

— Я не хочу говорить с тобой! — закричал я, чувствуя жжение от слез, стекающих по моим щекам. Я бросилась на свою кровать и начала плакать в подушку. — Я не понимаю. Почему ты просто не хочешь сказать мне правду! Кто-то просто должен объяснить мне!

— Она в реабилитационном центре, Эшлин.

Казалось, его слова отяжелели от вины. Я подняла голову, мои глаза были красными, в них отражалось замешательство. Хейли подняла свою упаковку салфеток с расширенными глазами.

— Ох? Что ты сказал, Райан? Я нужна тебе? Бегу. — Она неловко прошла мимо Генри и исчезла.

— Что? — пробормотала я. Мой желудок завязался в узел. Я сжимала подушку так крепко, что была почти уверена, что ее наполнитель выпадет от переизбытка давления. Я быстро заморгала, пытаясь взять под контроль свои мысли. — Что ты имеешь в виду под она в «реабилитационном центре»?

Его ступни опускались на покрытый ковром пол с каждым шагом, что он делал ко мне ближе.

— Она стала пить намного больше, после того как обнаружили, что Габи больна.

— Она держала это под контролем, — прошептала я.

Он покачал головой.

— Нет. Не держала. На похоронах она сказала мне, что отправляется на трехмесячную программу. Она вернется на Рождество. Эшлин, твой приезд сюда не имеет ничего общего с тем, что твоя мама не хочет тебя. Это была идея Ким, потому что она хотела быть родителем, которого ты заслуживаешь.

Гнев пробежал через меня.

— Так отослать меня к человеку, который даже не заботится о моем местонахождении это ее выбор? Я могла остаться с Джереми! Он больше отец для меня, чем ты когда-либо был! — я ощутила во рту безжалостный вкус своих слов. Я ненавидела себя за то, что кричала их Генри, но он был здесь единственным. И было всегда так легко обвинить его во всех разочарованиях моей жизни.

Генри прочистил свое горло и тяжело сглотнул.

— Это забавно. Ты умоляешь, чтобы люди поговорили с тобой, объяснили тебе, потому что ты взрослая. Затем, когда тебя допустили к реальности взрослой жизни, ты внезапно превращаешься в пятилетнюю девочку, которой ты отрицаешь, что являешься.

Я знала, что он прав, но ненавидела сам факт того, что он может быть прав. Это было то, что причиняло боль пятилетней девочке. Каждая мысль, пролетающая в моей голове, была основана на идее сделать больно Генри. Потому что он причинял мне боль, тем, что был прав. Я не хотела, чтобы он был прав! Я хотела, чтобы он был никчемным отцом, который ушел!

— По крайней мере, я не предательница!

Его взгляд потускнел, и он отшатнулся, ошеломленный.

— Ты наказана.

Его слова не имели смысла для меня. Мог ли он наказать меня? У него осталось это право?

— Я собираюсь уйти сегодня. — Я скрестила руки на груди, сев прямо.

— Нет. Не собираешься. Так долго, как ты живешь здесь, ты будешь следовать моим правилам. Я устал от этого, Эшпин! — его голос повысился, посылая мурашки по моему телу. — Я устал от этого отношения. Устал от чувства вины. Я устал от чувства, что не могу спросить, куда ты собираешься, потом что это разозлит тебя. Я устал от всего этого. Да, меня не было, когда ты была младше. Меня не было рядом, когда ты нуждалась во мне больше всего. Я облажался. Но прямо сейчас? Прямо сейчас ты не можешь говорить со мной любимым гребаным способом, каким хочешь. Сейчас я главный.

— Но...

— Никаких но. Следующие несколько недель ты ходишь в церковь, в школу и домой. Конец истории. Ужин через час.

— Я. НЕ. ГОЛОДНА!

— МНЕ. ВСЕ. РАВНО! — он спешно умчался, оставляя следы на ковре и хлопну дверь, из-за чего я в раздражении крикнула в подушку.

Я сидела за столом, в то время как все снова молились. Мой складной стул все еще врезался в мои бедра, и я поерзала на месте.

Райан наклонился ко мне.

— Поменяемся местами?

Я отклонила его предложение. Он спрашивал у меня это почти каждый раз, когда мы ели.

— Аминь, — раздалось бормотание.

Генри сидел напротив меня, поэтому я делала все, чтобы не смотреть в его направлении. Я ненавидела саму мысль находиться в одной комнате с ним. Я даже не знала, почему делала это. Вставай! Уходи! Мой мозг кричал на меня, чтобы я была решительной и сказала Генри: «Да, пошел ты!» Но мое сердце было глупым, и прямо сейчас было громче моей головы.

Часть меня радовалась, что этот придурок наказал меня. Он никогда не был похож на отца больше, чем в этот момент.

— Эшпин, я слышала, что ты наказана на некоторое время, — сказала Ребекка

спокойно, поедая свой ужин.

Мои глаза переместились на горох, который я гоняла по тарелке.

— Наверное.

— Ну, у тебя есть компания. Райан тоже наказан.

Райан оттолкнулся от стола, из-за чего он затрясся.

— Что?! Что я сделал?!

Голос Ребекки был спокоен как никогда.

— Что ты сделал, Райан? Ходят слухи, что ты был на вечеринке на этой неделе.

Челюсть Райана отвисла, и он закатил глаза.

— В самом деле? Ты наказываешь меня за то, что я был на вечеринке?! Я был на пятидесяти вечеринках в этом году!

— Нет. Я наказываю тебя из-за наркотиков, которые нашла в грязном белье.

Мои глаза переместились к Хейли, которая замерла от шока. Замешательство было написано на лице Райана. Когда он повернулся к Хейли, выражение его лица прояснилось, и он вздохнул, зная наверняка, что они принадлежали его сестре.

— Ладно. Я наказан. Подумаешь. — Он провел рукой по волосам и оставался спокойным. Я не знала, что могу любить Райана больше, пока не увидела, как он взял на себя вину младшей сестры.

— На месяц, — обрушила на него Ребекка, и я съежилась от отвращения в ее тоне. — На самом деле, на два месяца.

— В чем, черт возьми, твоя проблема? — закричал Райан, отодвигаясь дальше от стола. — Серьезно. Какого хрена я сделал тебе?

— Следи за своим языком, — его мама была зла, но казалось, что это не имело никакого отношения к наркотикам, которые она нашла.

— Зачем? Даже если я буду следить за своим языком и вести себя как «примерный мальчик», как ты хочешь, этого не будет достаточно для тебя. Ради Бога, просто скажи это. Скажи уже, что ты винишь меня в смерти отца. И затем однажды, возможно, ты перестанешь вести себя как настоящая сука! — слова сорвались с языка настолько же быстро, как Ребекка вlepила ему пощечину.

Генри встал, ошеломленный, и ступил между ними двумя.

— Успокойтесь! Хорошо? Каждый должен передохнуть! — Ребекка начала обходить Генри, но он удержал ее.

— Ты неблагодарный мальчик, который даже не знает, как сильно я помогла тебе. Я спасла тебя, Райан! — по ее щекам текли слезы.

— Спасла меня? Ты сумасшедшая.

Хейли взлетела со своего стула.

— Это были мои наркотики.

Комната погрузилась в молчание, пока Ребекка не рассмеялась.

— Не прикрывай своего брата, Хейли.

— Я не прикрываю. — Она повернулась к маме, и ее лицо было бледным. — Тео дал их мне. Я думала, что они помогут нашим отношениям, потому что я хотела заняться сексом с ним, пока он не пойдет в колледж. Он сказал, что будет любить меня, если я попробую то, что ему нравится.

Глаза Ребекки расширились от ужаса. Она провела руками вверх и вниз по бокам, расхаживая вперед-назад. Когда ее тело замерло, она покачала головой.

— Ты виноват в этом! — закричала она Райану. — Ты подаешь плохой пример своей сестре своими дьявольскими способами!

— Ребекка! — зарычал Генри, смотря на нее, как будто она монстр.

— Это правда! Он убил своего отца, а теперь пытается убить свою сестру!

— Заткнись! — закричала я, не в силах держать себя в руках из-за всей этой ненависти, которую она только что выплюнула на Райана.

Напряжение в комнате достигло своего пика за вечер.

Плечи Райана поникли из-за отвращения в словах его матери. Он начал медленно хлопать, с грустной усмешкой на губах.

— И вот оно — семья. — Он сделал поклон и вышел из передней двери, хлопнув ею.

Мы все стояли там, слова ненависти эхом отражались от стен.

— Как ты могла? — прошептала Хейли. — Смерть папы уже разрушила его. Он уже переживал, думая, что ты обвиняешь его.

Она последовала за Райаном, и я тоже быстро рванула к переднему крыльцу.

Он сидел там, держал свою фальшивую пачку из-под сигарет, постукивая ею по колену.

— Я в порядке, девочки.

Мы обе сели на крыльце рядом с ним, холодный зимний воздух кусал наши лица. Хейли продолжала шмыгать красным носом, и Райан приобнял свою младшую сестру, пытаясь согреть ее. Но шмыганья были не от холода. Они были от слез.

В тот вечер мы все курили фальшивые сигареты. За прошлое, что причиняло боль, и за боль в настоящем.

25 глава

Никогда не упускай из виду вещи, что имеют смысл.

~ Скитания Ромео

Эшлин

Декабрь пришел с тяжелыми снегопадами. Райан и Ребекка не сказали друг другу ни слова с той большой ссоры. Прошли недели, с тех пор как Райан постукивал по своей ноге поддельной пачкой сигаретой.

Сегодня у Джейка была вечеринка, и я вообще не ждала этого. Но я собиралась ради Райана, который не переставал говорить о наших фальшивых удостоверениях, с тех пор как мы получили их. К тому же, ему правда нужно было отвлечься, выйти куда-нибудь, хоть он и был технически наказан.

Существовала большая проблема, что на самом деле не казалась такой большой на фоне происходящих вещей, но для меня она была гигантской.

Я скучала по Дэниелу. Я ненавидела тот факт, что так сильно по нему скучала, но так и было. Иногда я плакала в душе. В другие разы плакала в подушку. Я также плакала, потому что была уверена, что он не страдает из-за меня.

Прежде чем пойти домой и встретиться с Райаном и Хейли перед вечеринкой, я остановилась у библиотеки, чтобы вернуть книги, и выбрала еще одну, чтобы почитать в углу дома Джейса.

Когда искала свою следующую книгу для чтения, я услышала свое имя:

— Эшлин?

Я подняла взгляд и увидела знакомое лицо, из-за чего еще сильнее захотела плакать, потому что оно было связано с Дэниелом.

— Привет, Рэнди. Как дела? — прошептала я, надеясь не привлечь слишком много внимания библиотекаря.

Он прислонился спиной к книжной полке, и я смотрела, как романы слегка раскачиваются. Мое горло сжалось от мысли, что все эти страницы и страницы историй упадут на пол.

— У меня хорошо. — Он поднял книгу. — Просто подбираю кое-какой материал для песни. В последнее время я не видел тебя. Вы с Дэном поссорились?

Нет. Скорее «дело не в тебе, а во мне» проблема.

— Мы больше не видимся.

Рэнди выглядел крайне удивленным.

— Что?! Он не сказал ничего о том, что вы расстались.

Мое сердце резко скрутилось в груди.

Это больно.

— Да, ну.. — я послала ему напряженную улыбку. Плохой привкус начал ощущаться в моем рту, когда я стояла с Рэнди. Я не хотела говорить с ним о Дэниеле. Особенно о том, как Дэниел не думал обо мне.

Рэнди скрестил руки и наклонился ближе ко мне.

— Я думаю, что ты не поняла меня, Эшлин. Когда Дэну больно, он не говорит об этом. Он закрывается. И с тех пор как умерли его родители, ты была единственной, кто была в состоянии заставить его открыться... Это из-за ситуации учитель-ученица?

Мои глаза перемещались туда-сюда. Откуда Рэнди узнал об этом? Я думала, Дэниел не хотел никому об этом рассказывать.

— Я не думаю, что мы должны говорить об этом. — В первый раз с тех пор, как я встретила Рэнди, я на самом деле посмотрела на него. Его лохматые волосы ниспадали к его бровям. Его тонкие губы изгибались только наполовину, когда он улыбался, его глаза были темнее пещеры.

Рэнди сощурил свои глаза и сжал губы вместе.

— Эшлин, ты в порядке? Ты выглядишь так, как будто потеряешь сейчас сознание.

Мои колени почти подогнулись, но я положила руку на книжную полку, чтобы удержать равновесие.

— Я в порядке.

Он указал большим пальцем на выход из библиотеки.

— Я могу подвезти тебя домой, если нужно.

— Нет, все в порядке. — Я огляделась вокруг, чувствуя крайнее волнение. Я еще раз вынужденно улыбнулась. — Я должна идти.

— Да, — сказал он, поднимая свои книги.— Я тоже. У нас сегодня концерт. Береги себя, хорошо?

Береги себя. Да, верно.

Направляясь назад в дом Генри около четырех тридцати, я сощурила глаза, когда увидела, что Хейли плачет на ступеньках, пока Райан кружится на передней лужайке в снегу.

— Что происходит? — спросила я громко, двигаясь к дому.

Райан рассмеялся, когда увидел, что я направляюсь к ним. Он подбросил свои руки в воздухе с огромной ухмылкой на лице.

— Я иду против системы! — закричал он, когда мчался ко мне.

Я коротко улыбнулась ему, не понимая, о чем он говорит, но обожая его слишком остро реагирующую природу.

— Что ты имеешь в виду? — спросила я, смотря, как он прыгает вверх и вниз. Он схватил меня за руки и начал кружить, заставляя меня подпрыгивать вверх и вниз с ним. Я ничего не могла поделать и рассмеялась.

— Какого черта происходит, Райан?

Его глубокий смех заполнил воздух, и он наклонился, держась за живот от смеха.

— Моя мама копалась в моем телефоне и нашла все мои смс. От Тони! Святое дерьмо! Она проклинала меня, молилась за меня и затем вышвырнула меня. Мне восемнадцать, я гей, и я живу в машине своей младшей сестры! — он ярко улыбнулся и повернулся к Хейли, которая редела. — Еще раз спасибо за ключи, Хейли.

Мой смех прекратился, а его все продолжался.

— О боже мой, Райан. Это не смешно...

Слезы полились из его глаз, и он покачал головой, затем последовал еще более громкий смех.

— Я знаю! Знаю! Но если я прекращу смеяться, я сразу осознаю, как все хреново. И я осознаю, насколько сильно хочу перестать дышать. Я так много раз в прошлом хотел этого. Поэтому, пожалуйста...

Его смех продолжился, но в этот раз я могла слышать страх в каждой смешке, боль в каждой искорке света. Печальная улыбка сошла с моих губ, и я рассмеялась. Я смеялась с ним, пока он кружил меня. Я махнула Хейли, и ее руки были мокрые от слез, но она взяла наши руки в свои и кружилась вместе с нами. Смеясь, хихикая, хохоча. Мои ребра начали болеть через некоторое время, но я не перестала смеяться, потому что если я остановлюсь, у меня было такое чувство, что Райан упадет на землю, и его легкие просто откажут.

А у меня была отчаянная потребность, чтобы он дышал.

Просто дыши.

— Мы не собираемся на вечеринку, — приказала я, когда сидела на водительском сиденье машины Хейли. Райан был полон решимости пойти заглушить свои проблемы, но у меня было сильное чувство, что это самое худшее, что он мог сделать.

— Ох, мы собираемся, — сказал Райан.

— Нет, не собираемся.

— Моя мама только что вышвырнула меня из дома. Я собираюсь на вечеринку.

Хейли открыла машину, подняв чемодан с вещами Райана. Она бросила его на заднее сиденье, а затем скользнула в машину.

— Я взяла немного вещей. Потому что все образуется. — Она сделала паузу и посмотрела на нас с Райаном. — Все образуется, верно?

Райан посмотрел на меня и затем на дом.

— Ты должна вернуться в дом, Хейли, — он вздохнул.

— Что? Ни за что! Мама ведет себя как сумасшедшая, — вскрикнула она, раздраженно подбрасывая руки в воздухе. — Я не оставлю тебя.

Райан повернулся лицом к сестре и обернул руки вокруг ее головы.

— Я тоже не оставлю тебя. — Он потянулся и поцеловал ее в лоб. — Теперь иди внутрь, потому что ты слишком хороша для Тео. И слишком хороша, чтобы оставить маму сегодня в таком состоянии.

— Но я ненавижу ее, — нахмурилась она.

— Ох, не надо ненавидеть ее из-за наших недопониманий, — Райан рассмеялся. — Или скажи ей, что ты буддистка, и затем можешь ненавидеть ее за то, как она отреагирует на это.

Хейли слегка рассмеялась, а Райан вытер слезы, что текли с глаз его младшей сестры.

— Когда мне исполнится восемнадцать, я сбегу с тобой и Эшлин.

— Мы переедем в Калифорнию. Ты сможешь стать инструктором по йоге. Эшлин будет автором бестселлеров, а я буду проституткой на Голливудском бульваре!

Он снова рассмешил свою сестру, и я увидела, что небольшая улыбка формируется на его лице. Хейли выпрямилась.

— Живи на полную катушку, верно?

Райан подтолкнул свою сестру в плечо.

— Иди домой, Хейлс.

Она вздохнула и кивнула. Ее дверь открылась, и она улыбнулась своему брату.

— Я люблю...

— Тебя, — закончил Райан.

— Пообещай, что присмотришь за ним, Эшлин?

Я пообещала.

Генри вышел из дома, после того как Хейли зашла внутрь. Он посмотрел на меня, помахав мне.

— Я сейчас вернусь, Райан.

Я вылезла из машины и двинулась к Генри, скрестив руки.

— Какого черта произошло? — прошептала я, повернувшись к Райану.

Взгляд в глазах Генри был тяжелым, когда он потер затылок.

— Ребекка... Она... — Он опустил голову. — Как Райан?

— Как нельзя лучше, я полагаю.

Генри потянулся в свой карман и вытащил деньги.

— У меня есть триста баксов. Отдай их Райану на выходные. Я поищу ему квартиру.

Я взяла деньги от Генри и кивнула.

— Она не изменит свое решение?

— Она обвиняет его в смерти его отца. — Он провел пальцами по своей бороде. — Это не имеет ничего общего с тем, что Райан гей. Это все из-за того, что Ребекка так и не одолела собственных демонов. Независимо от этого, она бы нашла причину вышвырнуть его.

Я знала, что такое быть вышвырнутым, когда ты нуждаешься в ком-то больше всего. Я вернулась мыслями к своей маме и выбору, что она сделала, отправив меня к Генри. Затем я сделала паузу, осознав, какой счастливницей была, потому что мне было куда идти. У Райана не было никого, к кому можно было бы обратиться.

— Оставайся с ним, хорошо? И позвони мне. — спросил Генри.

— Да, хорошо, — я повернулась, чтобы пойти обратно к машине, и остановилась. — Спасибо, Генри. За помощь ему.

На его лице появилась полуулыбка, и он направился обратно внутрь.

Я двинулась обратно к машине, забралась в нее и завела ее.

— Куда мы, дружище?

Райан улыбнулся и плюхнулся на свое место, закинув ноги на приборную панель. Его пальцы держали его поддельное удостоверение.

— В винный магазин!

Мы бродили по проходам винного магазина, сбрасывая в нашу тележку все, что хотел Райан.

— На самом деле мы не должны переживать насчет поддельных удостоверений, — сказал Райан. — В прошлом году я подарил кассиру его первый минет.

Я не знала, должна ли плакать или смеяться. Поэтому я не сделала ничего.

Мы свернули за угол в сторону вина, он перестал толкать тележку. Пожилая пара встала перед нами, и Райан тяжело задышал.

Пара подняли головы, чтобы посмотреть на него, и выражение удивления отразилось на их лицах.

— Райан, — сказала пожилая леди, подарив ему сдержанную улыбку. Она посмотрела на нашу тележку, полную выпивки, и изо всех сил старалась скрыть беспокойство. — Как ты, дорогой?

Она была прекрасна. Светлые волосы до плеч, ласковые карие глаза. Ее маленькое тело прикрывало полупальто.

Глаза Райана были на мокром месте.

— Приятно увидеть вас, мистер и миссис Левелс.

Пожилой мужчина улыбался так же, как его жена.

— Эйвери упоминал о тебе на прошлой неделе. Я собирался позвонить и узнать, как ты...

Райан перебил, прислонившись к тележке.

— Я хорошо. В порядке.

Мужчина кивнул и нахмурился.

— Приятно увидеть тебя. Если тебе что-то нужно, просто позвони нам, хорошо?

— Ладно. Спасибо. Было здорово увидеть вас обоих.

Миссис Левелс подошла к Райану и притянула его в объятия, прошептав что-то в его ухо. К тому времени как она отстранилась от него, по лицам обоих текли слезы.

— Вас тоже, миссис Левелс, — улыбнулся Райан.

Пара отвернулась, не спрашивая об алкоголе. Не спрашивая ничего на самом деле.

— Кто они?

— Родители Эйвери, — вздохнул он, когда начал толкать тележку. Он провел пальцем под носом, и шмыгнул им.

Мы взяли алкоголь и направились назад к машине и прямиком к Джейку. Хотя ни у кого из нас на самом деле не было настроения для вечеринки.

26 глава

Становится лучше с каждым днем.

Говорю я с привкусом лжи во рту.

~ Скитания Ромео

Эшлин

— Пару месяцев назад он сказал мне о своем желании публично заявить о своей ориентации. Что ему плевать, что подумают другие. Он говорил, что любит меня, ему все равно, кто и что скажет. — Райан фыркнул и выпил еще один шот водки, когда мы оба сидели, прислонившись к стене.

Почти полупустая бутылка была в другой его руке, и у меня был план отнять ее у него в любую секунду. Случайные парочки болтались в нескольких метрах от нас, и музыка гремела по всему дому. Это было последнее место, где нам с Райаном нужно было оказаться.

Эйвери вышел из-за угла, и когда повернулся лицом к Райану, я увидела разбитые кусочки, что соединяли обе потерянные души. Нижняя губа Эйвери задрожала, прежде чем он развернулся и ушел прочь. Райан повернулся ко мне, его глаза наполнились слезами, а ноги дрожали.

— Я сказал ему, что не готов к этому — раскрыться. Но он все равно хотел рассказать своим родителям. В результате было много слез, объятий и понимания. Я чертовски ненавижу понимание, объятия и слезливые семьи. Это удел фриков. — Он улыбнулся, но я видела, что прячется за этим, и слышала боль в его следующих словах.

— Его выгнали с занятий по изучению Библии, потому что несколько людей из церкви узнали об этом. Его родители нашли новую церковь. Затем я расстался с ним. Потому что это пугало меня — любить его, — и я не хотел терять свою маму. Я люблю его так сильно, что каждый вдох, что я делаю, напоминает о нем. Поэтому иногда я задерживаю дыхание. Я пытаюсь прекратить это. Пытаюсь заставить себя не быть таким. — Его рыдание нарастало. Его печаль углублялась. — Я хочу, чтобы это дерьмо прекратилось.

— Райан, — я плакала, чувствуя полную беспомощность. Убирая алкоголь и рюмку от него, я протянула их случайным людям, проходящим мимо. Они приняли их без вопроса.

Райан выпрямился немного и повернул свою голову ко мне. Он провел руками по моим

волосам, а из его голубых глаз продолжали течь слезы. Он придвинулся ближе ко мне, прижал свои губы к моим и обнял меня руками. Я не отстранилась. Наши губы были покрыты нашими солеными слезами.

— Избавь меня от этого, Эшлин. Исправь меня, — прошептал он, целуя меня и снова и снова.

— Я не могу исправить тебя, Райан, — сказала я. — Ты не сломан.

Райан плакал еще некоторое время, бесконтрольно дрожа. Я тоже плакала, потому что плач в одиночестве всегда был таким депрессивно-печальным.

— Мы едем домой, — прошептала я в ухо моего уставшего друга.

Райан рассмеялся.

— Какой дом?! Я живу в машине!

Я нахмурилась и поцеловала его в лоб. Он кивнул и встал, шатаясь.

— Оставайся здесь. Я пойду заберу наши пальто.

Я пошла в спальню Джейка и открыла дверь, обнаружив множество целующихся людей. Сюрприз-сюрприз. Я начала рыться во всех вещах, сброшенных на кровати, и когда повернулась уйти с нашими пальто, то врезалась в Джейка. Его глаза были налиты кровью, волосы в беспорядке, и я была уверена, что на его футболке было больше мокрых пятен, чем сухого места, от пролитого пива. Но каким-то образом, он все еще выглядел как всегда дружелюбным.

— Привет! Я не видел тебя весь вечер! Я подумала, что ты пропустила еще одну изумительную вечеринку Джейка Кенна. — Он мило улыбнулся и подтолкнул меня в руку.

Я делала все возможное, что выглядеть счастливой.

— Да. Это было здорово! Но я должна отвезти Райана домой... — Какой дом? — Спасибо, что пригласил нас.

— Я ничего не могу сделать, чтобы я начал тебе нравиться, ага? — выдохнул Джейк. Ужасный выбор времени. Он, должно быть, увидел удивление в моих глазах. — Извини, я пьян и под кайфом, поэтому немного тороплю события.

— Джейк, ты потрясающий друг... — начала я, но он рассмеялся.

— Но...

Мои плечи приподнялись и опали.

— Но я вроде как отдала свое сердце другому. И он все еще не вернул его.

Он тяжело вздохнул и подбросил руки в воздух.

— Ты не можешь осудить парня за попытку.

Я захихикала и поцеловала его в щеку.

— Спокойной ночи, Джейк.

— Он не вернет его назад, знаешь. Твое сердце. — Он опустил глаза в пол. — Потому что когда парень получает такое сердце, как твое, он сохраняет его навсегда.

Навсегда.

Какое ужасное слово.

Я вышла из спальни, увидев того, кого не хотела видеть никогда снова.

— Джейк, — прошептала я про себя, увидев брата Дэниела, стоящего с группой подростков и держащего банку таблеток. Он раздал таблетки каждому и взял одну себе.

Моя голова закружилась. Лицо покраснело.

Он поднял голову в моем направлении, и наши взгляды встретились. Мое сердце сжалось в груди, и я отвернулась, торопясь к Райану. В спешке я засунула его руки в пальто.

— Время уходить. Сейчас же.

Должно быть, я была сумасшедшая, но мне было все равно. Райану нужно было место, чтобы остановиться. Мы сидели в машине снаружи дома Дэниела. Он еще не приехал домой, но я подумала, что он скоро вернется. Его концерт закончился некоторое время назад.

Райан лежал на пассажирском сиденье.

— Так вы с мистером Дэниелсом...

— Были, — вздохнула я.

— И засос был от...

— От него, — я снова вздохнула.

— И он расстался с...

— Со мной.

На этот раз Райан вздохнул.

— Какой сумасшедший придурок. Он вообще видел твои сиськи?

Я усмехнулась на его комментарий.

Джип Дэниела подъехал к дому, и его фары были включены. Я выскочила, чтобы убедиться, что он видел, что это я. Его машина быстро остановилась, и он выпрыгнул, бросившись ко мне.

— Эшлин, что... что случилось? Ты в порядке? — он увидел мои опухшие глаза, и его пальцы прикоснулись к ним. Я задрожала от его прикосновения. Он обернул руки вокруг меня, как будто мы никогда не расставались. — Тебе больно?

Я покачала головой.

— Мне... мне нужна твоя помощь. — Райан вылез с пассажирского сиденья машины, и я почувствовала страх Дэниела через его хватку на мне. Он затрясся в тисках внезапной злости.

— Эшлин, что ты наделала? — его голос был низким, наполненным паникой.

Райан поднял свои руки, будто сдавался.

— Не беспокойтесь, мистер Д. Я не причиню никакого вреда. — Затем он начал хихикать. — Святое дерьмо, ты спишь с нашим учителем!

— Райан! — зашипела я, послав ему суровый взгляд. Он просто продолжил смеяться. Я повернулась к Дэниелу. — Он пьян.

— Да ну! Не может быть! Иисус Христос! Ты хочешь, чтобы нас поймали?

— Ох, подумаешь, Дэниел. Я рассказала одному человеку! У тебя не было проблем с тем, чтобы рассказать Рэнди! Так что, считай, мы квиты!

— О чем ты говоришь? Как ты узнала, что я рассказал Рэнди? — он сощурил глаза. Эти прекрасные голубые глаза. Нет. Подожди. Не смотри в его глаза. Я все еще ненавидела его.

— Не имеет значения. Не то чтобы между нами все еще что-то есть. — Я сделала паузу. — Может Райан остаться здесь?

— Что? — спросил он, сконфуженный на мой внезапный комментарий.

Я должна признать, что почти улыбнулась на его замешательство, пока не вспомнила,

почему Райану нужно место, чтобы остаться. Я посвятила Дэниела в ситуацию, наблюдая, как его озадаченность медленно превращается в полное неверие.

— Что он собирается делать? — прошептал он, глядя на Райана, который стоял на крыльце. Я пожала плечами. — Это несправедливо, Эш.. — Он моргнул, и когда его голубые глаза посмотрели в мои зеленые, я хотела заплакать. — Потому что ты знаешь, что я сделаю все что угодно для тебя.

— Кроме того, чтобы любить меня. — Я нервно захихикала. Он открыл рот, чтобы возразить, но я не дала ему и шанса. — Послушай, ты можешь сказать «нет», хорошо? Я знаю, что ты можешь потерять свою работу, если сделаешь это.

— Думаю, что потеряю еще больше, если не сделаю. — Дэниел направился к крыльцу и открыл свою переднюю дверь. — Райан, по коридору налево есть свободная комната. Иди спать.

Райан улыбнулся и ударил Дэниела по плечу.

— Вы всегда нравились мне, мистер Дэниелс. Никакой гомо... — Он сделал паузу и рассмеялся про себя. Он держал свой большой палец и указательный очень близко друг к другу. — Ну, может, немного гомо....

С этими словами Райан ввалился в дом. Дэниел кивнул на переднюю дверь.

— Пойдем. Здесь холодно.

Я не двигалась.

Дэниел оглянулся на меня с недоумевающим взглядом на лице. Я посмотрела на снег, который падал на нас. Я сделала один маленький шаг в его направлении.

— Это не значит, что я уже не ненавижу тебя, потому что это я и делаю. Я ненавижу тебя.

— Я знаю.

Еще один маленький шаг.

— Но ты мне нравишься немножко за то, что приютил его сегодня.

Под ненавижу я имела в виду «люблю». А под немножко «много».

27 глава

Найди способ стать лучше.

Или найди способ привести себя в норму.

Что бы ты ни выбрала, я буду держаться от тебя подальше.

~ Скитания Ромео

Эшлин

Войдя в дом, я не могла сдержать улыбку, когда мы с Дэниелом проверили Райана.

— Он пошел направо вместе налево, — прошептал Дэниел, уставившись на Райана, спящего на его кровати. — Ты можешь занять гостевую комнату.

— Я посплю на диване, — предложила я.

Конечно же, он отказал. Он пошел принести мне несколько одеял и подушек. На мгновение я опустила на край кровати. Все мое тело болело и было истощено. Я потянулась за своим телефоном и написала Генри. Он уже прислал мне немало сообщений, но это был первый раз, когда у меня правда была возможность ответить.

Я: С нами все в порядке. Нас приютили. Все хорошо.

Генри: Слава Богу. Я позвоню тебе завтра. Спокойной ночи, Эш.

Я: Спокойной.

Несколько минут спустя я подняла голову и увидела, что Дэниел возвращается в спальню. Он положил одеяла и подушки на комод.

— Иди за мной очень быстро, — сказал он. Его глаза горели, как голубые угли. — У меня есть кое-что для тебя.

Я сощурила глаза, но последовала за ним. Он вел меня по коридору, и мы остановились перед его ванной. Он открыл дверь и отступил.

— Ванная, — сказал он, указывая кивком головы внутрь. — У Рэнди есть какая-то странная пена для ванны в шкафчике. Каждую неделю он пытается завлечь меня принять ванну с какими-то эфирными маслами, чтобы снять стресс. — Он усмехнулся, но нахмурился. — Я захватил свою футболку и шорты для тебя, чтобы переодеться на ночь. Они на раковине.

Я нахмурилась.

— Почему ты такой милый со мной?

Он не ответил сразу. Его брови опустились, и он подбирал подходящие слова.

— Не путай мою отстраненность с тем, что мне все равно. На самом деле все совсем наоборот. — Он завел меня ванную и закрыл меня внутри.

Я положила руки на дверь и закрыла глаза.

— Все еще здесь? — прошептала я. Небольшой всхлип сорвался с моих губ, когда я не услышала его.

— Все еще здесь.

Я вздохнула, когда раздевалась. Я направилась к ванне, чтобы увидеть ромашки, плавающие на поверхности пузырьков.

— Дэниел, — прошептала я, приложив руку к груди.

Сначала мои пальцы ног коснулись теплой воды, а затем я позволила всему телу погрузиться в мыльные пузыри. Было горячо, но не слишком обжигающе. Комфортно. Расслабляюще. Я закрыла глаза и сделала глубокий вдох. Вода колыхалась туда-сюда с каждым движением, что я делала.

Я повернула голову к двери ванной, когда услышала гитарные струны. Мое сердце подпрыгнуло до горла, когда я услышала голос Дэниела, просачивающийся под дверь.

Навечно и навсегда пугало меня, потому что никогда не приходило.

Я потерял все чувство страха, когда прошептал ее имя. Слезы даже не дали мне возможность не упасть.

Его голос был таким тихим, звуча далеко. Тем не менее, в то же время, я могла ощущать слова в своем сердце, в своей душе.

*Земля вращается быстро,
Но все же замедляется иногда.*

Я не знаю как, но мне нужно, чтобы она всегда была моей.

Я потерял ее из-за того, что выбрал неверный путь.

Я потерял ее из-за невысказанных секретов.

Я потерял ее, и в свою очередь, потерял себя.

*Кто-нибудь, пожалуйста, помогите мне с этим поиском,
чтобы найти,*

чтобы найти, чтобы найти

мою Джульетту.

Я положила голову на заднюю спинку ванны, и мое тело полностью расслабилось. Он продолжал брэнчать на струнах гитары. Теплое чувство покоя накрыло меня, когда я вспомнила, как Габи играла для меня, когда я чувствовала себя потерянной и напряженной.

Я бы хотела, чтобы она смогла сыграть для Райана. В его бедной голове был полный хаос, я знала, что пройдет время, прежде чем он будет в порядке.

Мои пальцы потирались друг о друга, сморщившись примерно через час. Вставая, я наблюдала, как вода стекает по моему телу. Я обернула лежащее на стойке полотенце вокруг своего влажного тела. Подойдя к зеркалу, я уставилась на себя.

— Я скучаю по тебе, Габи, — я вздохнула. Я все еще видела ее отражение в своих глазах.

Я провела пальцами по прядям волос, прежде чем сняла мокрую резинку со своего запястья и собрала волосы вверх в пучок. Вытерев тело насухо полотенцем, я начала одеваться. Шорты Дэниела были слишком большие для моего тела, в то же самое время они подходили идеально. Когда я развернула футболку, воспоминание полностью накрыло меня.

Я посмотрела на отсутствующий рукав на футболке и улыбнулась, вспоминая первую ночь, когда Дэниел отрезал его для меня. Было множество вещей, что он не рассказал мне. Так много тайн, которые он скрывал от меня.

Но в конце дня вся драма была отложена сторону, он был парнем, который помогал девушке выйти из темноты.

Открыв дверь ванной, я увидела стоящего Дэниела. Его гитара была прислонена к стене, и он подарил мне небольшую улыбку.

— Мы должны поговорить, — сказала я.

Он кивнул и потянулся в свой карман. Он вытащил любимый нож своего отца и подошел ко мне. Я изогнула бровь, а он продолжил улыбаться. Осторожно, он начал отрезать другой рукав с футболки.

— Мы поговорим, я обещаю. Но прямо сейчас... — он взял рукав и вложил в мою руку. — Прямо сейчас ты нужна Райану.

Я взглянула дальше по коридору по направлению рыданий, что были слышны. Мой желудок перевернулся. Голова была опущена.

— Что мне сказать ему?

— Тебе не нужно ничего говорить. Просто будь там для него.

Мои шаги были медленными, я боялась за своего друга. Когда я вошла в комнату, то увидела, что он разваливается на части. Он рыдал в подушку, теряя себя под одеялом.

Я пошла к нему и забралась на кровать. Его красные уставшие глаза посмотрели на меня. Я протянула рукав ему, и он нахмурился. Он взял его у меня и плакал в него долго,

болезненно, искренне. Я обняла его и притянула его тело к своему. Я была пропитана его слезами, пока он рыдал у меня на плече.

— Все хорошо, Райан, — я лгала ему, надеясь, что когда-нибудь моя ложь станет правдой. — Ты в порядке. Ты в порядке.

Ты в порядке.

28 глава

Рискни и позволь мне вернуться.

Я облажался так сильно, что пойму,

Если ты даже не захочешь быть моим другом.

~ Скитания Ромео

Не было единого чертового шанса, что я смог бы быстро уснуть. Эшлин и Райан наконец задремали около трех часов ночи. Сейчас было четыре. Я стоял над раковиной, выливая бутылку водки. На столешнице было еще три бутылки: виски, ром и бутылка скотча, что была пустая.

Все, через что Райан прошел прошлой ночью, было опасно. Каждая эмоция, какую он испытывал, была смертоносной. Последнее, что ему было нужно, проснуться в середине ночи или что-то подобное и найти способ попытаться заглушить шум в голове.

Я видел, как отец заглушает свои проблемы таким же образом. Последнее, что я хотел, чтобы Райан вступил на эту темную дорожку. Он был хорошим ребенком. Некоторые из работ, которые он писал на уроках, показывали, каким потеряннным, но храбрым он был. Я просто надеялся, что он останется храбрым.

Моя голова дернулась вверх, когда я услышал, что задняя дверь открылась. Вошел Рэнди, он вел Джейса, на плечах которого был рюкзак. Когда Рэнди увидел меня, его глаза сощурились.

— Дэн, почему ты не спишь? — он посмотрел на пустые бутылки на столешнице. Затем посмотрел на меня в замешательстве. — Что происходит?

Я вздохнул. Мои глаза переместились на Джейса, чьи глаза были налиты кровью, а сам он был потным. На нем даже не было надето пальто в холодную погоду. То, как он теребил пальцы и моргал, плотно зажмуривая глаза, взбесило меня.

Он был под кайфом.

Рэнди заметил мою растерянность.

— Я нашел его, когда он бродил по улицам Эджвуда. Я не мог просто бросить его, я знаю...

Джейс двинулся к кухонному столу и вытащил стул, присев и опустив голову на стол.

Рэнди нахмурился. Он подошел ближе ко мне.

— Он продолжал говорить по поводу какого-то человека Рэда. Дэнни, ты же не думаешь, что он снова в деле? — я не ответил. Что было достаточным ответом. — Дерьмо. — Рэнди нахмурил брови.

— Рэнди, дай мне пару минут с моим братом, — сказал я со злостью в голосе. Он кивнул и покинул комнату.

Джейс немного приподнял голову и рассмеялся.

— Ох, черт. Только не одна из речей старшего брата «я разочаровался в тебе, Джейс». Пожалуйста, избавь меня. — Он снова рассмеялся. — Кстати, я видел твою девушку на вечеринке. Она секси, так ведь?

Мои руки сжались в кулаки, и я прижал их по обе стороны раковины.

— Скольким моим ученикам ты продал сегодня? Или же ты просто взял все это себе?

— Пошел ты, Дэнни, — пробормотал Джейс, опустив голову.

Да. Пошел я. Я двинулся к нему и потянулся к его рюкзаку, из-за чего он подпрыгнул.

— Отпусти! — зашипел он, изо всех сил стараясь удержать меня от рюкзака.

Я закатил глаза, зная, что Джейс не поборет меня, когда он в нормальном состоянии, поэтому мысль, что он думал, что может сделать это, пока он под кайфом, была почти комичной. Я толкнул его обратно на стул, даже прежде чем он смог моргнуть.

Я расстегнул рюкзак и нашел изобилие баночек с таблетками.

— Ты так чертовски глуп, Джейс! — закричал я, двигаясь к раковине. Он бродил по улице, находясь под кайфом, с рюкзаком полным наркоты. Очевидно, что он был не в своем уме.

— Не смей, черт побери! — закричал Джейс, поспешно вставая со стула, опрокидывая его.

Мои пальцы открыли утилизатор отходов, и я вывалил таблетки из одной бани в раковину.

— Ты сумасшедший, Дэнни! Ты знаешь, сколько это стоит? — кричал он, двинувшись ко мне, и выхватив назад свой рюкзак. — Рэд убьет меня! Он убьет меня, Дэнни! Из-за тебя!

— Нет... это все из-за тебя, Джейс. Ты не повесишь это на меня! — я налил стакан воды и выплеснул в его лицо. — Очнись, Джейс! Очнись, черт побери!

Он плюнул мне под ноги.

— Провались ты в Ад.

— Убирайся отсюда.

— Это дом и моих родителей тоже! — он споткнулся, но не упал. — Я могу остаться, если захочу!

Я схватил его за руку и потащил к задней двери, толкая его наружу.

— Ты можешь остаться в лодочном сарае. Но клянусь Господом... если ты снова принесешь это дерьмо в дом мамы и папы, я сделаю так, что тебя арестуют.

Он беспокойно перебирал пальцами и покачал головой туда-сюда.

— Я надеюсь, что ты повеселился со своей ученицей. Потому что если меня поймают, то и вас двоих тоже.

Я хлопнул дверью и глубокий крик вырвался из меня, когда я пнул мусорную корзину.

— Черт побери! — выругался я, проведя руками по лицу. Мои глаза открылись, и я увидел, что Эшлин стоит в проходе. Ее глаза были наполнены беспокойством и страхом.

— Ты знакома с моим братом Джейсом-наркоманом? — я саркастично выдавил из себя. Она нахмурилась.

— Я бы хотела, чтобы этого не было. — Она слегка раскачивалась взад и вперед. — Он шантажировал тебя, да? Чтобы держаться подальше от меня?

— Он разрушит твою репутацию, Эшлин...

Она подошла ко мне и провела рукой по моей щеке. Затем встала на носочки и поцеловала меня страстно и долго. Я обернул одну руку вокруг нее.

— Пойдем в кровать, — предложила она.

— Эшлин, — я пытался спорить. Она приложила палец к моим губам.

— Нет. Не сейчас. Мы не будем пытаться разобраться во всем прямо сейчас. Я не буду плакать, а ты не будешь вдаваться в размышления обо всем. Я не буду волноваться о Райане, а ты не будешь поддаваться стрессу из-за Джейса. Мы пойдем в кровать. Я включу один из твоих CD-дисков. Ты выключишь свет. Мы снимем одежду друг с друга, заберемся под одеяло. И ты будешь заниматься любовью с каждым сантиметром моего тела, разума и души, пока не взойдет солнце через несколько часов. В дневном свете мы во всем разберемся. В темноте мы просто будем поддерживать друг друга.

Она не понимала, насколько сильно я люблю ее. Слова не могли описать это. Поэтому я пообещал себе, что буду использовать язык тела, чтобы продемонстрировать свою любовь к ней. Я буду любить ее всеми возможными способам, в разных позах. Я буду любить ее на кровати, у стены, на комод. Я буду любить ее медленно, страстно, агрессивно. Я буду любить ее со смехом, печалью и радостью, пока солнечные блики не затанцуют на подоконниках.

Она подошла к моей коллекции дисков, выбрала один и вставила в проигрыватель. Когда ее палец нажал на кнопку «воспроизвести», я ухмыльнулся, когда услышал из колонок тихо играющую музыку моей группы.

— Не смогла найти ничего хорошего? — рассмеялся я.

Ее тело двигалось в гипнотическом танце, и я наблюдал, как она двигалась в такт, двигалась с музыкой. Не прошло много времени, прежде чем начало казаться, что эта музыка была частью Эшлин. Она схватилась за нижнюю часть футболки и потянула ее вверх, демонстрируя мне свою идеальную кожу.

Я направился выключить свет, но она покачала головой.

— Оставь свет.

Оставить свет.

— Игра «Пьесы Шекспира»? — спросила она.

Я рассмеялся, моя голова наклонилась к полу.

— Правда? Прямо сейчас?

Она широко улыбнулась, кивнув.

Я нахмурился.

— Потому что в действительности я просто хочу сорвать с тебя одежду и заниматься с тобой любовью снова и снова.

Она ухмыльнулась на мой комментарий, я мог видеть, как она обдумывает эту идею по тому, как блестели ее глаза. Она провела языком по своей нижней губе и покачала головой.

— Сначала поиграем в игру по пьесам Шекспира.

«Пьесы Шекспира» — это игра, которую Эшлин придумала самостоятельно. В ней было несколько правил. Правило номер один: один человек цитирует что-то из пьес Шекспира. Правило номер два: другой человек должен догадаться, из какой это пьесы. Если второй игрок угадал правильно, игрок номер один снимает деталь одежды. Если не угадал, то одежда остается до следующего раунда.

Мы стояли лицом друг к другу, ее тело все еще раскачивалось вперед-назад, на ее полных губах была красивая улыбка. Она соблазнительно потянула свою футболку, приподняв ее выше пупка.

— Трус много раз до смерти умирает; храбрец вкушает лишь однажды смерть.

Я ухмыльнулся, потерев рукой под подбородком.

— «Юлий Цезарь».

Она потянула футболку, обнажая прекрасную грудь, и стянула ее через голову. Футболка приземлилась между нами на полу. Ее бровь изогнулась в моем направлении, когда она стояла в своем розовом лифчике.

На мгновение я уставился на ее ошеломительные изгибы. Эшлин Дженнингс была богиней. А я был просто мужчиной, полностью покоренный моей прекрасной богиней. В моей голове не было сомнений, моим единственным предназначением в этой жизни было — любить ее.

— Дэниел, — она захихикала, краснея на моих глазах.

— Если музыка пицца для любви — играйте!

Она провела руками вверх и вниз по своим бокам, задумавшись. Я почувствовал, что мои джинсы дернулись, когда наблюдал, как она пальцами касается своего тела.

— «Двенадцатая ночь», — сказала она, как ни в чем не бывало.

Моя футболка полетела следующей. Я бросил ее в кучу. Я услышал, как она слегка застонала, уставившись на меня. В ее глазах плескалось желание, и я пообещал себе, что исполню все, что она захочет. Она прикусила свою нижнюю губу, и больше всего на свете я хотел прижать ее тело к своему, но был терпеливым.

— Говорите тише, если хотите потолковать о любви, — процитировала она «Много шума из ничего».

Когда я назвал ей ответ, она дважды кивнула. Ее пальцы скользнули под резинку шорт, и она пошевелила бедрами, чтобы они упали на пол. С помощью пальцев на ногах она отбросила их в нашу растущую кучку одежды.

— Моя любовь без дна, а доброта — как ширь морская. Чем я больше трачу, тем становлюсь безбрежной и богаче, — процитировал я, и имел в виду это больше, чем она могла понять. Ее глаза заблестели от слез, и она положила свою руку на сердце. — Не плачь, — я улыбнулся.

Она рассмеялась, пожав плечами, когда слезинка скатилась по ее щеке.

— Я много плачу. Просто прими этот факт обо мне. — Я принял. Ее губы снова приоткрылись, и она выдохнула: — «Ромео и Джульетта».

Я расстегнул пуговицу и молнию на своих джинсах, и она подняла палец, останавливая меня. Я сощурил глаза. Она подошла ко мне на цыпочках, и ее руки опустились к моим джинсам. Она спустила их по моим ногам, наклоняясь ниже и ниже с каждым сантиметром, когда джинсы опускались. Ее губы прикоснулись к краю моих боксеров, и она осыпала то место небольшими поцелуями.

Я ощущал ее горячее дыхание на своей коже. Мое тело отреагировало на ее небольшое соприкосновение. Оно ответило еще сильнее, когда ее язык выскользнул изо рта, и она слегка приспустила боксеры. Она проводила языком по моим бедрам, из-за чего мое желание к ней увеличивалось. Только к ней.

— Я делаю это с тобой? — прошептала она возле меня, ее рука скользила по ткани моих боксеров, а пальчики нежно прикасались. Я закрыл глаза, сделав глубокий вдох. «Ты делаешь это со мной». Она изучала мое тело, скользнув рукой в мои боксеры.

— Эш.. — пробормотал я. Я любил то, как она понимала меня. Я обернул руку вокруг нее и потянул ее вверх к себе. Я уставился в ее зеленые глаза и поцеловал ее. Мой язык скользнул в ее рот, и ее язык закружился с моим.

С руками вокруг ее талии, я прислонил ее к стене. Она застонала, когда я прижал свое тело к ее. Ее трусики слегка касались моих боксеров, и она закричала, когда я толкнулся бедрами к ней. Ее бедра извивались вперед-назад, из-за чего я застонал в ее рот.

— Ты любишь меня? — выдохнула она тяжело.

— Да, — я вдохнул у ее шеи, мои зубы заскользили по ее коже.

— Покажи мне. — Она спустила свои трусики вниз. Затем она избавилась от моих боксеров, позволив мне вышагнуть из них. — Покажи мне, как ты любишь меня.

Я потянулся за ее спину и расстегнул бюстгальтер, позволяя ему упасть на пол. Я вытянул руку под ее правое бедро, и поднял ее ногу с пола. Я расположил ее ногу на своей талии, и она обняла меня руками за шею. Моя твердость прижалась к ней, и я слышал, как она закричала от удовольствия.

— Я люблю тебя медленно, — сказал я, сжимая ее бедра руками. Я толкнулся в нее, любя то, какой узкой она была и как приняла меня. Ее рот открылся, и я замер, позволяя ей привыкнуть ко мне внутри нее. — Я люблю тебя глубоко. — Я поднял вторую ее ногу вокруг своей талии, удерживая ее. Я прижал рот к ее мочке и прошептал, когда всосал ее медленно: — Я люблю тебя спокойно. — Мои бедра качнулись по направлению к ее, мое дыхание было тяжелым, жаждущим. — Я люблю тебя сильно. — Ее голова прислонилась к стене, задыхаясь. — Я люблю тебя безоговорочно.

Я целовал, облизывал, посасывал ее грудь. Затем впился зубами в ее левый сосок и щелкнул по нему языком, делая это снова и снова, прежде чем всосал его, любя то, как она простонала мое имя. Она увеличила свои движения, когда я вбивался в нее.

— Я люблю тебя нежно и жестко, медленно и быстро. До и после. — Моя рука переместилась к ее затылку, и я перенес ее на кровать, положив ее, все еще находясь внутри нее. — Я люблю тебя, потому что был рожден для этого. — Наши бедра двигались в гармонии, наши тела стали одним целым. Ее любовь вдохнула жизнь во все мое существо.

До нее я не знал настоящей жизни. После нее не узнаю смерти.

Наши тела достигали истинного блаженства в ту ночь снова и снова. Мы занимались любовью, и наши пальцы на ногах подворачивались, наши сердца учащенно бились в груди.

Ничего не имело значения в мире. Все проблемы были заглушены в пределах спальни в холодную декабрьскую ночь. Мы отстранились от всех громких шумов и всех видов боли.

Я продолжал любить мисс Дженнингс, пока наши глаза не закрылись, и мы не скользнули в состояние покоя.

И затем я любил ее в своих снах.

*Я напишу тебе, когда ты будешь одинока,
Если ты напишешь мне, когда я буду напуган.
И я буду любить тебя, даже если в мире останется лишь отчаяние.
Наша любовь жива.
Никогда не умрет.
Всегда с нами, всегда с нами.
~ Скитания Ромео*

Эшлин

Я была подавлена солнцем. Дневной свет вынуждал столкнуться с реальностью. Я не была уверена, что была готова к этому. Мое голое тело слегка поерзало в одеяле, и я закрыла глаза в последний раз. Я позволила разуму вспомнить прошлую ночь с Дэниелом. Насколько в безопасности я себя чувствовала, то, какой свободной я была, когда он любил меня.

Звук моего телефона, уведомляющий о сообщении, заставил мои глаза открыться. Сев в кровати, я провела ладонями по лицу. Мои глаза переместились на место рядом со мной. Он все еще здесь. Было хорошо знать, что он все еще здесь, — умиротворенно спит. Некоторое время я просто наблюдала за его дыханием, за тем, как его грудь приподнималась и опускалась.

День. День. День.

Я еще больше выпрямилась в постели при звуке телефона, который пиликнул в кровати еще три раза подряд. Потянувшись к тумбочке рядом с кроватью, я ахнула.

Фальшивая пачка сигарет Райана.

Она лежала рядом с моим телефоном. Я осторожно подняла ее, как будто что-то ужасное могло случиться, если бы она порвалась в моих руках.

Я открыла ее, а внутри была записка. Земля начала уходить из-под ног. Я не могла заставить себя прочитать ее.

Мой телефон снова издал звук. Мое горло сжалось.

— Дэниел, просыпайся, — прошептала я слишком тихо, и он едва двинулся. — Дэниел, — сказала я громче, не в состоянии двигаться. — Просыпайся!

День.

Дэниел повернулся и обнаружил, что я дрожу с коробкой в руках. Я знала, что должна проверить телефон на входящие сообщения. Но я не могла. Мне было страшно. Его тело резко дернулось вверх, когда он увидел беспокойство в моих глазах.

— Что такое?

— Что-то не так, — пробормотала я. Дрожь увеличивалась, а страх углублялся.

— Милая... — он положил свои руки мне на плечи. — Поговори со мной.

— Проверь мой телефон, — умоляла я

Он потянулся через мое тело, его рука задела мой живот, и он схватил телефон. Когда он открыл его, я увидела, как его глаза изучают слова.

— Они от Ребекки и Генри.

— Прочитай их, пожалуйста, для меня.

— Эш, Ребекка хочет, чтобы вы оба вернулись домой, — сказал он. — Эш, ты в порядке? — он сделал паузу. — Эшпин, это Ребекка, пожалуйста, передай Райану вернуться домой...

— пауза. — Почему вы двое не отвечаете? Пожалуйста, пожалуйста. Я звонила пятнадцать раз. Верни моего мальчика домой, пожалуйста... — пауза. — Эшпин, вы двое в порядке? Мы волнуемся...

Сообщения продолжались. Ребекка хотела, чтобы он вернулся домой. Утром на ясную голову она подумала и осознала свои ошибки.

Но что, если она осознала их слишком поздно?

— Он ушел, — плакала я, пачка тряслась в моей руке.

Дэниел уставился на меня, потерянный от моей реакции.

— Эш.. все в порядке. Они хотят, чтобы он вернулся. — Он провел пальцами по моим волосам и поцеловал меня в лоб, но я не была так оптимистично настроена. Я прекрасно все понимала.

— Нет, это не так.

Я продолжала рыдать, чувствуя, что что-то не так. Я чувствовала то же самое, когда Габи...

Я моргнула. Я не могла думать об этом

— Нам нужно одеться, — приказал Дэниел. Он покинул комнату и вернулся с моей вчерашней одеждой. Я не могла сдвинуться с кровати. Он начал одевать меня, добавляя каждую деталь одежды одну за другой. С каждым предметом одежды тяжесть ситуации становилась еще больше.

Мы прошли по коридору, и, конечно же, кровать Дэниела была пуста.

— Он ушел, Дэниел, я знаю. — Он не ответил. Когда мы посмотрели на двор перед домом и увидели, что машины Хейли нет на месте, я клянусь, услышала, как он сделал глубокий вдох. Он поднял рюкзак, который лежал открытым на переднем крыльце.

— У него были деньги? — зашипел Дэниел.

Мой разум замер, я была в замешательстве. Он повторил еще раз, более резко:

— Генри дал ему триста баксов...

— Джейс... — пробормотал он, когда побежал к лодочному сараю.

Я поспежала за ним. Двери распахнулись, и Дэниел направился к лодке, даже не останавливаясь, чтобы вдохнуть. Он поднял деньги, что лежали на палубе. Триста долларов. Его брат спал, и Дэниел начал трясти его.

— Джейс! Клянусь Господом, если ты сделал это...

Джейс открыл глаза, вздрагивая.

— Какого черта ты делаешь?

— Ты продал ребенка! Моему ученику, Джейс! — он бросил пустой рюкзак в своего брата. Мое лицо покраснело. Ноги ощущались деревянными. Желудок завязался в узел. — Несчастный случай с Сарой не был твоей виной. Смерть мамы тоже. Но клянусь Богом, если что-то случится с этим парнем, это все из-за тебя! Только из-за тебя, Джейс!

Джейс сел, поначалу не понимая своего местонахождения.

— О чем ты, черт побери, говоришь? Дэнни, я ничего не делал...

— Нам нужно идти, — сказа Дэниел, хватая меня за руку и потянув из сарая. — Если он умрет, Джейс... Если он умрет, это будет на твоей совести! Это будет из-за тебя!

Если он умрет?

Я снова начала плакать.

Потому что я уже знала, что он мертв.

30 глава

#56. Отпусти его

Эшлин, прошлой ночью я подслушал, как мистер Дэниелс ругался со своим братом из-за каких-то наркотиков. Я позаимствовал кое-какие таблетки у парня. Пожалуйста, дай ему знать, я оставил деньги.

Я хотел разбудить тебя, но ты выглядела счастливой рядом с ним. Он выглядел счастливым. Не позволяй этому счастью уйти. Если кто-то и заслуживает счастья, так это ты.

Можешь сжечь коробку для меня? Мне больше не нужно напоминание.

Пожалуйста, передай Хейли, что я все еще здесь.

Всегда буду здесь.

— Райан.

31 глава

Звезды взорвались, и я был рожден. Пожалуйста, зовите меня Тони.

~ Райан Тернер

Заголовок газеты повторял заголовок его отца.

Райан Тернер, сын Ребекки Тернер, погиб в ужасной автокатастрофе на углу Джефферсон-авеню и Пайн-стрит.

Иногда история повторяется.

Сегодня души плакали и на земле, и на небесах.

32 глава

Не имеет значения, что ты чувствуешь.

Просто помни, что чувства — реальны.

~ Скитания Ромео

Эшлин

Похороны были похожи на другие. Печаль, боль и все завернутое в отчаяние. Ребекка стояла в углу, разговаривая со священником, а Генри приветствовал гостей и благодарил их за то, что они пришли. Было много людей — пришли большинство учеников из нашего старшего класса.

Я оглянулась и увидела, что Эйвери стоит с Хейли, слезы текут по его лицу. Хейли обнимала его, и не смела сказать ему, что все будет хорошо.

— Здравствуйте все. Я Отец Эванс. Если мы все сможем зайти внутрь, я верю, что мы готовы начать церемонию.

Я сгладила руками черное платье, которое надевала на похороны Габи, и гордилась своей способностью, что до сих пор не расплакалась в течение дня. Было пролито так много слез в больничной палате, в машине, в доме. Поэтому я пообещала себе, сделать все что угодно, но быть сильной в церкви. Когда остальные разваливались на части, я оставалась сильной ради них.

Служба продолжалась, и много слез было прилито другими. Я сидела между Хейли и Ребеккой на передней скамье. Ребекка не говорила много с несчастного случая, но я сидела, сжимая ее колено, когда она быстро стучала ногой по полу. Я пыталась прочесть ее эмоции. Должно быть, она чувствовала вину за то, что отталкивала Райана. Изолировав его таким образом. Должно быть, она хотела быть в машине вместо своего сына. Она хотела быть мертвой внутри.

Хотя чувство вины никому и никогда не приносит никакой пользы.

И не сегодня.

Пришло время для людей коротко сказать о Райане и его короткой жизни на этой планете, и многие вставали: некоторые шутили, некоторые разражались слезами. Я повернулась к Хейли, которая сказала мне ранее, что планирует произнести пару слов, но ее взгляд был опущен к полу.

— Я не могу... я не могу. — Она смахнула слезы, встала и вышла из церкви.

Я не знала, должна ли пойти за ней, или поддержать Ребекку, которая дрожала все больше и больше. Ее дыхание начало учащаться, и я ощутила, что паническая атака собирается поглотить ее.

Пододвинувшись ближе к ней, я прошептала в ее ухо:

— Он любил вас. Он все еще любит вас. Это нормально плакать.

Слезы текли по ее лицу, и она кивнула, ее тяжелое дыхание становилось спокойнее, пока она не начала дышать, как будто была морем в состоянии покоя.

Я повернулась и увидела, что Джейк сидит на одной из скамеек, его глаза наполнены слезами. Я нахмурилась. Он просто кивнул мне, прежде чем пошел проверить Хейли.

Отец Эванс позвал последнего оратора, и когда я подняла голову и увидела, что Дэниел идет вперед, мое дыхание перехватило в горле. Когда он достиг возвышения, то посмотрел прямо на меня. Его глаза были глубокими колодцами сопереживающего уныния. Он

потянулся в карман своего пиджака и вытащил листок бумаги, развернув его перед собой.

— Я не уверен, что должен стоять здесь сегодня. Эм... я знал Райана только один семестр, но если вы были знакомы с Райаном, то было достаточно одного дня, чтобы быть очарованным им. Он был шутником, но всегда таким мудрым, умным ребенком. Когда он написал первую работу на моих уроках продвинутого английского, я понял, какой глубокий и сложный ум у Райана Тернера. В начале года было задание... — Дэниел сделал паузу, прочистив горло, борясь со слезами. Он немного потоптался на месте, пытаясь совладать с эмоциями, но проиграл битву. — Извините, — пробормотал он, отвернувшись от микрофона и проведя рукой по лицу.

Когда он снова повернулся, я видела красноту его глаз, которая вела глубоко до самой сути.

— В начале года было задание... Я спросил учеников, где они видят себя через пять лет. Кем хотят быть. И я держу листок Райана и хотел бы прочитать его вам. — Он повел плечами и выпрямился, держа листок в руке. — Кем я хочу быть, когда вырасту? Мистер Д, это кажется очень сложным вопросом для человека моего возраста. Жизнь тяжелая, и взрослые всегда говорят нам «детям», что со временем она просто становится хуже. Я изо всех сил пытаюсь понять, что заставляет людей двигаться дальше, что заставляет их пытаться достигнуть чего-то большего в этом мире: Вера? Надежда? Любовь?

— Я гей, мистер Д. Я никогда не говорил этих слов учителю, но то, как вы вошли в класс в первый день, так сильно нервничая, заставило меня осознать, что я могу доверять вам. Вы также боитесь какого-то секрета, как и я. Поэтому я подумал, что могу поделиться своим с вами. Но моя сексуальная ориентация не должна определять меня, да? Во мне так много всего. Мне нравятся грозы. Я люблю бейсбол. Я думаю, что рок-музыка — это лучшая музыка. У меня голубые глаза. Я ненавижу горох. Моя кровь красная, а мое сердце плачет иногда, так же как ваше, я думаю.

— Вы знаете, чего я не понимаю? Я не понимаю, как люди, которые должны любить вас безоговорочно, отворачиваются от вас. В последнее время, мне приходилось убеждать себя, что это не я, от кого она отвернулась, это не я, кого она обвиняет в смерти отца — она любит меня, я знаю это. Она просто не может понять различные способы, которыми любовь может проявляться. Способы, которые только подростки могут понять, прежде чем земля взрослой жизни отнимет наше волшебство, наше чудо. Быть подростком — это проклятие и дар. Это тот возраст, когда сказки перестают существовать и Санта ненастоящий, но часть наших сердец хочет сказать: «А что, если...»

— Это время, когда ты чувствуешь все, но каждый утверждает, что ты просто принимаешь все слишком близко к сердцу. Вы и администрация школы, и общество задаете нам вопросы, на которые подростки понятия не имеют, как ответить. Кто мы? Где мы видим себя через пять лет? Кем мы хотим быть? Самое страшное для меня выбрать занятия, выбрать жизненный путь, чтобы следовать ему в таком молодом и наивном возрасте. Никто не знает, кто они, в нашем возрасте. Никто не имеет гребаного понятия, где он будет через пять лет. Последний вопрос мой любимый: Кем ты хочешь быть? Он самый легкий.

Дэниел сделал паузу и посмотрел на меня, цитируя последнюю часть мощного письма Райана.

— Живым. Я хочу быть живым, и я понятия не имею почему, видя, какая отвратительная жизнь порой. Может, это вера, надежда и любовь — все обернуто в одну форму, что лежит в моей груди. Может, мое сердце просто молится, чтобы завтра стало

лучше и заменило все это дерьмо прошлого. Поэтому ответ на ваш вопрос в очень депрессивной, подростково-подавленной манере: я хочу быть живым, когда вырасту. Поэтому теперь я спрашиваю вас, мистер Д. Кем вы хотите быть, когда вырастите? Потому что взросление нескончаемый процесс, а мечтания редко прекращаются.

Комната наполнилась тишиной. Дэниел сложил листок и засунул его в свой карман. Он говорил в микрофон с печальной улыбкой.

— Я не знаю, кем хочу быть, когда вырасту. Но если и есть тот, на кого бы я хотел быть похожим, — так это на молодого парня, что написал эти слова. Я хочу не бояться развязки жизни. Я хочу помнить, каково это — задыхаться от смеха и смеяться до слез. Я хочу погрузиться в надежду и закопаться в любовь. Я хочу быть живым, когда вырасту, потому что... Я не был живым никогда в своей жизни. И я думаю, что самое меньшее, что мы можем сделать, чтобы почтить память Райана, — это начать жить с сегодняшнего дня. И простить себя за ужасное прошлое.

На ступеньках церкви стояли Хейли и Джейк. Зимний ветер не проявлял любезность к любому виду кожи, и я наблюдала, как Джейк прошептал ей что-то, и она понимающе кивнула.

— Джейк. — Он повернулся в мою сторону на звук моего голоса. Я кивнула, чтобы он подошел. Он посмотрел на нее, а затем двинулся ко мне.

Он сделал шаг ближе.

— Она довольно сильно сломлена.

— Я знаю.

Печальная улыбка, что Джейк подарил мне, почти разбила мое сердце.

— Она винит тебя.

— Я знаю.

Он смотрел вдаль, руки в карманах.

— Довольно много людей со старших классов пришло сюда ради него. Все любили парня. Ты знала, что он был королем на нашем выпускном одиннадцатиклассников в прошлом году? — он сделал глубокий вдох. — Как ты доходишь до точки, когда чувствуешь себя таким одиноким?

Не существовало ответа на этот вопрос. Я думаю это то, что больше всего ранит людей, — оставшиеся без ответа вопросы.

Он ущипнул себя за переносицу большим и указательным пальцем и закрыл глаза.

— Послушай, Эшлин. Я знаю, что, вероятно, время неподходящее, но... — он вздохнул. — Парень, которому ты отдала свое сердце... Почему он не здесь?

Мой голос надломился. Глаза забегали туда-сюда.

— Ты прав, Джейк. Сейчас неподходящее время.

— Да. Точно. Но... — его голос дрожал. — Райан мертв. И когда люди умирают, ты начинаешь думать о недосказанных вещах. О тех вещах, что ты боялся сказать. И я собирался поехать на рождественские каникулы, чтобы навестить бабушку и дедушку в Чикаго, поэтому просто собираюсь сказать это сейчас...

— Джейк...

— Я ненавижу его. Кто бы ни был этот парень, которого нет сейчас здесь для тебя... я

ненавижу его за то, что он оставил тебя одну сегодня. — Мои глаза наполнились слезами от его слов. Он потянулся к своему галстуку и ослабил узел. — Я знаю, что ты думаешь, что я увлечен тобой только из-за твоего тела. Да, поначалу так и было. Ты великолепна, Эш. Но затем каждый день на химии ты открывалась или говорила. И затем я понял, как сильно люблю, когда ты говоришь.

— И затем осознал, сколько всего ты можешь сказать, и как мир заслуживает услышать твои мысли. И затем я подумал, как бы сильно любил тебя, если бы ты позволила. И затем я подумал, что если исправлю свое поведение, может, если завяжу с травкой или поступлю в колледж или заведу читательский билет в библиотеке, то, может, ты тоже полюбишь меня.

— Я люблю тебя, Джейк.

Он рассмеялся.

— Не пудри мне мозги этой дружеской херней. Все в порядке, правда. Мне просто... мне нужно было сказать это. Никаких сожалений, верно?

Я наклонилась, поцеловала его в щеку и прошептала:

— Пожалуйста, обними меня. — Он обернул руки вокруг меня. Я вдохнула его аромат и сжала его крепче. — Не отпускай пока, ладно? — он прижал меня еще ближе.

После объятия Джейк вернулся в церковь. Мои следы оставались на выпавшем снеге, когда я двинулась в направлении Хейли.

— Эй, Хейлс.

Она напрягла свои руки, что были вокруг ее тела. Ее губы были сжаты в тонкую линию. Казалось, что она сфокусировалась на чем-то на улице.

Я продолжила.

— Мне жаль...

— Ты знаешь, чего я не понимаю? — сказала она, перебивая. — Ты должна была находиться рядом с ним. — Она повернулась ко мне. — Ты должна была следить за ним одну ночь. Одну ночь! Где, черт побери, ты была, Эшлин!?

Слова. Было так много разных слов, разных фраз в мире, тем не менее, я не могла подобрать нужные.

Она выдохнула холодный воздух.

— Именно.

— Хейли... когда Габи умерла... — начала я.

— Нет! — зашипела она, вытянув руку в мою сторону. — Сегодня день не посвящен чувству вины Эшлин. Сегодня день не посвящен Габриэлле. Райан мертв! Ты обещала! — закричала она, задыхаясь в своем собственном страдании. — Ты пообещала присмотреть за ним, и теперь он мертв! — рыдание искажало ее слова, она почти бормотала. — Т-ты причиняешь боль в-сем к к-кому приближаешься, — заикалась она. Ее взгляд опустился к земле. Она не имела это в виду. Я это знала.

Если я и помнила что-то с похорон Габи, — так это то, что было легче злиться, чем горевать.

— С кем я должна обедать? — ее голос был шепотом. Она накрыла рот рукой, когда болезненный плач печали сорвался с ее губ. Она продолжала рыдать, ее тело дрожало. — Прости, Эшлин. Я не имела в виду то, что сказала.

Я обняла ее и покачала головой из стороны в сторону.

— Мы не извиняемся здесь, — сказала я, цитируя ее с того первого раза, когда я села за их стол на обед. — Потому что мы знаем, что вред не причиняется намеренно.

— Тео здесь нет, — она плакала у меня на плече. — Это худший день в моей жизни, а он не пришел. Он сказал, это противоречит его вероисповедания. Полная чушь, по моему мнению. — Она вытерла свои глаза и отстранилась от меня. — Самое печальное, что я не верю в это. Идти в церковь, чтобы оплакать таким образом. Я знаю, что Тео ненастоящий буддист... но я начинаю понимать то, что изучаю. Мне нравится это. И это... — она указала на церковь... — не имеет смысла для меня.

— Я могу помочь. — Послышался глубокий голос, и мы повернулись, увидев, что Рэнди идет к нам. Он пришел, чтобы убедиться, что Дэниел будет не одинок, после того, как потерял кого-то еще в своей жизни. Он приближался медленно, не хотел нас прерывать. — Я знаю, каково это, какой излишне болезненной смерть может казаться. Такое чувство, что ты хочешь отомстить миру за то, что он забрал того, кого ты любишь. — Он опустил голову и потер свои виски. — Я изучал буддизм многие годы. И если тебе интересно, мы можем вместе прочитать молитву.

Глаза Хейли наполнились слезами. Ее плечи поникли. Она снова была на грани сломаться.

— Я не знаю молитв. Я еще не зашла так далеко в своем изучении.

Рэнди бросился к Хейли и удержал ее от падения, положив руки ей на плечи.

— Все в порядке. Все в порядке. — Он стирал ее слезы. — Я пройду с тобой через это.

Я отступила в сторону, наблюдая, как они вдвоем находят комфорт.

Он взял ее за руку и его темные глаза уставились в ее голубые.

— Эта будет из Shantideva's Bodhicharyavatara.

Хейли слегка хихикнула, всхлипывая.

— Я понятия не имею, что ты только что сказал.

— Все в порядке. Просто закрой глаза. Я пройду с тобой через это.

И он сделал это. Я наблюдала, как двое абсолютных незнакомцев нашли комфорт друг с другом в самой худшей ситуации. Они не закрывались от неизвестного. Они приветствовали это друг в друге. Резкое дыхание Хейли начало расслабляться, когда она держала Рэнди за руки.

Моей любимой строчкой из того, что говорил Рэнди, было:

— Пусть все живые существа имеют неизмеримую продолжительность жизни. Пусть все они живут счастливо, и пусть слово «смерть» исчезнет.

Звучит хорошо для меня.

Все покинули церковь, чтобы направиться на кладбище. Дэниел подошел ко мне, но не для того, чтобы показать всем, что он мой любимый, а просто выразить соболезнование как равнодушный человек. Тем не менее, в своем сердце я знала, что он был обеспокоенным любимым, и это все, что имело значение.

— Как ты? — прошептал он. Я пожала плечами. Уголки губ Дэниела опустились, возможно, видя мой подавленный взгляд. — Я бы хотел поддержать тебя и забрать всю твою боль.

Я улыбнулась ему, и несколько слезинок упало. Он двинулся, чтобы стереть их.

— Нет, — я вытерла свои глаза. — Генри, — пробормотала я.

Дэниел нахмурился и кивнул.

— Увидимся позже. — Он направился к своей машине.

Повернувшись в направлении грузовика Генри, я сделала паузу, когда увидела Джейса сбоку здания церкви. Он остановился, уставившись на меня, прежде чем развернулся и направился в противоположном направлении. Я последовала за ним, выкрикивая его имя.

— Послушай, я понимаю, — фыркнул он, обращаясь ко мне. — Звони копам. Пусть меня посадят. Но клянусь Богом, я не делал этого! Я не продавал этому ребенку наркотики! — он расхаживал туда-сюда, его лоб потел на холодном воздухе. — Я не убивал этого ребенка! — прокричал он шепотом. Я ничего не сказала. Я стояла, уставившись на него, его голубые глаза были наполнены болью. Он провел руками по своей короткой стрижке и упал на колени, опускаясь на землю. — О боже мой. Я убил этого ребенка?

— У тебя такие же глаза, — сказала я. Он поднял голову в замешательстве. — Как у Дэниела. У вас обоих одинаковые глаза.

Он провел руками под носом и всхлипнул.

— Они у нас от отца. — Встав на ноги, он сделал паузу. — Почему ты не звонишь копам?

— Ты не ребенок, Джейс. Если ты думаешь, что сделал что-то плохое, то это целиком и полностью твоя ответственность — явиться с повинной. — Я слегка ухмыльнулась. — Плюс у меня был реально дерьмовый день, так...

Он рассмеялся и кивнул.

— Я сожалею обо всем этом. — Его голубые глаза наполнились слезами. — Я так чертовски сожалею.

— Да, я тоже. — Мой разум обдумывал кое-что, что я не была уверена, должна ли сказать ему, но знала, что ему нужно услышать это. — Не было никаких наркотиков... — я перенесла свой вес с одной ноги на другую, — в его организме. Райан врезался на машине в дерево, полностью осознавая, что делает.

— Я не виноват? — выдохнул он, положив руку на верхушку своей головы.

Я покачала головой.

Напряженная улыбка появилась на его лице, и он начал разворачиваться. Я увидела, как слезинка покатила по его щеке, когда он засунул руки в карманы джинсов. Я знала, что следующую реплику он говорил не для меня. Он говорил сам с собой, но я подслушала.

— Я избавлюсь от зависимости. В это раз правда... — Когда легкий ветерок подул, его последние слова слетели с губ и уплыли в сторону облаков. — Я просто хочу вернуться в группу. Может, он примет меня назад.

Если и существовал Рай, я надеялась, что слова Джейса найдут свой путь туда.

И если Бог существовал, я надеялась, что он слушал.

33 глава

Прощание приносит больше боли, когда оно одностороннее.

~ Скитания Ромео

Это был долгий день.

На кладбище я стоял рядом с мамой Райана, которая разваливалась на части. Генри держал ее за левую руку, а я за правую. Я понимал, что она знала меня лишь как парня, который учил ее сына, но она сжимала мою руку в ответ.

— Спасибо, — прошептала она.

Мои глаза переместились к Эшлин, которая обнимала Хейли. Она послала мне слабую улыбку, и я нахмурился.

Что если я разрушал ее жизнь, любя ее? Что если каким-то образом я подвергал ее опасности? Джейс был опасен, а люди, с которыми он имел дело, были еще большим риском.

Я знал, что это были глупые мысли, но смерть стала слишком частой в моей жизни. Я не был уверен, сколько еще смогу выдержать. Особенно, если что-то случится с Эшлин.

Джейс продал Райану эти наркотики? Остался бы Райан жив, если бы я не позволил им остаться на ночь? Он был бы жив прямо сейчас, если бы я не встречался со своей ученицей.

Чувство вины было коварным.

И оно наполняло мою голову всеми причинами, почему я не должен любить Эшлин.

Я не видел Эшлин четыре дня. Это было самое долгое время, когда мы не видели друг друга. Я сидел в своем джипе, припаркованном снаружи библиотеки, последние пятнадцать минут. Небо заволочило темнотой, и снег падал, не переставая. Под уличными фонарями, я видел, как она идет ко мне, с огромным бумажным пакетом в руках.

Она сказала Генри, что проведет ночь в доме подруги, пообещав отзваниваться каждый час. Что означает, что она будет со мной, по крайней мере, пятнадцать часов. От того, как фонари осветили ее лицо, и снег кружился у ее лица, я подумал, получится ли все когда-нибудь.

Потому что мне нужно было, чтобы все получилось с Эшлин Дженнигс. После того как она закончит в июне, я смогу любить ее в открытую — так, как она заслуживает, чтобы ее любили. Мы решим насчет колледжа, когда придет время, но не за день до этого.

Да, чувство вины было жестоким, но надежда была столь же мощным видом оружия.

Она открыла пассажирскую дверь и забралась внутрь, положи пакет себе на колени.

— Что ты взяла с собой? — спросил я.

Она покачала головой.

— Сначала поцелуй, потом вопросы.

Я наклонился, прижал свой рот к ее и ухмыльнулся, когда она высунула язык и провела им по моей нижней губе.

— Что в пакете? — повторил я.

— Мой сундучок с письмами от Габи. И «Джек», «Хосе» и «Морган», — ответила она.
— Мы напьемся сегодня и откроем письма.

Рассмеявшись на ее ответ, я закатил глаза.

— Нет, правда. Что в пакете? — она изогнула бровь и наклонила его ко мне. Куча алкоголя и письма. — Я не думаю, что сегодняшней вечер самое время для этого, милая. — Ее веки были настолько тяжелыми от недостатка сна. — К тому же ты не пьешь.

Она улыбнулась.

— Нет, я не пью. — Ее рука скользнула в пакет, и она вытащила письмо. — Но номер восемь требует это.

— Эшлин... — предостерег я, не желая, чтобы она топила проблемы в алкоголе. Она еще не пережила смерть Райана, и я боялся, что в один день, она просто сломается.

— Дэниел. Веселье. Помнишь это? Давай просто повеселимся сегодня, хорошо?

Я выдохнул и кивнул.

— Ладно. — Я сощурил глаза и наклонился в ее направлении. — Иди сюда.

Она приблизилась ко мне. Мои глаза опустились к ее губам. Я положил руку на ее поясницу, притягивая ее ближе. Она выдохнула, когда я медленно провел пальцем по ее верхней губе и затем медленно по нижней. Эшлин приоткрыла рот и медленно облизала палец, прежде чем нежно всосала его. Я обхватил ее рукой за шею и притянул ее рот к своему.

Мы уставились в глаза друг другу, мое сердце гулко билось в груди.

— Я люблю тебя.

— Я люблю тебя, — выдохнула она мне в губы, посылая эти слово глубоко во все мое существо. Ее спина изогнулась от моих прикосновений, и я потянул ее нижнюю губу. Она вздохнула, повторяя про себя:

— Я люблю тебя, я люблю тебя, я люблю тебя.

Когда мы подъехали к дому у озера, я увидел, что в гостиной горит свет. Затем заметил, что две девушки ходят туда-сюда в своих лифчиках. Дерьмо. Я оглянулся на Эшлин, которая, конечно, тоже заметила тела. Она повернулась ко мне с ухмылкой на губах.

— Голые женщины в твоём доме.

Я вздохнул, когда увидел Рэнди без футболки, попавшего в поле моего зрения через окно. Я потер пальцами лоб.

— В моем доме действительно голые женщины.

На ее губах была задиристая улыбка.

— Это... так заведено в доме мистера Дэниелса?

Я сжал руку в кулак и прикусил его сбоку. Мои глаза крепко закрылись.

— Нет! Нет... просто... Ну, в прошлом, чтобы попытаться заставить меня чувствовать себя лучше, Рэнди устраивал...

— Устраивал...?

— Устраивал голые музыкальные вечеринки.

Тишина. Я не хотел открывать глаза, чтобы видеть ее реакцию. Затем послышалось громкое хихиканье. Я открыл глаза и увидел, что Эшлин хохочет.

— Голые музыкальные вечеринки? О боже мой! Вы странные! — она смеялась так сильно, что слезы покатались по ее щекам.

— Что?! Нет! Рэнди странный! Я был просто парнем... в комнате... с голыми девушками.
— Я начал сдавать назад и разворачиваться, чтобы отъехать от дома. Эшлин положила руку на мою.

— Не смей! — зашипела она. — Мы собираемся на голую музыкальную вечеринку!

— Нет! — спорил я. Она поставила бумажный пакет на пол перед собой. Ее пальцы начали медленно расстегивать пальто. — Эшлин... — пробормотал я, наблюдая за ее движениями.

— Ставь рычаг на «паркинг», — проинструктировала она.

— Нет, — сказал я, но сделал противоположное. Я переключил на «паркинг».

Конечно же, я сделала это, потому что когда красивая девушка начинает раздеваться в твоей машине, ты переключаешь гребаную коробку передач на «Р». Я заткнулся, пока наблюдал, как она снимает пальто. Она схватилась за края свитера и начала стягивать его через голову.

— Уверены ли вы, что мы проснулись? Нет, мы спим, мы грезим, по-моему... — Она процитировала «Сон в летнюю ночь», когда ее свитер разместился на заднем сиденье.

Ее пальцы коснулись шеи, и она ласкала свое тело, пока ее пальцы опускались ниже, по ключице и к ее бюстгальтеру. Глаза Эшлин были закрыты, и я наблюдал, как она прикасается к себе передо мной, ее рот приоткрылся от возбуждения.

— Ты убиваешь меня, Эшлин, — пробормотал я, чувствуя, что становлюсь тверже, когда наблюдаю за ней.

Она откинулась на спинку сиденья. Ее руки все еще ласкали свое тело. Я наблюдал за ее тяжелыми вдохами и выдохами.

— Вверх и вниз, вверх и вниз, буду гнать их вверх и вниз... — цитировала она. Ее пальцы переместились к груди, опускаясь ниже к пупку. Она повернула голову в моем направлении и слегка улыбнулась, когда закрыла глаза. Ее пальцы начали расстегивать джинсы. — Я страшнее всяких крыс...

Я зарычал и положил руки поверх ее. Ее зеленые глаза распахнулись, и рот приоткрылся, когда она увидела, что в моих глазах плещется желание. Мои руки расстегнули ее джинсы, и я немного потянул их вниз. Слегка подразнив кожу над ее трусиками, я услышал ее стон.

— Дух, гоняй их вверх... — Я начал заканчивать ее цитату. Мои пальцы переместились к ее лифчику, задевая ее затвердевшие соски. Ее руки поднялись к голове, и она схватилась за подголовник позади себя. Ее дыхание участилось, возбуждение усиливалось. Проведя пальцами по ее коже, я скользнул ими в ее трусики и услышал, как она стонет от удовольствия, когда я прошептал в ее ухо: — И вниз.

Мне не нужно было входить в свой дом. Если я больше никогда не увижу голое тело другой женщины, я буду в порядке, пока это тело будет моим.

Так мы и не зашли в дом в ту ночь.

Но у нас была настоящая голая музыкальная вечеринка для двоих.

Мы переместились в лодочный сарай для нашей пьяной вечеринки, не желая идти в дом и видеть Рэнди с голыми девушками.

— В конце концов, мы пойдем внутрь. Они не останутся на ночь, — сказал я. — Рэнди

никогда не оставляет их на ночевки. — Я вытащил одеяло для нас, и мы легли на верхушку лодки.

Виски было открыто и после того как Эшлин выпила первый шот, я подумал, что ее вырвет. Но она отказалась перестать пробовать. Каждый раз, когда мы пили шоты вместе, она делала самое обаятельное уродливое лицо, которое я когда-либо видел. И она много смеялась, как типичная пьяная девушка.

Я любил звук ее смеха. Я изогнул бровь и убрал бутылку подальше от нее.

— Ты пьяна.

Она выпрямилась. Она сжала щеки тыльными сторонами ладоней.

— Охх! Я? — она засмеялась еще больше. — Ладно, — она хихикнула, засунула руку в бумажный пакет и покопалась там. — У меня есть два письма, которые нужно открыть! Номер двадцать семь. — Она посмотрела на письмо и вздохнула. — Иногда я чувствую, что эти письма управляют моей жизнью, — ее голос понизился, — и иногда мне кажется, что они ведут меня не в том направлении.

Она заморгала, и затем потрясла головой, отгоняя свои мысли, но держался за них. Она открыла письмо и начала читать его, запинаясь через слово.

Дорогая Эш, если ты читаешь это письмо на свой двадцать первый день рождения, значит ты огромная неудачница. Кто ждет двадцать первого дня рождения, чтобы напиться? Если ты читаешь его раньше, то выпей за меня, алкашка! Я люблю тебя как безумная. Скучаю по тебе еще больше. У тебя все будет хорошо, ребенок. Габи.

Она прижала письмо к груди и нахмурилась, но в то же самое время ее глаза улыбались.

— Я скучаю по ней как безумная.

— Она тоже скучает по тебе.

— Как ты думаешь, она с Райаном? — она сделала паузу. — Ты вообще веришь в небеса? Черт, я не знаю, верю ли я.

Я прочистил горло и расположил локти на коленях.

— Я верю возможность чего-то большего, кроме этого мира. И я верю, что они оба вместе, в безопасности и больше не испытывают боль.

Она легко выдохнула.

— Держу пари они тусуются с Шекспиром.

— Ну, очевидно. Зачем общаться с кем-то другим, кроме Шекспира, на земле мертвых?

Она улыбнулась. Я влюбился в нее еще сильнее. Наполнив еще две рюмки, она протянула одну мне.

— За Габриэлла Дженнингс и Райана Тернера. Может, они будут болтать с Уильямом Шекспиром постоянно.

За Габи и Райана!

Рука Эшлин подняла следующий конверт от Габи.

— Номер двенадцать... Заняться сексом в машине. — Когда она произнесла эти слова, ее щеки покраснели, и она накрыла лицо ладонями. — О боже мой. Мы занимались сексом в джипе!

Я ухмыльнулся.

— Дважды.

Она посмотрела на меня, ее волосы были растрепаны, взъерошены, идеальны. Она села, расположив руки на коленях. Наклонившись, она закусилла нижнюю губу.

— Я хочу заняться с тобой любовью везде дважды.

Я поцеловал ее в лоб и провел рукой по ее волосам. Она протянула мне письмо, и я изогнул бровь.

— Ты хочешь, чтобы я прочитал его? — спросил я.

— Конечно.

Открыв, я ухмыльнулся.

— Ты шлюшка.

Она кивнула.

— Я знаю-знаю. Теперь, что говорится в письме?

Моя улыбка стала еще шире, когда я повернул письмо к ней.

#12. Заняться сексом в машине

Ты шлюшка.

— Габи.

Эшлин вырвала письмо из моих рук и уставилась на слова на бумаге. Ее глаза расширились от веселья, и она фыркнула.

— Какая сучка.

Я подумал, что это было закодированное «моя лучшая подруга».

34 глава

Закрой дверь.

Сними одежду.

Позволь мне раскрыть твои секреты.

~ Скитания Ромео

Эшлин

Мы переместились в спальню Дэниела и уснули в объятиях друг друга. Утром, когда я проснулась, Дэниела нигде не было. Зато у меня была интенсивная головная боль. На подушке рядом со мной стоял поднос. На нем стояли ромашки в бутылке с водой, миска с хлопьями Cap'n Crunch, смешанными с зефирками, тарелочка с двумя обезболивающими и апельсиновый сок.

Моя улыбка осталась на месте, когда я увидела утренний свет, просачивающийся в спальню.

Завтрак в постели. Еще один наш первый раз.

Я закинула таблетки в рот и запила их апельсиновым соком.

Дэниел вошел в комнату в одном лишь полотенце, обернутом вокруг талии. Из-за того, как ткань висела на его бедрах, я окончательно осознала, каким слаженным он был сверху

донизу. Вода стекала по его накачаным шести кубикам пресса, и я покраснела, когда плялилась. Я любила то, что еще краснела из-за него время от времени. Он ухмыльнулся на мою реакцию.

— Доброе утро. — Он подошел ближе, и я вытянула руку, схватила его и притянула его влажное тело к себе. Он лег на меня сверху, прижимая меня к себе. Он пах так свежо, пах лесом. И я убедилась, вдохнув его аромат.

— Ты сделал мне Cap'n Crunch и добавил зефирки? — спросила я.

Он поднял кусочек и расположил между моих губ.

— Как ты любишь. — Он поцеловал меня слегка, и я поморщилась.

— Мне нужно почистить зубы и принять душ. Ты чистый и свежий. Это несправедливо, что ты целуешь меня с неприятным утренним дыханием.

— Мне все равно, — рассмеялся он.

Я прикрыла руками рот и отвернулась от него.

— А мне нет.

Дэниел встал и сгреб меня в свои объятия, все еще посмеиваясь.

— Тогда пойдем приведем тебя в порядок.

Заняться любовью в душе.

Еще один наш первый раз.

35 глава

Боль — это не то, что тебе нужно, чтобы спастись.

Но, детка, пожалуйста, продержись еще один день.

~ Скитания Ромео

Зимин

Зимние каникулы начались через неделю после похорон Райана. Я оставалась у Генри большую часть этого времени, мне нужно было убедиться, что Ребекка и Хейли находят время поесть, поплакать, погоревать. Я потеряла Габи в августе, но поняла, что самое худшее время терять кого-то — в течение праздников. До Рождества было пять дней, но, тем не менее, оно совсем не ощущалось.

Дэниел писал мне каждый день, убеждаясь, что я нахожу время, чтобы поесть, поплакать, погоревать. Каждое сообщение заканчивалось одинаково: «Я тебя люблю».

Мне это было нужно.

В ночь перед Рождеством я не могла уснуть. Я сидела в гостиной со своим ноутбуком и писала, наполняя своих вымышленных персонажей своими мыслями. Я услышала приближающиеся шаги позади себя, повернулась и увидела, что Генри идет с кружками.

— Чаю? — спросил он. — У Ребекки в шкафчике есть какие-то странные ароматические добавки, но я подумал, что можно попробовать. — Я кивнула и подвинулась на диване, чтобы освободить место для него. Он сел и протянул мне кружку. — Над чем работаешь?

— Мой роман.

— О чем он?

Я прикусила нижнюю губу.

— Я еще не совсем уверена. Но дам тебе знать, когда разберусь. — Закрыв ноутбук, я повернулась к нему. — Габи простила тебя, — сказала я. — Она никогда не обвиняла тебя в том, что ты ушел.

Глаза Генри встретились с моими.

— А что насчет тебя?

— Меня? — я сделала паузу. — Я работаю над этим.

Он кивнул.

— Это прогресс.

Дальше по моим щекам потекли слезы, и я потрясла головой.

— Я так ужасно обращалась с тобой.

— Я делал это еще хуже, Эшлин. Меня вообще не было рядом. Я пропустил так много. — Он опустил голову. — Куда нас это приведет?

— Я не знаю. Но давай просто переживем сегодняшний вечер. — Я подняла свой чай, сделал глоток, затем выплюнула в кружку. — О боже мой! На вкус как оленья моча!

Генри рассмеялся и приподнял бровь.

— А ты знаешь, какова на вкус оленья моча, потому что...

Я указала на его кружку.

— Попробуй. Сам поймешь.

Когда чай коснулся его губ, он поперхнулся и выплюнул его назад в кружку.

— Да, это определенно моча Рудольфа (прим. пер. имеется в виду олень из мультфильма «Оленёнок Рудольф»).

— Правда? Я думала Кометы (прим. пер. имя одного из оленей Санты-Клауса).

Он улыбнулся. Я улыбнулась. Мы улыбнулись. Не неловкой улыбкой, не отчужденной улыбкой отца и дочери, которые не могут найти общий язык, а настоящей. Это первая такая улыбка, которую мы разделили за... годы.

— Я думаю, что поеду проведать ее... побуду с ней на праздники. Если ты не против, я, возможно, уеду завтра.

Он поморщился.

— Я вернусь, Генри, — пообещала я.

— Она любит тебя, Эшлин. ей станет лучше... — он подошел к елке в углу и поднял подарочную коробку. — Вот, держи.

Я провела пальцами по подарочной упаковке. Когда увидела свое имя, написанное на ней, мое сердце пропустило удар.

— Ты всегда посылал нам подарочные сертификаты, — прошептала я.

— Да, ну... я подумал, что попробую кое-что другое в этом году. Открой.

Я медленно разворачивала подарок, чувствуя, что это как будто какой-то сон, и я могу проснуться. Я ахнула, когда увидела диск в своих руках: «Скитания Ромео».

Генри прочистил горло.

— Я знаю, что это может быть странно. Но я видел их выступление несколько недель назад. Они хороши, Эшпин. — Он сделал паузу. Его нижняя губа дрожала. — Дэн... — он снова сделал паузу... — Мистер Дэниелс рассказал мне, что каждая их песня основана на пьесах Шекспира. Ты любишь Шекспира, верно? Но если тебе не понравится, мы можем купить что-то другое. Я свожу тебя по магазинам...

Я глубоко выдохнула, затем обернула руки вокруг Генри и прижала его ближе.

— Спасибо тебе, Генри. Это идеально. — Когда мы отстранились, я вернулась к чаю и сделала еще один глоток, скривившись от вкуса.

— Почему ты вообще пьешь эту отвратительную дрянь? — спросил Генри, смотря на чай.

— Он не весь отвратительный, — спорила я. — К тому же Габи любила чай, она причина, почему я начала его пить.

Его брови опустились.

— Как думаешь, ты можешь рассказать мне больше о Габи?

Мои уголки губ опустились, и я почувствовала, что мой пульс ускорился от мысли поделиться великолепными подробностями о моей лучшей подруге с мужчиной, который уже должен знать ее.

— Что ты хочешь узнать?

Его голос был едва слышным шепотом.

— Все.

После нескольких часов болтовни с Генри о Габи, я обнаружила, что сижу в ванне и разговариваю с Дэниелом. Было около трех утра, и у него не было никаких планов, чтобы повесить трубку.

— Прости, что звоню так поздно, — вздохнула я.

— Не беспокойся. Я просто лежу, обнимаю свою подушку, думаю о тебе.

Я рассмеялась на его комментарий.

— Я собираюсь увидеть свою маму завтра...

— Да? Я думаю, это здорово.

— Я нервничаю... Что если что-то пойдет не так? Что если она не захочет видеть меня? Что если я приеду туда, и все еще буду злиться на нее? Потому что... я все еще злюсь.

Я слышала его дыхание через динамик, и этот звук подарил мне немного комфорта.

— В моей жизни происходило много всего ужасного. И я пришел к выводу, что если ты не скажешь то, что тебе нужно сказать, когда у тебя есть шанс... ты будешь жалеть об этом. Даже если ты злишься, скажи это. Прокричи это всему миру, пока у тебя все еще есть шанс на это. Потому что жизнь проходит мимо нас. И слова остаются невысказанными.

Я крепко зажмурила глаза, и опустила голову. Сказать то, что нужно сказать. Это так сильно пугало меня.

— Я засыпаю.

— Или спать, Эш. У тебя важный день завтра.

Я кивнула в телефон, как будто он мог видеть меня.

— Ты останешься на линии? Пока я не усну?

— Конечно.

Я вылезла из ванны и направилась к себе в комнату.

— Счастливого Рождества, Дэниел.

— Счастливого Рождества, ангел.

Я приложила телефон к уху, и он играл на гитаре в телефон, пока мои глаза не отяжелели, и сон не накрыл меня.

Я села в поезд с сундучком от Габи на моих коленях. Я подумала, что открыть пару писем с мамой будет хорошо для нее. Для нас. Я написала Дэниелу, поблагодарив за прошлую ночь. Он ответил только одним словом: Всегда.

Сидя у окна в поезде назад в Чикаго, я вернулась к воспоминаниям о моей первой поездке на поезде в Висконсин. Когда наши пути с Дэниелом первый раз пересеклись. Так много всего изменилось с тех пор, но некоторые вещи все еще остались неизменными. Эти голубые глаза, например.

Я положила сундучок на место рядом с собой. Подтянула ноги к груди и вздохнула. Я так сильно скучала по ним обоим, Райану и Габи. Слезы начали течь из моих глаз, когда моя голова опустилась на окно, и поезд начал двигаться. Закрыв глаза, я сделала несколько глубоких вдохов. Я в порядке. Я повторяла это себе снова и снова, но, тем не менее, слезы не переставали литься.

Должен быть закон вселенной, который будет гласить, что молодые люди не должны умирать. Потому что у них не было шанса пожить.

Мои глаза снова открылись, когда я услышала шаги рядом с собой, и я подняла голову.

Прекрасные.

Поразительные.

Потрясающие

Голубые глаза.

Мои слезы лились, когда Дэниел поднял мой сундучок и сел рядом со мной.

— Что в нем было самое замечательное? — спросил он, притянув меня ближе и сцеловывая слезы.

Я закрыла глаза, когда еще больше эмоций продолжило стекать со слезами по моим щекам, тем не менее, его поцелуи не останавливались, он ловил каждую слезинку своими губами.

— Его сердце. Он любил им со всей страстью и чувствовал очень сильно, — прошептала я о Райане. — То, как он любил свою сестру и маму. То, как он скучал по своему отцу.. — мои глаза вновь отрылись, и я положила руку на его затылок и притянула его ближе. — Какой любимый рождественский факт твоей мамы?

В этот раз он закрыл глаза. Он не ответил сразу же. Когда его голубые глаза открылись, в них блестели слезы.

— Я не говорю о ней.

Я кивнула.

— Знаю.

Наши лбы соприкасались друг с другом, мы вдыхали друг друга.

— Ее двойная проблема проявлялась на каждое Рождество. Я всегда получал два одинаковых свитера, просто на случай, если испорчу один. Она пекла печенье в двойном размере. Заставляла нас смотреть «Эта прекрасная жизнь» дважды. Она... — он хихикнул,

проводя пальцем по лбу. — Она добавляла двойную дозу водки в праздничный пунш. Но в основном это было для папы.

— Какой самый безумный факт о нем? — спросила, слегка целуя его в губы.

— Хммм, он был мечтателем, который воплощал желания в реальность. Он купил лодку, прежде чем домик у озера. Но он был уверен, что у них появится дом. Он воплощал мечты в жизнь, я думаю. — Мои пальцы запутались в его волосах. Он поцеловал перегородку моего носа. — Ты никогда не будешь проходить через вещи подобного рода в одиночку, Эшлин. Никогда.

36 глава

Я хочу знать, кем ты была до меня.

Я хочу увидеть мир, который ты видела.

~ Скитания Ромео

Мы сделали небольшую остановку перед домом мамы. Когда Дэниел вел машину до подъездной дорожки пригородного дома, я улыбнулась. Бампер одной из машин был покрыт наклейками одной из самых лучших когда-либо существующих групп.

Машина Бентли.

Я полезла в сундучок и вытащила кольцо обещания Габи и письмо, адресованное Бентли. Я вздохнула, ощущая кольцо на своей коже. Они были бы так счастливы вместе.

— Я подожду здесь, — сказал Дэниел, заметив взгляд в моих глазах.

— Пожалуйста, пойдём со мной? — попросила я, выходя из машины.

Его дверь открылась, и он тоже выбрался из машины, тихо прикрыв дверь. Каждый шаг, что я делала к дому, был болезненным. Каждый раз, когда мои зимние ботинки поднимались, я чувствовала удар острого ножа у себя в животе.

Держа кольцо и письмо в одной руке и руку Дэниела в другой, я поднималась по ступенькам к парадной двери. Моя голова повернулась к качелям на крыльце, которые были покрыты небольшим количеством снега. Я моргнула, и воспоминания начали всплывать на поверхность.

— Я думаю, что люблю его, — Габи прошептала мне в ухо, когда мы качались взад-вперед на крыльце Бентли во влажную летнюю ночь. Он отправился в дом, чтобы прихватить нам содовую, прежде чем мы пойдём на ярмарку.

Я усмехнулась.

— Ты любишь его.

Она послала мне застенчивую улыбку и кивнула.

— Я люблю его.

Покачивая головой, я выдернула себя из воспоминания. Я подняла палец и нажала на дверной звонок на секунду. Когда раздался звонок, я хотела убежать. Я хотела вернуться туда, откуда приехала, назад в Чикаго.

Дэниел усилил хватку на моей руке.

Я расслабилась.

Дверь открылась, и когда я увидела Бентли через дверь-ширму, я ахнула. Он выглядел удивленным и немного печальным поначалу. Я бы хотела не быть так похожей на нее. От одного моего вида его сердце, вероятно, разбивалось.

Бентли ступил на крыльцо, и его глаза расширились.

— Эшлин, — прошептал он.

Я начала переминаясь с ноги на ногу. Моя нервозность увеличивалась.

Дэниел выпустил мою руку, и когда я посмотрела на него, он мне слегка улыбнулся.

— Привет, Бентли.

Бентли рассмеялся. Его глаза увлажнились.

— Привет, Бентли? Это все, что я получу? Иди сюда. — Он крепко обнял меня. Я вдохнула его запах, сжимая его все сильнее и сильнее. — Ты так хорошо выглядишь, — прошептал он мне.

— Ты тоже, Бент. — Мы отстранились друг от друга и оба вытерли свои глаза, рассмеявшись. — Ох, Счастливого Рождества! — сказала я, почесывая заднюю часть своей шеи.

Он широко улыбнулся.

— Так, а это кто у нас здесь?

Я повернулась к Дэниелу, который тихо ждал в стороне. Я покраснела.

— Это Дэниел, мой... — я сделала паузу, не зная, кем мы были на данный момент.

— Парень, — Дэниел улыбнулся, протягивая свою руку Бентли. — Приятно познакомиться с тобой.

Бентли застенчиво посмотрел на него.

— Ох, приятно познакомиться с тобой тоже. — Он прижал язык к внутренней стороне щеки. — Он красавчик, не так ли? — я захихикала и толкнула Бентли в руку. — Ну, не стойте здесь. Проходите внутрь.

Я замаялась на мгновение. По какой-то причине я чувствовала, что не должна заходить внутрь без Габи.

— Мы не можем остаться, я просто... — я подняла руки с кольцом и письмом. — Я хотела отдать тебе это. — Кольцо легло на его ладонь, и я услышала как он глубоко и резко выдохнул. — Она оставила это в сундучке, который ты дал мне. И попросила отдать тебе письмо.

Он крепко держал в руке листок бумаги.

— Это от Габриэллы?

Я кивнула.

Когда я наблюдала, как он медленно открывает письмо, странное чувство умиротворения накатило на меня. Казалось, как будто закрылась книга — финальная глава в истории любви Бентли и Габриэллы была завершена.

Он плакал, когда читал ее слова. Конечно же, он плакал. Ее письма всегда заставляли людей плакать.

— Она была моей любимой. — Его голос надломился, когда он продолжал читать слова снова и снова.

— Я знаю.

— Иногда я задаюсь вопросом, как я должен начать сначала? Как я должен... — он закашлялся и провел рукой по своему покрытому слезами лицу. — Как я должен когда-нибудь быть счастливым снова?

— Ты начнешь медленно. — Дэниел сделал шаг вперед, положив руку на плечо Бентли. — Ты позволишь себе чувствовать, что, черт побери, ты бы не чувствовал. И когда ты будешь счастлив, не вини себя по этому поводу.

— Начать медленно, — Бентли повторил про себя. Его голова наклонилась к крыльцу. — Вау. Он красавчик и умный. Намного лучше Билли.

Я рассмеялась на комментарий Бентли и притянула его в прощальное объятие.

— Береги себя, хорошо?

Он отстранился и поцеловал меня в лоб.

— Ты тоже, Эш-Эш. — Повернувшись к Дэниелу, Бентли пожал его руку. — Дэниел.. позаботься о моей младшей сестренке, хорошо?

Дэниел держал руку Бентли секунду дольше и улыбнулся. Затем засунул руки в свои карманы.

— Позабочусь.

Он сделает это.

37 глава

Дом — что это значит?

Ты смотришь мне в глаза.

Просто дыши.

~ Скитания Ромео

— Мам? — сказала я, когда повернула дверную ручку, входя в квартиру. Все было точно так же. В гостиной по-прежнему висели огромные, уродливые с цветочным принтом рамки на стене. По телевизору по-прежнему показывали дрянное реалити-шоу. Диван по-прежнему был того же самого обычного коричневого цвета.

Тем не менее, все чувствовалось по-другому.

Дэниел вошел позади меня, закрывая дверь.

— Я не думаю, что она здесь, — прошептала я, но не знала почему. Ощущалось, как будто я незаконно проникла на чужую территорию, и если попадусь, то мир обрушится

вокруг меня.

Я уставилась в коридор, в направлении нашей с Габи комнаты. Каждый волосок на моем теле встал дыбом. Мурашки покрыли мою кожу. Я не знала, что буду чувствовать себя такой напуганной, и, тем не менее, такой злой, просто находясь в квартире. Я хотела закричать, но мое горло сжалось. Я хотела заплакать, но слезы не приходили.

Подойдя к своей комнате, я обнаружила, что дверь закрыта. Я провела пальцами по дверной ручке и открыла дверь.

Так же как и в остальной части квартиры все было точно таким же, но в то же время другим. Я ненавидела это.

На моем комоде все еще лежали несколько книг, которые я оставила. Шкаф был заполнен нашей с Габи одеждой.

Я подошла к своей идеально заправленной кровати и села на край. Похлопав по месту рядом с собой, я пригласила Дэниела сесть со мной.

— Пахнет тобой, — заметил он. — Знаю, это звучит странно, но это так.

Мои глаза переместились на подушку, и я подняла ее, вдыхая запах. На ней был аромат моих любимых духов.

— Я собиралась сказать ей, сколько проблем породила, — начала я, уставившись на сторону комнаты Габи. Ее постеры «Битлз» все еще висели на стенах. Ее акустическая гитара была прислонена к кровати. Их с Бентли фото все еще висели по всей стене. Фото нас с ней... — Она отказалась от меня, когда я больше всего в ней нуждалась.

Я посмотрела на Дэниела, в его глазах была печаль, тем не менее, он молчал.

— Она... она сказала мне уезжать! — я встала, чувствуя, что моя кровь начинает закипать. Возвращение сюда разбередило мои эмоции, возвращение сюда взбесило меня. — Я могла помочь ей! Я могла позаботиться о ней! — я кричала, расхаживая туда-сюда.

Он продолжал смотреть. Я продолжала разваливаться.

— И затем она имела наглость надуть мою подушку? Как будто скучал по мне? — Я сердилась и пыхтела, мое лицо покраснело. Я ударила себя рукой в грудь. — Габи была моей близняшкой! Если кто-то и должен разваливаться на части, так это я!

Я была в ярости, и в то же время волновалась. В ярости, потому что мама выбрала алкоголь, когда должна была выбрать меня. И волновалась, потому что боялась увидеть ее сломленной.

Подойдя к кровати Габи, я начала срывать ее одеяло, сбрасывать подушки в сторону, бросать ее простынь на пол.

— Она не вернется, мам! — кричала я в воздух.

Далее я сорвала плакаты Габи, разрывая их. Я потянулась к фото и начала срывать их на пол тоже. Дэниел обернул свои руки вокруг меня и оттянул меня от кровати.

— Эшлин, остановись, — приказал он.

Я не могла. Мой разум погряз в печали, в воспоминаниях. Как смела мама приказать мне уехать. Как смел Генри заботиться обо мне. Как смела Габриэлла болеть раком. Как смел Райан убить себя!

— Я нашла Райану место остановиться. Мы должны были поспать и разобраться во всем утром. Ребекка успокоилась. Она хотела, чтобы он вернулся домой. Хейли нуждалась в нем... Какой придурок. Он придурок, потому что умер!

Это было несправедливо. Все они покинули меня, когда я сделала бы все что угодно, лишь бы оставалась с ними. Я бы отдала им всю любовь, в которой они нуждались.

Почему меня было недостаточно?

Дэниел обхватил меня за талию, но я продолжала размахивать ногами и руками и кричать.

— Отпусти меня! — Он держал меня крепче. Я начала пинаться ногами, вонзая ногти в его руки, пытаюсь избавиться от его хватки на мне. Мои вопли становились громче, а боль только усиливалась. — Отпусти меня!

— Нет. — Он продолжал держать и прижал меня к стене, контролируя мои удары. Мое тело прислонилось к холодной стене, и я заплакала. — Я никогда не отпущу тебя, Эшлин. Я никогда не отпущу тебя.

— Ты сделаешь это! Ты отпустишь меня!

Мой желудок скрутило, и у меня было чувство, что меня сейчас вырвет. Он не делал это целенаправленно, но он лгал мне.

Потому что все уходило.

Мое зрение начало размываться, и я чувствовала, что у меня кружится голова.

— У тебя паническая атака, — прошептал Дэниел мне, когда мое дыхание начало учащаться. Мои внутренности напряглись. — Успокойся ради меня, милая. Успокой свое дыхание. — Он развернул меня, чтобы я была лицом к нему. Я потянула его за рубашку, притягивая ближе к себе.

Я слетела с катушек.

Окончательно слетела с катушек.

Но он все еще был здесь.

Мы сидели на диване, лицом к входной двери. Когда я услышала позвякивание ключей, мое сердце начало биться быстрее. Дверь медленно открывалась, и я увидела, что мама заходит с Джереми позади нее.

Я встала и услышала, как мама ахнула. Ее глаза наполнились слезами, и плечи поникли.

Я должна была злиться.

Должна была ненавидеть ее.

Но все, что я смогла сделать, — это обнять ее, притянуть ее к себе и плакать вместе с ней. Я не знала, что думать о взаимодействии между нами.

И может, завтра я снова буду злиться.

И может, когда я вернусь в Висконсин, я буду ненавидеть ее еще больше.

Но прямо сейчас? На Рождество во второй половине дня?

Прямо сейчас, мы были просто двумя людьми, которые облажались, все испоганили и научились новому. Мы создали идеально неидеальное.

38 глава

Падает мягкий снег.

Я нежно люблю тебя.

~ Скитания Ромео

Эшлин

В эти дни в Чикаго мы с мамой ни с чем не разбирались. Мы не прорабатывали наши проблемы.

Мы оплакивали первое Рождество без Габи. На Новый год мы убрались в нашей комнате. Мама подняла гитару Габи и улыбнулась Дэниелу.

— Ты можешь взять ее.

Он нахмурился.

— Я не могу.

— Пожалуйста, — прошептала мама, пробегая пальцами по струнам гитары. — Она заслуживает, чтобы на ней играли.

Дэниел посмотрел на меня, и я улыбнулась, кивнув.

— Спасибо вам, — сказал он, беря гитару в свои руки. Когда мы с мамой складывали последнюю одежду Габи, чтобы отправить на благотворительность, Дэниел играл на гитаре.

— Ты знаешь что-нибудь из «Битлз»? — спросила я его. Мама посмотрела на него и улыбнулась, ожидая его ответа.

Он заиграл «Let It Be», тихо напевая. Его голос был более гладкий, чем я когда-либо слышала. От этого по моему телу прошел холодок. Снаружи за окном тихо падал снег, покрывая ветки деревьев, покрывая каждый сантиметр Чикаго.

И когда часы пробили полночь, все плакали.

— Что ты думаешь? — спросила я Дэниела, когда мы вернулись обратно на ж/д вокзал в Эджвуде. — Думаешь, она сможет перестать пить?

— Я не знаю, — ответил он, — но надеюсь.

— Я тоже. — Я огляделась вокруг и улыбнулась Дэниелу. Мы стояли в потайном уголке с таксофоном на станции «Амтрак». — Она хочет, чтобы я вернулась жить с ней... чтобы поработать над нашими взаимоотношениями.

Он медленно кивнул.

— Я знаю.

Мой голос прошептал следующую тему обсуждения. Мама отдала мне письмо от колледжа моей мечты, когда мы выходили.

— Меня приняли в Университет Южной Калифорнии.

— Я знаю, — повторил он. — Конечно же, тебя приняли. — Он опустил голову к полу. — Не имеет значения как сильно мы стараемся... почему я чувствую будто теряю тебя?

Я тоже это чувствовала. Но не произнесла это вслух.

— Ладно, ну, Генри скоро заберет меня. Я позвоню тебе позже? В любом случае увидимся в школе на следующей неделе. — Я встала на цыпочки и поцеловала его в губы,

пытаясь облегчить его сомнения. Он слегка потянул мою нижнюю губу, и я выдохнула ему в рот. — Я люблю тебя.

— Я тоже люблю тебя.

Когда я увидела, как он идет к двери, мое сердце сжалось. После нашего последнего экзамена через несколько недель, будет целый семестр, когда нам с Дэниелом придется притворяться, что мы не влюблены. Только на этот раз я не буду в его классе. Сама мысль пройти через это снова была болезненной. Я хотела быть эгоисткой. Я хотела, чтобы он оставил свою работу. Хотела, чтобы он сбежал со мной, но я знала, что мы не могли. Он любил преподавание. Любил свою группу. Его дом был в Эджвуде.

И что насчет колледжа? Меня приняли в Университет Южной Калифорнии. Мой колледж мечты. Это четыре года вдали от Дэниела — еще четыре года порознь.

Мы провели один семестр, будучи рядом, но не в состоянии общаться, и это почти убило меня. Жестокая правда укоренилась в моей голове, когда я смотрела, как он идет по улице. Я влюбилась в правильного парня в неправильное время.

— Привет, Эшлин.

У меня душа ушла в пятки, я развернулась на звук своего имени.

— Джейк, ты напугал меня. Что ты здесь делаешь?

— Просто ездил к бабушке с дедушкой... — Он поморщился. — Почему ты только что поцеловала мистера Дэниелса?

В моем рту пересохло, и я закашлялась.

— Что?

— Ты только что целовала мистера Дэниелса. — Сказал он как утверждение, но в моих ушах это звучало как вопрос.

Я напряженно изучала его, когда он развернул свое тело к выходу, указывая на Дэниела, который стоял снаружи в ожидании такси. Я ощущала, как рвота подбирается к моему горлу.

Нервно рассмеявшись, я дернула ручку своего чемодана и начала катить его от Джейка. Мои ноги ощущались как желе. В моей голове была полная каша.

— Я должна встретить Генри... — пробормотала я.

Мы облажались.

Нам было слишком комфортно. Мы слишком много прикасались друг к другу. Мы ошиблись.

За мной следовали шаги, и я нахмурилась на их звук.

— Эшлин! Послушай, ты умная девочка! Но интрижка с учителем... — Джейк все болтал и болтал.

Моя рука взлетела к его губам, закрывая ему рот.

— Заткнись, Джейк! Заткнись! — я хотела расплакаться. Нет, поправочка... я уже плакала.

— О боже мой, это правда, — пробормотал он, делая шаг назад. — Он — этот парень?! Он — тот единственный?! О боже мой, Эшлин!

Он расхаживал туда-сюда. Я посмотрела в сторону выхода, и увидела, что грузовик Генри припаркован перед станцией. Я провела пальцами по глазам, и изо всех сил пыталась сдерживать панику.

Все мое тело тряслось, мои руки дрожали.

— Не говори ничего, — прошептала я.

Не веря, Джейк сурово взглянул на меня.

Я ушла, не оглядываясь. Но я ощущала, что он все еще смотрит на меня. Осуждая меня. Потеряв все уважение к той, кого он думал, что когда-нибудь сможет полюбить.

39 глава

Я не боюсь потерять тебя.

Я больше боюсь потерять себя.

Не ставь меня перед выбором. Потому что я выберу тебя.

~ Скитания Ромео

Эшлин

Четырехчасовая химия, это то, чего я боялась, когда вернулась в школу в первый день. Я не хотела встречаться лицом к лицу с Джейком. Я не хотела, чтобы он смотрел на меня с разочарованием в глазах.

Когда я вошла в класс, то услышала, как все шепчутся. Я не была уверена, было ли это из-за смерти Райана, или потому что я выглядела как смерть, но они шептались. Джейк сидел за нашим лабораторным столом, и когда он заметил меня, я застенчиво ему улыбнулась.

Его уголки губ немного приподнялись.

Только небольшая, крошечная улыбка, но сейчас этого было достаточно для меня.

— Привет, — сказала я, занимая свое место.

— Привет, Эшлин, — рассмеялся он, выделяя мое имя. — Я запаниковал... когда увидел... — он прочистил горло и подвинулся ближе ко мне, — то, что я увидел. Хотя я полностью понимаю.

Мое сердце бешено забилося.

— Ты понимаешь?

— Конечно, Эш. Ты потеряла свою сестру. Затем Райана. Ты была легкой мишенью для этого придурка.

— Он не придурок! — вскрикнула я, видя, как Джейк определенно не понимает.

Он взял мою руку в свою и держал ее. Я хотела вырвать ее из его хватки, но не сделала этого. Джейк не знал всю историю наших с Дэниелом отношений. Я не могла надеяться, что он поймет.

— Хотя я заставлю его пожалеть, что он использовал тебя, — прошептал он со спокойствием в голосе. — Он пожалеет, что причинил тебе боль.

— Джейк! Нет, пожалуйста. Ты не понимаешь.

Он не ответил. В его голове все уже было продумано.

И я видела, как это происходит. Моя жизнь в который раз разваливалась на части.

И на это раз не было никакого шанса все исправить.

Я шла по коридору после химии, чувствуя, как будто иду, наступая ногами на свое собственное сердце. Я бы хотела, чтобы у меня была мантия невидимка Гарри Поттера, с помощью которой я могла бы исчезнуть. Хейли еще не вернулась в школу, и я полностью ее понимала.

От взглядов чистого сожаления, направленных в мою сторону, мне хотелось постоянно плакать. Когда я дошла до своего шкафчика, я увидела, что Дэниел стоит в дверном проеме своего кабинета, смотря прямо на меня. В его глазах было опасное количество вины и боли, и я изо всех сил пыталась улыбнуться. Должно быть, он тоже слышал перешептывания толпы. Он сделал шаг в моем направлении, и я покачала головой.

Единственный человек, который мог привнести мне комфорт, не мог этого сделать. Единственный человек, к груди которого я хотела прижаться, пока бы он проводил руками по моим волосам, оставался на расстоянии.

— Мне плевать, — сказал он одним ртом, и мое сердце разбилось на миллион бесполезных кусочков.

Я пожалала плечами, и слезы начали наполнять мои глаза.

— А мне нет, — ответила я ему одними губами, прежде чем опустила голову. Я плакала в своем шкафчике и глотала ртом воздух, когда подавляющие воспоминания о смерти, вылезли на поверхность в моей душе.

Почему Габи с Райаном умерли? И какого черта я заслуживаю жить дальше?

Я задыхалась от слез, когда реальность обрушилась на меня.

Я разрушала жизни. Я была уверена, что делала это. Я разрушила жизнь Габи. Я разрушила жизнь Райана. Я разрушила жизни мамы и Генри. И я была на полпути, чтобы также разрушить жизнь Дэниела.

Прежде чем я поняла это, две руки обхватили меня и прижали ближе к своему телу. Я подняла голову и увидела, что Дэниел все еще стоит у двери своего класса, он сражался со слезами в своих глазах, но я была благодарна, что он сохранил дистанцию.

Генри пытался успокоить меня, хотя по его лицу тоже текли слезы.

— Все в порядке, Эш. Ты в порядке. Мы в порядке.

Я дернула его за рубашку, притягивая ближе.

— Пап... — прошептала я, не в состоянии произнести другого слова. Неоспоримая сила боли была разрушительной. Я знала, что сердцу может быть больно, но я никогда не думала, что оно может истекать кровью в мире небытия.

Генри держал меня. Ученики проходили мимо и шептались, а кто-то даже остановился и пялился. Но я испустила выдох, который держала несколько месяцев.

И я вдохнула воздух, который облегчил мой разум.

И выдохнула воздух, что держал в тисках мою душу.

Вдыхала, выдыхала. Я отчаянно нуждалась в выполнении этого действия снова и снова.

Просто. Дыши. Эшлин.

Я сидела одна за обеденным столом. Я даже не взяла поднос, чтобы поесть. Я просто

сидела. Одна. Сломленная.

В какой-то момент Эйвери посмотрел в мою сторону, как будто собирался присоединиться ко мне, но затем он отвернулся обратно к своему столу футболистов. Я задавалась вопросом, как долго он будет сохранять в секрете свою сексуальную ориентацию. Я задавалась вопросом, пытался ли он убедить себя, что он гетеросексуал, и что он в конечном итоге будет вести другой образ жизни.

Я надеялась, что он будет в порядке.

Джейк стоял в очереди за едой. Он кивнул мне, как будто собирался сесть со мной, но я не хотела находиться рядом с ним. Я подскочила со стула и направилась прочь. Я прошла мимо Эйвери. Прошла мимо Джейка.

Но я не прошла мимо Райана.

Потому что ты не можешь пройти мимо мертвого.

Мои глаза переместились к Дэниелу, несколько раз моргнув в его сторону, что было знаком последовать за мной.

Я вошла в закрытое помещение на цокольном этаже и стояла в затемненном пространстве, ожидая. Для кого-то я, вероятно, казалась жалкой, прислонившись к стене рядом с грязными швабрами и тряпками, но мне было все равно. Он придет, я знала это. Если Дэниел Дэниелс любил меня так, как я думала, он любит, он покажется.

Поэтому я ждала. Даже если это означало ждать, пока солнце не закатится и не приведет мир в бездну, я буду терпеливо ждать. Зная, что, несмотря ни на что, он сделает все возможное, чтобы встретиться со мной.

Я услышала его шаги, и когда подняла голову, увидела его лицо.

— Прости, я опоздал.

Всхлипывание вернулось, и когда я почувствовала его руки на своей пояснице, я прижалась к нему, соединяя наши тела вместе.

— Мне грустно, — сказала я, выдохнув.

Он расположил подбородок на моей макушке, успокаивая меня своей лаской.

— Мне тоже грустно. Поэтому вместо того, чтобы грустить поодиночке, мы можем грустить вместе некоторое время. — Он прижал губы к моему лбу, и я знала, что не было никого другого в мире, кого я бы хотела держать в объятиях. Никого больше в мире я не хотела так, как его.

Но я причиню ему боль.

Я всегда причиняю боль людям, потому что я так и не нашла время исцелить себя.

Поэтому я должна покинуть его.

Но было так тяжело отстраниться.

— Я никогда не влюблялась прежде, — прошептала я, располагая свою голову у него на груди.

Он провел пальцами по моим волосам, затем по щеке и нашел мои губы.

— Прежде я думал, что был влюблен, но я ошибался, — сказал он, обводя мой рот кончиком большого пальца. Мое горячее дыхание задевало его палец, когда он продолжал свое простое, сводящее с ума движение. — До тебя я никогда по-настоящему не любил. Я никогда не верил в вечность, пока не нашел тебя, милая. Эшлин Дженнингс, ты моя навечно и навсегда.

— Нет, — прошептала я на грани плача. — Дэниел, кое-кто знает.

Его глаза вперились в мои, и я ощутила, как волна беспокойства от него накрыла меня.

Или, может, это было мое собственное беспокойство. Иногда наши чувства были так синхронны, было тяжело разделить их.

— Откуда?

— Вчера на железнодорожном вокзале. Нас видели.

Он провел рукой по лицу, осознавая эту информацию.

— Ладно.

Это все, что он сказал.

Я сощурила глаза.

— Дэниел, он хочет рассказать! Он хочет сделать так, чтобы у тебя были проблемы!

Его плечи поникли, а голубые глаза вперились в мои.

— Я думал об уходе, Эшлин. Я могу зарабатывать на жизнь только музыкой. У моих родителей также были кое-какие сбережения. Я продам их дом. Я найду другую работу или что-то подобное. Таким образом, я смогу дать тебе все, в чем ты нуждаешься. Мы можем сделать так, что это сработает. Я смогу поддерживать тебя, когда тебе будет это нужно. Я смогу целовать тебя и не беспокоиться, что кто-то смотрит. Я перееду в Калифорнию, чтобы быть с тобой.

— Дэниел, — сказала я нервно. — Ты не можешь продать дом... Это твой дом. И ты любишь преподавать.

— Нет, я люблю тебя. Это все, что имеет значение.

Он собирался отказаться от всего к чему стремился, от всего, кем он был, чтобы выбрать меня.

Вот когда я поняла, что должна делать.

Мой голос надломился.

— Я разрушаю твою жизнь.

Казалось, что стены сужались вокруг нас. Я ощущала цепь вокруг своего сердца, когда начала медленно отталкивать Дэниела.

— Нет... — выдохнул он. Я чувствовала его нервозность. Он знал, к чему все идет.

— Маме становится лучше. Но она там одна. Я должна вернуться — поехать домой.

Он переплел наши пальцы и приложил к моей груди.

— Вот дом, Эшлин. Мы дома.

— Прости.

— Я не... — его голос дрожал. — Я не понимаю. Я знаю, что все пошло наперекосяк, но... — слезы обжигали его щеки, и он сделал шаг назад.

— Я не знаю, кто я сейчас, Дэниел. — Мой голос надломился, дрожал. — Сначала у меня была близняшка, теперь есть ты, и у меня не было времени понять, что значит быть самой по себе. А мне нужно попытаться. Мне нужно попытаться быть одной некоторое время, чтобы доказать себе, что я могу справиться сама.

— Я понимаю это, правда... но... — он вытер глаза и отвернулся от меня. Он упер руки в бока, и я наблюдала, как он глубоко и тяжело вдыхает и выдыхает. — Как я могу исправить это? Что мне сделать, чтобы ты осталась? — он посмотрел на меня. — Я откажусь от всего ради тебя, Эш. Я откажусь от своего мира.

— Дэниел... что, если я откажусь от колледжа в Калифорнии? — прошептала я.

Он отклонил это предложение, сказав, что Калифорния — это все, чего я хотела, что это была моя мечта. Я подошла к нему и провела пальцами по его щеке. Я обняла его руками за шею и притянула его рот к своему, целуя его страстно, чувствуя его слезы на своих губах.

— Я понимаю. — Я тяжело сглотнула. — Не проси меня быть причиной того, что ты отказался от всего.

— Как я должен продолжать жить? Не видя тебя каждый день? Без тебя?

Я положила руки ему на грудь.

— Начни медленно, — сказала я. — Может, мы просто должны обрести друг друга, пройдя через тьму.

— Я не верю в это, — спорил он.

Я нахмурилась.

— Это был Джейк Кенн. Ты должен поговорить с ним. Я не могу стать причиной, что ты потеряешь все, над чем так упорно трудился, чтобы получить.

Он нервно рассмеялся.

— Я теряю более важное.

Мои шаги от Дэниела были самым болезненными шагами, которые я делала в своей жизни. Стены шептали мне, насмехались надо мной изнурительными истинами о моей судьбе и судьбе Дэниела. Так много раз я хотела обернуться и забрать свои слова назад. Но я знала, что приняла верное решение.

Потому что мое сердце не болело бы так сильно, если бы это решение было неправильное.

40 глава

Не прощайся.

~ Скитания Ромео

Эпилог

Вернувшись в столовую, я ахнула, когда увидела, что Хейли сидит с Джейком за нашим столом и болтает. Я ринулась вперед и крепко обняла ее.

— Я думала, ты не вернешься на этой неделе!

Она улыбнулась.

— Когда-то нужно начинать сначала.

Дэниел вернулся в столовую и подошел к нашему столу.

— Джейк, могу я поговорить с тобой минуту в кабинете?

Джейк сощурил глаза на мистера Дэниелса и хмыкнул.

— Нет, спасибо.

Я поморщилась на его реакцию и подошла к Джейку. Я опустила рот к его уху и выдохнула:

— Пожалуйста, Джейк? Ради меня?

Он нахмурился и покачал головой туда-сюда. Он не сказал ни слова. Просто встал и последовал за Дэниелом из помещения.

Мы с Хейли сели за стол.

— Помнишь, в начале года я сказала, что никогда не видела, чтобы два человека любили друг друга так безмятежно? О Райне и Эйвери? — спросила Хейли. Я кивнула. Ее глаза переместились к Дэниелу, который уходил. — Я признаю ошибку.

Я наклонилась к ней.

— Джейк рассказал тебе? — она кивнула. Я начала объяснять сложность ситуации, но она перебила меня.

— Ты не должна ничего объяснять мне, Эшлин. — Ее глаза наполнились слезами, и она пожала плечами. — Друзья остаются вместе, несмотря ни на что. И я сказал Джейку закрыть свой большой рот и держать язык за зубами.

Я поморщилась.

— Да, ну, я не думаю, что он планирует сделать это.

— Если он заботится о тебе так же, как мистер Дэниелс заботится о тебе, значит, он заткнется.

Казалось, будто прошла вечность с тех пор, как Дэниел и Джейк покинули столовую. И они не вернулись до конца обеда. Я помчалась в кабинет Дэниела, мое сердце бешено стучало в груди, страх почти поглотил меня. Его дверь была закрыта, поэтому я ждала за ней, пока студенты проходили мимо меня, живя своими жизнями. Но я оставалась неподвижной.

Открылась дверь, и Джейк вышел первым. Я подскочила, когда увидела его, и бросилась в его сторону. Он выглядел озадаченным и шел медленно.

— Джейк? Поговори со мной, пожалуйста. Что случилось?

Он поднял на меня взгляд, в его глазах плескалось множество эмоций, и он пожал плечами.

— Думаю, что я только что влюбился в мистера Дэниелса.

Я рассмеялась, когда увидела его ухмылку.

— Да, он может очаровывать.

Его брови опустились.

— Ты правда уезжаешь? Возвращаешься в Чикаго?

Я кивнула.

— Послушай, это не из-за моих слов, что заставлю его заплатить за это? Потому что я не знал... — он сделал паузу. — Потому что я не знал, что один человек может заботиться о другом так, как он заботится о тебе.

— Это не из-за тебя, Джейк. Это просто жизнь. Жизнь идет своим чередом, и я позволяю себе двигаться вместе с ней.

— Я присмотрю за ней, — пообещал он. — За Хейли. Я буду сидеть с ней каждый день. Она не будет обедать одна.

— Спасибо тебе, Джейк. — Я поцеловала его в щеку.

— Всегда пожалуйста, Эшлин. — Он выделил мое имя. И я снова поцеловала его в щеку.

41 глава

Мы горели вместе.

Мы горели ради удовольствия.

Мы горели перед всеми.

Мы были звездами.

~ Скитания Ромео

Оставалась ночь, прежде чем она направится назад в Чикаго. Завтра после школы Эшлин будет в поезде, чтобы покинуть город. Я стоял на пристани с гитарой Габи, уставившись на замерзшую воду, мои руки были засунуты в джинсы. Рэнди выходил на улицу пару раз, чтобы проверить меня, но я сказал ему, что буду в порядке. Я должен. Она будет ненавидеть тот факт, если я буду не в порядке.

Уныние зимы заполнило все. Я мог видеть его в каждом вдохе. Музыка и таинственность озера притихла подо льдом. Но музыка в ее нежном голосе пела мне.

— Привет, — прошептала Эшлин, подходя ко мне. Генри позволил ей взять свою машину, чтобы попрощаться с некоторыми людьми. Она сказала, что использует ее, чтобы увидеть только меня. Под глазами у нее были мешки. Она не спала прошлой ночью.

— Привет, — я улыбнулся, поворачиваясь к ней. В ее руках была коробка. Мои глаза переместились на небольшой костер, который я разжег по ее просьбе. Я рассмеялся.

— Боже, ты выглядишь отвратительно. Чертовски уродливо.

Ее улыбка стала шире.

— Ухаживаешь... ты делаешь все правильно.

— Это отстойно, — вздохнул я, потирая заднюю часть шеи.

— Я знаю... — мы подошли к огню, и она открыла коробку. — Ты готов?

Я не был готов. Но поднял гитару и начал играть, тихо напевая.

Может, ветра были нашими друзьями, перенося нас домой.

Может, завтра будет прекрасным, где каждая душа обретет покой.

— Фальшивая пачка сигарет Райана, — сказала она, поднимая ее. Эшлин бросила ее в пламя, и мы наблюдали, как дым уносит ее по воздуху.

Может, путешествие стоит конечной смерти.

Может, приятным воспоминаниям о нас никогда не будет положен конец...

Когда она подняла письма от Габи, я поморщился.

— Эшлин, ты уверена?

Слеза скатилась по ее щеке, и она кивнула, опуская их в огонь.

Тонкие линии между здесь и там.

Пламя огня раскаляет воздух.

Вдыхай, выдыхай.

Ангел, слушай внимательно сейчас.

Я закончил играть на гитаре Габи, и мы стояли, наблюдая, как успокаивающий, пронизывающий ветер разносит дым. Эшлин вытянула руку в коробку и вытащила два листка бумаги и две ручки.

— Что теперь? — спросил я, двигаясь к ней. Она протянула мне листок и ручку

— Где ты видишь себя через пять лет? — она опустила взгляд на листок бумаги. — Напиши это. И после того, как я уеду в колледж, после того, как ты начнешь восстанавливать это место... мы обменяемся нашими записками. Прямо там, где мы начали.

— Ты так чертовски драматична, — я рассмеялся и нахмурился. Но я написал и засунул листок в свой карман. Она сделала то же самое.

— Я лучше пойду. Но мы увидимся завтра в школе?

— Да. Увидимся завтра.

Она все еще стояла, уставившись на меня. Притяжение моей души привело меня к ней, и я обнял ее. Я смотрел в окрашенное розовым небо, и изо всех сил пытался не отпустить ее.

— Я понимаю, почему ты уезжаешь. Я понимаю, что ты хочешь обрести себя, ты заслуживаешь это. Нет никого в мире, кто заслуживает обрести себя больше, чем ты. Но если ты не против, я бы хотел сказать все, что кричит в моей голове за следующие сорок пять секунд. И когда я закончу, я хочу, чтобы ты отстранилась от меня и направилась к машине.

— Дэниел... — замялась она.

— Пожалуйста? Пожалуйста, Эшлин. — Ее взгляд опустился в землю, и когда она снова посмотрела на меня, то кивнула. Я сделал шаг ближе. Мои губы коснулись края ее левого уха, и я прошептал: — Я думал, что выдумал тебя. Я думал, что живу в мире тьмы и придумал твое существование. Что каким-то образом мой разум создал тебя, нафантазив тебя в том поезде месяцы назад. Но затем я осознал, что не смог бы нафантазировать что-то такое прекрасное.

— Ты — причина, по которой люди верят в завтрашний день. Ты — голос, который отгоняет тени прочь. Ты — любовь, что заставляет меня дышать. Поэтому следующие несколько секунд я буду эгоистом. Я скажу то, что тебе не нужно слышать. — Я провел руками по ее спине вверх и вниз, когда притянул ее ближе, чувствуя, как дрожь проходит через все ее тело. Я поцеловал край ее уха. — Не уезжай, останься со мной навсегда. Пожалуйста, Эшлин. Позволь мне быть всем для тебя. Позволь мне быть твоим золотком. Не Уезжай.

Я отстранился от нее и почувствовал вину за ее слезы. Она улыбнулась мне и кивнула. Ее шаги к машине были такими медленными, и она повернулась ко мне лицом.

— Ты будешь здесь? Когда я найду себя?

— Обещаю-обещаю.

Я вошел в здание школы и увидел, что Эшлин смеется у своего шкафчика с Джейком и Хейли. Пройдя мимо них, я увидел картинки арбузов, покрывающих его сверху вниз. Я рассмеялся вместе с ней, когда увидел как Джейк и Хейли дразнят ее картинками, которые

они очевидно повесили.

Глаза Эшлин встретились с моими, и я почувствовал, как мое сердце бьется сильнее. Она улыбнулась и нахмурилась на пару секунд, прежде чем я отвел взгляд.

— Это был самый романтичный взгляд, который я когда-либо видела в своей жизни, — Хейли пробормотала Эшлин. Я продолжил идти.

— Не буду лгать, — пробормотал Джейк, — мне кажется, я сейчас возбужден, глядя на вас двоих.

Я рассмеялся на это, но не обернулся. Потому что знал, что если обернусь, я не смогу позволить этому случиться. Я бы прижал ее к себе и прошептал: «Пожалуйста, не уезжай».

— Дэн. — Генри подошел ко мне с мрачным взглядом на лице. — Можем встретиться в моем кабинете ненадолго?

Ему было больно, зная, что Эшлин возвращается в Чикаго. Это было видно по его глазам. Я знал это чувство.

Мы вошли в его кабинет, и он закрыл за мной дверь. Прежде чем я успел сесть за стол, кулак Генри врезался в мой глаз.

— Святое дерьмо, Генри! Какого черта это было?!

— Ты гребаный ублюдок! Ты использовал мою дочь! — он снова замахнулся, ударив меня в живот. Я заскулил от боли, когда удар выбил из меня весь воздух. Я согнулся пополам, пытаясь справиться с болью. — Она моя дочь!

Еще один удар в живот.

— Моя бывшая жена позвонила мне, чтобы убедиться, что все в порядке. Чтобы убедиться, что с Эшлин все хорошо. Но она так переживала. — Он снова замахнулся, но на этот раз я заблокировал удар. — Она так беспокоилась, что Эшлин покидает своего парня. И я подумал про себя: «Какого парня? У Эшлин нет гребаного парня!».

— Генри, позволь мне объяснить...

Он не позволил.

— И затем Ким назвала его имя. И сказала название его группы. Догадываешься какое?

Дверь кабинета открылась, когда я был на полу, и я увидел лицо Эшлин. Ее челюсть отвисла, и она быстро вошла, закрывая за собой дверь. Она посмотрела на отца и встала передо мной, когда я поднялся.

— Генри, посмотри на меня, — сказала она, вытягивая руки в воздухе.

— Эшлин, он использовал тебя! — закричал Генри, подбрасывая руки в воздухе.

Я вытер немного крови, которая стекала с моего рта.

— Нет, не использовал.

— Он задурил тебе голову. Ты столько пережила за последнее время, — вздохнул Генри, проводя рукой по своим волосам.

— Пап, посмотри на меня, — прошептала она, беря его руку в свою. — Он спас меня. Если ты когда-нибудь любил меня, ты позволишь мне объяснить. Ты выслушаешь меня, и у Дэниела не будет никаких неприятностей.

Он стоял, замерев, раздумывая над словами дочери. Затем он повернулся ко мне.

— Я больше никогда не хочу снова видеть тебя возле нее.

— Генри... — начал я.

Эшлин перебила меня:

— Я уезжаю! Я уезжаю. Клянусь. Все кончено.

Эти слова были как ножом по сердцу для меня, и я провел рукой по своему лбу,

соглашаясь с Эшлин.

— Все кончено.

42 глава

*Ни у чего нет второго шанса,
Просто первый шанс никогда не заканчивается.
~ Скитания Ромео*

Она уехала. Я не знал, что думать. Я не знал, что чувствовать.

Рэнди сидел со мной за кухонным столом и потягивал пиво. Он не знал, что сказать, чтобы я почувствовал себя лучше, и он не пытался сделать этого.

— Мне жаль, мужик. — Он опустил голову и покачал ею туда-сюда.

— Да. Мне тоже.

Задняя дверь дома открылась и вошел Джейс. Его глаза были опухшими от слез, и он засунул руки в карманы джинсов. Было очевидно, что он получил фингал от кого-то, и мои внутренности скрутились узлом, глядя на него. Его губа была расшиблена, и он выглядел таким же, каким я видел его в день смерти мамы.

— Я попросил Рэда отпустить меня. — Его тело тряслось от нервозности, и он рассмеялся, пожимая плечами. — Они не собирались никогда рассказывать мне, кто убил маму, ведь так?

Моя голова опустилась, и я изучал свои руки, которые лежали на столе.

— Нет. Они не собирались. — Я слушал его рыдания и поднялся со своего места.

Выйдя из комнаты, я вернулся с платком. Наполнив его льдом, я приложил платок к его чернеющему глазу. Он поморщился, когда ткань соприкоснулась с кожей, но словесно не жаловался.

Я больше не хотел ругать его. Не хотел говорить ему, как его выборы повлияли на его жизнь и на жизни других. Я просто хотел вернуть своего брата. Я видел, как слишком много людей теряют своих братьев или сестер, и я устал бороться.

Обернув руки вокруг своего брата, я притянул его в объятия, и он плакал мне в плечо.

— Я так сильно скучаю по ним, Дэнни. — Его сердце было разбито, и он, наконец, позволил себе чувствовать печаль по поводу смерти наших родителей, заменив ею желание мести. — Я не знаю, что теперь делать. Я не знаю, что делать...

У меня не было ответа для него. Я едва знал, что мне делать с моей жизнью. Я вытянул стул из-за стола, и мы с Джейсом сели рядом с Рэнди. Комната была наполнена тишиной, когда мы втроем оставались молчаливыми еще некоторое время.

— Ну, — Рэнди ухмыльнулся, перемещаясь к холодильнику и вытаскивая три пива. — У нас есть вакантное место в «Скитания Ромео».

Глаза Джейса расширились, и, не веря, он покачал головой.

— Вы хотите взять меня обратно? После всего, что я сделал? Особенно с Эшлин...

Я вздрогнул, когда услышал, как он произносит ее имя.

— Джейс... просто скажи хорошо, — сказал я.

В его голубых глазах плескалась улыбка, когда он поднял голову, чтобы найти мой взгляд.

— Хорошо.

43 глава

Я не хочу, чтобы это исчезло.

Обещай мне, что после этого дождя будет солнце.

~ Скитания Ромео

Эшлин

После того как покинула Эджвуд, я направилась домой и закончила свой последний год в старой школе. Мои старые друзья пытались общаться со мной, но я уже не была той девушкой, которую они знали. Мама все еще боролась с последствиями смерти Габи каждый день, но она заверяла меня, что ей становится лучше, так как я вернулась домой.

Она также больше смеялась.

Каждый вечер я сидела на диване рядом с ней — она смотрела телевизор, пока я читала. Наша рутина продолжалась, пока я не пошла в колледж. Чтобы начать сначала. Я завела новых друзей. Мне стало комфортнее быть самой по себе — это то, чего не было всю мою жизнь. Я перешла от того, чтобы быть близняшкой и всегда иметь кого-то рядом, к отношениям с Дэниелом.

Я ни о чем не сожалела, они оба сделали из меня ту, кем я была сегодня. Они сделали меня сильнее.

Мое воображение привыкло притворяться, что мы были вместе после того, как разошлись своими дорогами. Каждую ночь и утро в своей постели я прокручивала в голове, как он целует меня, как обнимает меня, когда прижимает к своему теплему телу, и его любовь вдыхает жизнь во все мое существо. Я воображала, как он заваривает мне чай, пока я готовлю ему яйца, как он любит, и делаю ему очень крепкий кофе. Затем мы занимаемся любовью, пока солнце полностью не взойдет, и улыбаемся, потому что знаем, что наши тела созданы друг для друга.

Наши сердца всегда будут биться друг для друга. Наши души предназначены гореть в

таинственном пламени, что освещает вселенную надеждой и страстью.

Большинство людей не понимали. Мои друзья подбадривали меня двигаться дальше, найти кого-то другого. Тем не менее, как я могла позволить кому-то дать мне все, когда я не смогу вернуть то же самое взамен? Это будет несправедливо.

Я знала, что больше никогда не влюблюсь. Этого не было в моих планах. Вероятно, это потому, что, когда я впервые влюбилась, я не переставала любить.

Любой на этой планете был бы счастлив, если бы ему представилась возможность любить мистера Дэниелса.

Тем не менее, я была еще счастливее. Потому что он любил меня в ответ.

Я писала каждый день, когда не делала домашнюю работу. Я создавала историю, которая я даже не знала, жила во мне. Не было написано ни одного слова, которое бы не сопровождалось его музыкой, играющей в моих ушах. Как будто он был рядом со мной, подбадривая меня.

К концу второго курса я написала слово на последней странице: «Конец».

Я сделала это. Я официально стала автором.

После того как закончила свой первый роман, я сама издала его. И продала целых семь копий.

Две, из которых, купила сама.

И затем я вернулась в Эджвуд.

На два года раньше.

Я больше не могла с этим бороться, я должна была узнать, думает ли он еще обо мне.

Потому что я ни на секунду не переставала думать о нем.

Долгое время я стояла перед зданием школы, пялясь прямо на окно его кабинета. Он улыбался своим ученикам, сидя на краешке своего стола, вероятно, умоляя их общаться с ним. Он размахивал руками в кабинете, и когда встал со стола начал писать на доске. Он обрезал волосы, и на его лице была растительность. Он выглядел таким... повзрослевшим.

Мои щеки покраснели точно так же, как когда я увидела его в первый раз. Он рассмеялся над чем-то, что сказал ученик, когда писал на доске, и покачал головой туда-сюда. Когда прозвенел звонок, я наблюдала, как ученики стали собирать свои портфели и выходить из кабинета. Поднялся весенний ветерок, и я сильнее сжала руки вокруг себя. Когда я сделала шаг назад, то увидела, что тело Дэниела повернулось к окну, и когда он поднял голову, наши взгляды встретились. Все внутри меня замерло, и мои губы приоткрылись.

Поначалу в его глазах было удивление, но затем он поднял свою руку и проговорил одними губами:

— Привет.

Мое сердце разбилось на кусочки от простого слова и жеста. Я прикусила нижнюю губу, чтобы удержаться от слез, и помахала ему рукой, прошептав:

— Привет.

Он провел рукой по рту и затем потер затылок. Я сделала шаг вперед, и он тоже, пока

мы не оказались лицом друг к другу, только стекло разделяло нас. Он приложил руку к стеклу, и я тоже приложила свою. Мои глаза опустились к кончикам его пальцев, которые почти лежали напротив моих, и я улыбнулась.

Когда подняла голову, я видела, что в его глазах стояли слезы, и он улыбался мне в ответ.

— Чай? — спросил он. Я кивнула, и слеза скатилась по моей щеке. Он засунул руку в карман. — Не плачь.

Я пожалала плечами. Я ничего не могла с этим поделать. Он сказал мне подождать его, и я не удержалась и рассмеялась, потому что я могу прождать его вечность.

Не прошло много времени, прежде чем он собрал свои вещи и встретился со мной снаружи школы. Мы долго стояли друг напротив друга, просто улыбаясь как дети. Я подошла обнять его, и он, должно быть, хотел сделать то же самое, потому что мы наступили друг другу на ноги. Последовал нервный смех, и я чувствовала себя тем же подростком, которым была, когда впервые встретила его на железнодорожной станции.

Когда его руки, наконец, были вокруг меня, я вдохнула его запах, сильнее цепляясь за его пиджак. Он долго не отрывался от меня.

— Ты выглядишь таким взрослым, — прошептала я в его плечо, и он рассмеялся, потерев своей рукой мою спину.

— То же самое могу сказать и о тебе. — Он отстранился и уставился на меня. — У тебя челка.

— Твое лицо волосатое, — рассмеялась я.

— Да, — он нахмурился, потирая подбородок. — Мне нужно побриться.

— Нет. Мне нравится так. — Меняя тему, я провела пальцем по своему красному носу. — Я останавливалась возле твоего дома вчера...

— Я переехал. — Он показал жестом, чтобы мы начали идти по тротуару, и я последовала за ним. — Мы с Джейсом провели некоторое время, ремонтируя дом, и затем я продал его.

— Но это была...

— Мечта моих родителей. Не моя. Я купил новое место недалеко отсюда. Квартиру большого ребенка, — пошутил он.

Мы стояли в тишине, но она не была некомфортной.

— Как Джейс?

Он улыбнулся.

— Чист. Впервые за долгое время. Он остался с Рэнди. И вернулся назад в группу.

— Хорошо для него. Хорошо для вас обоих. — Дэниел лишь улыбнулся. — Ты должен показать мне как-нибудь эту квартиру большого ребенка.

— У меня есть чай там. Я имею в виду, если ты хочешь посмотреть, — предложил он.

Конечно же, я согласилась. Мы шли в его квартиру и болтали обо всем и ни о чем.

Знаете, как бывает, когда люди не видят друг друга годами, и когда, наконец, встречаются, то это ощущается так, будто время совсем не прошло? Держитесь за таких людей.

Когда вставил ключ в замок, он повернулся что-то сказать мне, но ничего не покинуло рот. Потому что я прижала свои губы к его. Это была быстрая и внезапная необходимость, но мне нужно было вспомнить его вкус, мне нужно было вспомнить, как он ощущался напротив меня.

Не колеблясь, он поцеловал меня в ответ. Его руки были на моей пояснице, и я вдохнула его, впитывая Дэниела.

Я отстранилась и уставилась в его голубые глаза.

— О боже мой, мне так жаль. — Я покраснела, когда сделала шаг назад. — Я даже не знаю, встречаешься ли ты с кем-нибудь! И вот я просто прижала свои губы к твоим, как будто это какой-то...

Дэниел заткнул меня, обрушив свой рот на мой. Он раздвинул мои губы своим языком и медленно углубил наш поцелуй.

Я снова вдохнула, мои глаза закрылись.

— У тебя нет девушки, верно?

Он хихикнул.

— Нет. У тебя нет парня?

Я чувствовала его тело возле своего и была немного удивлена, насколько сильно оно все еще ощущалось как дом.

— Эм, Эшлин? — спросил он, вырывая меня из моих мыслей.

— Ох! Нет. Никакого парня. — Я слегка раскачивалась, переступая с пятки на носок. — Но ты можешь рассказать мне, сам понимаешь. Если в твоей жизни был другой человек. Я ни с кем не встречалась... потому что... ну.. как я могла после этого? Но я имею в виду, три года — это долго, чтобы ждать и я полностью пойму, если ты двинулся дальше, в том смысле...

Его пальцы прижались к моим губам.

— Ты говоришь бессвязно.

Я кивнула.

— Я нервничаю.

Он сделал шаг вперед, наши носы касались друг друга. Его пальцы зарылись в мои волосы, и он уставился в мои глаза.

— Никогда не было другой женщины, Эшлин. Никогда не будет другой женщины. — Удар. Удар. Сердца. Сердца. — Пойдем внутрь.

Когда я вошла в его квартиру, то улыбнулась. Это было очень похоже на Дэниела. В его гостиной были музыкальные инструменты, а по углам полки наполненные книгами.

Я направилась к книжным полкам, проводя по ним пальцами, чувствуя под ними обложки книг. Так много Шекспира. Так много истории.

— У меня есть зеленый и индийский чай. И какая-то странная упаковка чая, который подарила мне мама одного из учеников на Рождество в прошлом году. Какой мне сделать тебе? — спросил он, переходя на кухню.

Ни одного слова не пришло на ум. Потому что прямо между «Гамлетом» и «Много Шума из ничего» стоял мой роман.

«Найти Джульетту».

Не одна копия, а две.

— Дэниел, — прошептала я.

Он поднял голову и подошел ко мне.

— Это потрясающе, — сказал он, скрестив руки на груди. — Хочу сказать, что главный герой иногда мог быть придурком, но все в этой книге прекрасно. Я полюбил ее. — Он прочистил горло и поднял обе копии. — Я полюбил ее так сильно, что купил две. Просто на случай, если что-то случится с первой книгой.

Слеза скатилась по моей щеке, и я понимающе кивнула.

— Двойная проблема?

Он сделал шаг вперед и целовал слезы.

— Нам нужно подписать их. — Он пошел к журнальному столику в гостиной и сбросил все на пол. Схватив меня за руку, он подвел меня сеть на диван. Я захихикала, когда он вложил ручку в мою руку и пошел к столу, как будто был моим самым большим фанатом.

Которым он и являлся.

Он положил первую книгу на стол, я открыла ее и ахнула.

— Дэниел...

Внутри обложки книги было кольцо обещания, которое Бентли дал Габи. И книга уже была подписана. Там были слова:

— Ты выйдешь за меня, мисс Дженнигс? — подписанные мистером Дэниелсом.

Слезы катились по моим щекам, и я улыбнулась ему. Он нежно подтолкнул меня локтем.

— Ты должна написать свой ответ и оставить подпись.

Конечно, я написала «да».

И затем я подписала ее фамилией, что будет моей остаток жизни.

Миссис Дэниелс.

Эпилог

Мы влюблены.

~ Скитания Ромео

Эшлин вернулась в колледж, чтобы закончить свои последние два года обучения. Мы делали все возможное, чтобы навещать друг друга так часто, как получалось, и когда она вернулась в Эджвуд, Висконсин, то переехала в мою квартиру большого ребенка. Мы провели следующий год еще больше влюбляясь друг в друга, узнавая еще больше нового друг о друге. Она продолжала писать, становясь все большим профессионалом в своем ремесле, и решила, что хочет получить степень магистра — но она осталась ближе к дому для этой программы.

Дом.

Вот где мы были. Мы были дома.

И сегодня я не нервничал. Мои ладони уже вспотели, а гребаный галстук не завязывался.

— Дыши, Дэниел... — где, черт побери, был мой шафер? Разве не он должен отвечать за

этот гребаный галстук, который не завязывался? Конечно, нет. Джейс тоже не знает, как это сделать.

Я потер заднюю часть шеи, прежде чем отказался от галстука и перешел к манжетам на своей рубашке.

— Как ты?

Я поднял голову и увидел, что Генри стоит в дверном проеме. Он был при полном параде в смокинге, а его галстук идеально завязан.

Я слегка колебался, когда посмотрел на него, мои пальцы дрожали от какого-то странного чувства — но это была не нервозность!

Ну, может, это была нервозность.

— Этот гребаный галстук-бабочка убивает меня, а я нигде не могу найти Джейса.

— Дай мне, — сказал он, подходя ко мне. Он начал помогать мне, и я вздохнул. Теперь я чрезвычайно нервничал. Из-за Генри всегда так было.

— Она нечто особенное, да?

— Да, она особенная.

Он справлялся так, как будто был профессиональным экспертом в завязывании галстуков в прошлой жизни.

— Если ты обидишь ее, я убью тебя, и сделаю так, что это будет выглядеть, как несчастный случай.

Я рассмеялся вслух, пока не посмотрел в его жуткие, суровые глаза. Тяжело сглотнув, я почувствовал, как он крепче затягивает галстук.

— Генри, — я закашлялся.

— Дэн.

— Ты задушишь меня.

Коварная улыбка появилась на его губах, когда он ослабил галстук. Он сделал шаг назад и кивнул мне, прежде чем протянул мне конверт.

— Береги ее, сынок.

Слово «сынок» дошло до моих ушей, и я кивнул, взяв у него письмо. Он повернулся уходить, и я окликнул его. Когда он обернулся, я улыбнулся.

— Спасибо за помощь.

— Я просто завязал галстук. Ничего особенного.

Но мы оба знали, что он сделал гораздо больше, чем это.

Он оставил меня один на один с конвертом, и я открыл его, найдя два письма внутри. Я вытащил первое и начал читать слова Эшлин.

Мистер Дэниелс,

Ответ на вопрос, где я хочу быть через пять лет? Прост.

Я хочу быть с тобой.

П.С. Я сохранила письмо от огня.

Навсегда-навсегда,

Эшлин.

Я никогда не думала, что это возможно любить кого-то так сильно. Я вытащил письмо из конверта и прижал кулак к губам, впитывая все слова.

Всем, кого это касается,

Привет. Я не уверена, знакомы ли мы, но поскольку сегодня тот день, когда ты женишься на моей сестре, думаю, я хотела бы поздороваться. Поскольку я не могу стоять перед всеми и сказать свою речь подружки невесты, я скажу ее тебе.

Когда нам с Эшлин было по семь, она нашла паука в нашей комнате, и вместо того чтобы убить его, она хотела выпустить его на улицу, чтобы он жил чудесной паучьей жизнью. Позже он заполз на нее, и она случайно его убила. Она плакала три дня.

Когда нам было пятнадцать, она встречалась с полным неудачником, и когда он порвал с ней, она плакала четыре дня подряд.

Когда она узнала, что я больна, она плакала больше дней, чем я могу сосчитать.

У нее самое большое в мире сердце, и я знаю, что ты видел все его стороны.

Чтобы любить мою сестру надо быть сильным человеком. И ты сильный человек. Поэтому вот несколько советов-близняшки тебе от твоего покорного слуги:

Читай ей Шекспира, когда она плачет.

Прогуливайся под дождем и прыгай с ней по лужам.

Не обижайся на нее, когда она зовет тебя придурком в течение «этих дней месяца» — она самая настоящая сучка в это время.

Покупай ей цветы, потому что это вторник.

Заставляй ее делать вещи, которые пугают ее.

Не будь слабаком — мы не любим таких.

Не будь также мудаком — мы ненавидим таких.

Улыбайся ей, когда ты зол.

Танцуй с ней посередине дня.

Целуй ее просто так.

Люби ее всегда.

Спасибо тебе, что любишь мою лучшую подругу, братик.

Продолжай в том же духе.

— Твоя новая сестра, Габби.

Я пялился на слова на протяжении долгого времени, слезы текли по моим щекам, когда дверь в комнату открылась, и Джейс просунул голову внутрь. Я провел рукой по глазам и повернулся к нему.

— Ты готов, Дэнни? Фотограф хочет сделать несколько снимков шаферов до церемонии, сказал он, улыбаясь мне.

Я подошел к нему и приобнял его за плечо.

— Я готов.

Он ухмыльнулся мне.

— Ты знаешь, как завязывать галстук?

Я ухмыльнулся и закатил глаза.

— Конечно, а ты нет?

Эшлин

— Помоги мне Господи, если ты двинешься, я надеру твою задницу. Не. Дыши, — бормотала Хейли позади меня, пока мои руки лежали на моей талии. Я стояла так неподвижно, как могла, уставившись в окно на прекрасный пейзаж. Солнце освещало вершины холмов.

Хейли потянула завязку моего корсета плотно, на мгновения перекрывая мне подачу воздуха.

— Ладно, на счет три выдыхай... Раз... Два... Три!

Я выдохнула, наклоняясь вперед, насколько это платье позволяло мне. Малиновка танцевала на окне, и я проследила ее своим пальцем, наблюдая, как она улетает выше и выше к несуществующим облакам. Небо было абсолютно чистым во всех направлениях.

Повернувшись лицом к Хейли и маме, я услышала, как они глубоко вдохнули, но выдоха не последовало.

— Я выгляжу жирной! — поморщилась я, проведя рукой по кружевному материалу.

В глазах мамы стояли слезы, когда она подошла ближе ко мне и положила свои руки на мои.

— Ты выглядишь как самая красивая невеста.

Мои уголки губ дернулись.

— Это хороший день, чтобы выйти замуж, да?

Хейли хлопнула в ладоши и налила шампанское.

— Это идеальный день для свадьбы!

Раздался стук в дверь, и я убрала локон волос со своего лица.

— Войдите, если ты не Дэниел. Иначе оставайся снаружи.

Дверная ручка повернулась, и два человека вошли с коробками в руках. Джейс и Бентли. Они оба были в костюмах и выглядели очень элегантно. Когда они повернулись ко мне, я покраснела от того, как открылись их рты. Я копошилась в тишине, умоляя их заговорить.

— Эшлин, ты выглядишь... — Бентли улыбнулся, показывая свои ямочки.

— Идеально, — закончил Джейс, его голубые глаза сияли ярче, чем день. — Эм, извини. Мы оставим тебя, чтобы закончить приготовления. мы просто принесли несколько вещей, чтобы отдать тебе.

Бентли подошел ко мне и открыл первую коробку.

— Что-то старое и что-то новое. Любимый медиатор Габи, помещенный в новое бриллиантовое ожерелье.

В моих глазах стояли слезы, когда Хейли подняла мои волосы, и Бентли застегнул ожерелье на моей шее. Я поблагодарила его поцелуем в щеку.

Джейс шагнул следующим с небольшой коробочкой.

— И что-то взятое взаймы и что-то голубое. — Он открыл коробку, и я ахнула. — Это любимая пара голубых бриллиантовых сережек нашей мамы. Ты не должна надевать их. Я просто подумал...

Его беспокойство улетучилось, потому что я вытащила гвоздики из своих ушей и быстро заменила их красивыми сережками.

Джейс обнял меня и крепко держал.

— Он счастливый ублюдок.

— Он нервничает?

Джейс послал мне коварную улыбку и засунул руку в задний карман. Вытащив конверт, он вложил его в мои руки.

— Он сказал мне отдать это тебе.

Я провела пальцами по письму и улыбнулась, зная, что это то письмо, в котором он написал годы назад, где хочет быть через пять лет. Генри уже отправил мое письмо Дэниелу.

Мама улыбнулась всем.

— Как насчет того, что мы дадим невесте несколько минут, чтобы прочитать? — все согласилось и покинуло комнату.

Я села в кресло, открыв письмо.

Моя милая,

ты спросила меня, где я вижу себя через пять лет, и единственный ответ, который я могу придумать, — с тобой. Мы будем так сильно любить, что мир будет завидовать нам. Мы будем так нелепо счастливы, что цветы будут расти от нашего смеха. Через пять лет с этого момента, ты будешь моей, а я буду твоим.

Если все пойдет так, как мое сердце хочет, ты будешь моей женой. Я не знаю, будут ли у нас дети к этому моменту, но у нас будут дети в будущем. Я буду просыпаться каждое утро с твоей милой улыбкой и изумрудными глазами передо мной. Я буду засыпать с твоим прикосновением и твоим теплом. Поэтому, когда однажды мы скажем: «Согласны», просто помни, как сильно я люблю тебя. Нет никаких сомнений в истинности этих слов, никаких сомнений в том, что наполняет меня изнутри. С этого дня, единственное, что я хотел бы делать — это любить тебя.

Всегда-всегда,

мистер Дэниелс.

Его слова проникли в мою душу. Сейчас Дэниел Дэниелс был частью меня. Но, по правде говоря, я думала, что он уже был там, еще до моего рождения.

Через некоторое время мама и Хейли вернулись, чтобы забрать меня. Начала играть приятная романтическая музыка. Двери церкви медленно открывались. Генри взял меня под руку. Все наши близкие встали, глядя на меня.

Тем не менее, я не замечала их.

Мои глаза были прикованы к красивому мужчине, который стоял в конце прохода. Он улыбался, одаривая меня самой доброй в мире улыбкой, и я не могла сдержаться и улыбнулась в ответ, когда посмотрела в эти глаза.

Прекрасные.

Поразительные.

Потрясающие.

Голубые глаза.

И в первый раз за целую вечность, я знала, что независимо от того, что произойдет — независимо от жизненных препятствий и проблем — мы справимся с этим. Он был моим золотком, а я его.

Навечно-навечно и навсегда-навсегда.

Мы были больше чем в порядке.

КОНЕЦ

Больше книг на сайте - Knigolub.net